

ВІЛЬНЕ ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО КОЗАЦТВО

10-25 Srpna 1931.

Volné Kozáctvo

Ročník IV.

10-25-го августа 1931г.

86-87

10-25-го серпня 1931р.

П Р А Г А

П Р А Н А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

РІК ВИДАННЯ 4-ий

Ж. Пигон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Ив. Томаревский: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).
2. Петр Апостолов: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).
3. С. Паныця: Тайна. (Tajemství).
4. Борис Кундрюцков: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).
5. Олександр Півень: Гей чого, хлопці. (Verše).
6. Виктор Карпушкин: Марево. (Verše).
7. Петр Крюков: Марш. (Pochod — verše).
8. Вячеслав Седов: Призыв. (Verše).
9. S. O. S.
10. Шамба Балинов: Чем было Казачество. (Čím bylo Kozáctvo).
11. В. П. Елисеев (В. Петров): „Большая человеческая правда“ и „казачий национализм“. (Velka pravda lidská a kozácký nacionalismus).
12. Ив. Скобелин: Без чести и совести. (Beze studu a svědomí).
13. С. Савельев: По поводу доклада Д. Е. Скобцова. (O přednášce p. Skobcova).
14. Учур Алексеев: Под властью красных. (Pod vladou rudých).
15. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
16. Тень погибшего объединяет. (Stín mrtvého zjednocuje).
17. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
18. В Казакии. (V Kozákii).
19. Соловецкая каторга. (Solovčské žaláře).
20. На Дальнем Востоке. (Na Dalekém Východě).

Почтовый ящик.

Франция. — В. С. — Получено. Привет.	Франция. — И. Б. — Получено. Привет.
Эквадор. — В. К. — Получено. Ответ — письмом. Привет.	Югославия. — Д. З. — Получено. Привет.
Харбин. — Г. — Будет послано. Привет.	Франция. — С. Н. — Посылается. Привет.
Румыния. — П. С. — Посылается. Привет.	Франция. — А. И. — Послано. Привет.
Турция. — М. З. — Будем делать, что сможем. Привет.	Франция. — И. Х. — Таких вещей без подписи не печатаем.
Берлин. — Г. К. — Получено. Привет.	Персия. — П. Б. — Получено. Пошлем, что сможем. Предупреждаем, что визу достать трудно. Привет.
Парачин. — Ес. Д. — Хорошо. Привет.	Швейцария. — П. З. — Получено. Привет.
Болгария. — А. Л. — Получено. Спасибо.	Вайов. — П. Я. — Уместо в наступном числі. Вітаємо.
Болгария. — Б. П. — Получено. Привет.	

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Заечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.
П. Апостолов. Скопье.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12, Bukarest V.
В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 58).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Jeremiejew, Grajewo, ul. Boguszevska 5, m. 1.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).
M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).
Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 27, rue Neuport, Monplaisir-Plaine. Lyon.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

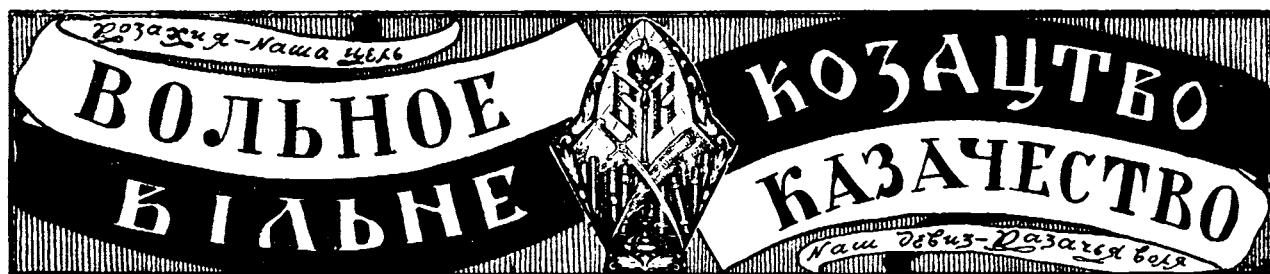
П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.
Т. Л. Ляхов. София, ул. Бачо-Киро, 52.
Н. В. Аниканов. Княжево — Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 85—87

10—25 августа, 1931 — 10—25 сентября, 1931.

№ 86—87

Ив. Томаревский. (Болгария).

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект).

Слава нашей Казакии —
Вольной издревле стране!
В ней казак, как в дни былые,
Строит счастье сам себе.

Это счастье — наша Воля;
Казакия — наша мать;
Мирный труд в станицах, в поле
И довольства благодать.

Слава нашему народу,
Что завет былой блюдет —
Казакией и свободой
Только мыслит и живет.

Петр Апостолов. (Югославия).

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект).

Кровью залита Казачья Земля,
В священной борьбе за Свободу, —
Боже, наш взор устремлен на Тебя,
Всесильный, дай Волю народу...

Братья и сестры казачьих станиц,
Творите молитву святую:
Боже, к Тебе припадаем мы ниц —
Храни старину нам родную.

Праведный, Добрый и Всемогущий,
Пролитую кровь Ты освяти,
Степи Казакии, степи родные
Для Воли потомства ей ороси.

С. Паныця.

Т а й н а.

Хорунжий Иван Нелюба, в числе первых окончив Николаевское кавалерийское училище, выбрал себе место службы в родном Кубанском Войске, в II полку, стоявшем у границ Турции. Ему представлялась возможность быть прикомандированным к военной миссии в Тегеране, но он молодой и горячий офицер, охваченный романтизмом бывшего старого славного Запорожского казачества, направился в глухое Закавказье, чтобы служить вместе с родными ему черноморцами, потомками доблестных запорожцев.

По прибытии на место, с первых же визитов он почувствовал, что попал к своим, к родственную среду: здесь не было того размеренно вежливого и официально предупредительного отношения к молодым офицерам, какое наблюдалось в целой Российской армии, а братское и дружеское отношение, как станичника к станичнику.

Через год службы хорунжий Нелюба был уже душой полка: ни одно совещание, собрание, увеселение не начиналось и не кончалось без него. Хорошее поведение его и влияние Нелюбы распространялось на все офицерское общество полка, его слова окончательно решали спорные вопросы между его приятелями-офицерами.

Характера он был самого общительного, неселего; никто никогда не видел его опечаленным, нервным и

раздраженным. В службе ему везло, как никому. Очень скоро он получил сотню. Командовал он этой сотней несколько лет и когда ему стукнуло за сорок, с производством в полковника, он получил назначение на свободную вакансию командира У полка, стоявшего тогда в Карсе.

Он сжился с казаками черноморцами и больно было ему оставлять П. полк, в котором он положил не мало труда и где протекали его молодые годы. Только то, что ему предстояло командовать теми же черноморцами, только другого отдела, несколько утешало его.

К тому времени полковник Нелюба потолстел, но в его карих глазах горел еще живой огонек. Его высокий лоб, еще без морщин, был окаймлен густыми волосами шатена без единой проседи. По внешности не трудно было заметить, что этот человек был в жизни всем доволен и счастлив. Каждое его слово было звучно и полновесно. Он был уравновешен и мужествен. Его душевная и физическая свежесть, как и энергия, проявляемая им при исполнении служебных обязанностей и в общественной жизни удивляли многих молодых офицеров его полка.

Все знали, что он женат, но никогда нигде он не появлялся с своей женой и это интриговало дам, подогревая их любопытство, заставляя порой делать всякие предположения.

Мало того, что командир полка никому не показывал свою жену, но нигде, ни единым словом не упомянул о ней за все семь лет командования полком; это еще больше повышало любопытство полковой семьи, где всегда бывают известны все мелочи семейной жизни каждого. Но семейная жизнь командира продолжала быть тайной.

Комендант крепости Карса праздновал свою серебряную свадьбу. Праздник устраивался в обширных залах гарнизонного офицерского собрания; на него были приглашены все штаб офицеры и командиры отдельных войсковых частей гарнизона. Все стены и люстры танцевального зала были старательно украшены массой цветов и гирлянд. Широкий стол, сверкавший белизной скатертей, дорогой сервировкой и пестревший цветами, создавал поневоле праздничное настроение. Зал, полный нарядных гостей, гудел гомоном голосов и был полон запахом разнообразных духов.

Наконец появились виновники торжества, прожившие счастливые 25 лет совместной жизни и повели гостей в столовую. За столом начались речи. Присутствовавшие у... с нетерпением ждали слова своего командира. Наконец, недалеко от председательского места поднялась импозантная фигура полковника Нелюбы, туго затянутая в черную черкеску. После обычных слов поздравления, полковник перевел свою речь на тему о значении, важности и священности брака, о том, какую роль играет семья в жизни, как единица, рода, целого народа и всего человечества. Его содержательная и красиво построенная речь приковала внимание всех слушателей. В речи своей Нелюба обнаружил большую начитанность, цитаты из писателей различных эпох, исторические справки всех времен чередовались в красивых сплетениях. Речь эта вызвала у многих слезы, а когда он при гробовом молчании кончил, то бокалы со всех концов потянулись к нему.

Когда ужин пришел к концу и раздались звуки нальса, полковник Нелюба, галантно предложив руку хозяйке, повел ее в танцевальный зал. Между ними завязался неизбежный разговор:

— Ах, я так благодарна за вашу прекрасную речь... Так может говорить только человек сам счастливый в семейной жизни, — сказала виновница вечера.

— Да, в сегодняшнем торжестве я праздновал и свой 25 летний юбилей супружеской жизни.

Загадка семейной жизни на этот раз так захватила его собеседницу, что она, не утерпев, попросила его быть с ней откровенным. Полковник не мог быть нелюбезным и начал рассказ.

— Когда я был юнкером в Петербурге, в одном доме на балу познакомился с интересной девушкой. Она зажгла в моей груди пламя первой любви. Познакомившись в тот же вечер с ее матерью, я получил приглашение — бывать у них в семье. Первый же отпуск я провел в их доме. При приветливом отношении со стороны девушки и радушном со стороны матери-вдовы, этот отпуск прошел для меня как никогда приятно. С тех пор все чаще и чаще мои отпуска начали ограничиваться этой милой семьей. Скоро по глазам, по выражению лица я понял, что девушке и я далеко не безразличны. Мать Маруси очевидно наши отношения замечала, но молчала. Однажды, придя к ним, я никого не застал. Деваться больше было некуда и я отправился на Невский. Гуляя там, вдруг я увидел Ма-

русю с матерью и при них какого-то солидного господина. Мать вела с ним оживленную беседу, а Маруся с печальным видом шла молча. Конечно, ревность закипела во мне. Я обогнал их, сделав вид, что их не заметил. На третий день я получил письмо от матери Маруси, в котором она просила меня их не посещать, что Маруся хочет забыть меня и выйти замуж за богатого купца. Но от самой Маруси в письме не было ни слова. Несколько дней я ходил ошеломленный, товарищи думали, что я заболел, но когда узнали причину моего такого душевного состояния, начали всячески стараться развлечь меня. Скоро настали экзамены и я, все же, отлично кончив училище, сейчас же после производства, уехал в Эривань, в полк к черноморцам и старался заглушить мои петерб. воспоминания.

Но однажды, неожиданно, пришло письмо для меня из Петербурга от матери Маруси. С первых же строк его я совершенно растерялся и не знал, что это значит. В нем она сообщала, что Маруся не может меня забыть и прямо предлагала жениться. Я долго не думал; насильно приглушаемая любовь вспыхнула во мне с еще большей силой. Я немедленно телеграфировал, чтобы выезжали. Ответ получился тоже немедленно, что едут, встречай.

В порыве полного счастья и восторга я похвалился всем офицерам однополчанам, что едет ко мне невеста, что я женюсь, буду семейным. Весть молнией облетела полк и мои приятели сочли нужным встретить невесту своего полковца...

Тут полковник замолк и, попросив разрешения, вынул портсигар и закурил. Лицо собеседницы выражало высшую степень напряженного интереса. Не желая дальше испытывать терпение юбилянта, полковник продолжал:

Стоим на перроне в ожидании поезда. Душа бурно хлопочет. Наконец, милый поезд примчался. Все многочисленные пассажиры покидают вагоны, а Маруси с матерью все нет и нет. Я решил, что они опоздали на этот поезд. Вдруг, из предпоследнего вагона выходит низенькая дама в черном, а за ней железнодорожные служащие несут на носилках больную. Я тот час же в женщине на носилках узнал Марусю и при ней ее мать. Недоумение и ужас овладели мной. Решив, что в пути случилось несчастье, я кинулся к ним с вопросом: что случилось?

— Простите, что Вам не написала всю правду... Маня вас так любит... любовь к вам и была причиной ее несчастья — заговорила мать. Но я ничего не понимал. Я распорядился доставить больную в ближайшую гостиницу. И там Маруся со слезами рассказала, что после того, как мать отказала мне в приеме и стала настаивать на выходе замуж за купца, она решила утонуть в Неве, потом она решила бежать из дома к тетке, жившей где-то у Фонтанной границы. Отморозив ноги, она едва добралась до первой деревни. Отморожение было настолько сильно, что обе ноги пришлось ампутировать...

Так пострадала прекрасная юная девушка из за любви ко мне. Вот живу я с ней 25 лет и доволен, что могу заботой и верностью хоть отчасти отблагодарить ее за ее великую любовь... (Полковник кончил. Он был сильно взволнован, расстроив свою сердечную рану...

Через несколько дней весь гарнизон знал о благодатстве полковника Нелюбы и уважении к нему всех окружающих еще больше возросло.

Борис Кундрюцков. (Белград).

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект).

Под сенью старинных тяжелых знамен
Пусть лезвие шашки сверкнет из ножен,
Пусть общий к победам порыв поведет
За Право, за Волю, за Край, за Народ...
В сожженных станицах лишь пепел, да прах,
И память о павших в жестоких боях...

Победу мы вырвем у нашей судьбы —
Рабами лишь могут быть только рабы...
Не плачьте вы, жены, деды-старика,
Не дрогнут кривые стальные клинки —
Под сенью старинных тяжелых знамен
Отчизны кровавый рассветит сон...

Олександр Півень. (Югославія).

ГЕЙ ЧОГО, ХЛОПЦІ.

(Нова пісня на стародавній напів).

Гей, чого, хлопці,
Добрі молодці,
Чого смутні — невеселі?
Мабуть набридло,
Ще й остогидло
Жити без своєї оселі?
В світі тинятись,
Поневірятись,
Та холодить чужі хати,
Коли страждає,
Смертю вмирає
Рідна Кубань — наша Мати?
Коли панує,
Зле коверзає
Злодій на рідній Країні,
А ми блукаєм,

Долі шукаєм
Тут — на чужинській чужині?
Годі ж блукати,
Киньмо шукати:
Ми її тут не знайдем;
Хоч ми напнемся,
В землю пробьємся,
Хоч на край світа ми зайдем.
Кращої долі,
Тут, в чужім полі,
Прадіди наші шукали,
Та, не знайшовши,
Землі пройшовши,
Знову додому вертали.
Кращая доля,
Вільная воля

В ріднім лиш Краї панує,
Де у народа
Справжня свобода
Всіма ділами керує.
Треба ж нам, хлопці,
Добрі молодці,
Треба давно про те знати,
Та Кубань рідну,
Змучену — бідну
Од ворогів рятувати;
А зрятувавши,
Твердо там ставши,
Дати їй волю й свободу,
Щоб на Кубані
Вічно — віками
Добре жилося народу.

Виктор Карпушкин. (Брно).

МАРЕВО.

Вижу марево... В тумане
Чуть чернеет темный лес;
Перед лесом на кургане —
В красном плаще черный бес.
Голова покрыта каской,
В пять концов во лбу звезда
И с бесовскою ухваткой
Вдаль глядят его глаза.
Вдруг с улыбкою презренной,
Хвост свернувши калачем,
Вдаль уперши взор надменный,
Указал кривым перстом...
И в тумане за курганом,
Где чернеет темный лес,
Все горит сплошным пожаром, —
Оттого и весел бес.
„Видишь?“ — молвил окаянный,
„Сколько дыму и огня?
„Не помог стих покаянный...
„Здесь стихия для меня.
„Слышишь вопли, плач и стоны?
„В муках корчатся они,
„И за то лишь, что законы
„Не хотят принять мои...“
И залился резким смехом
В красном плаще черный бес
И ему чуть слышным эхом
Отозвался темный лес...
Но не долго бес смеялся
Хитрой выдумке своей, —
На курган казак поднялся —
Вольный сын родных степей.
И курган украсил флагом,
Сине-ало-желтым весь,
А с вершины быстрым шагом
Исчезал проклятый бес.
.....
Вижу марево... В тумане
Плакал в красном черный бес
И ему лишь за курганом
Отзывался темный лес...

Петр Крюков. (Франция).

МАРШ.

Наша Родина в неволе:
Ждет она своих сынов.
Стон казачий в Диком Поле
Слышен... слышен звон оков.
Сломим вражескую силу —
Мы отвагою полны!
Или — Воля, иль — в могилу, —
Мы Казакии сыны!
На чужбине мы свободны,
Клич наш — вольный, боевой, —
Здесь, станичники, мы — вольны,
Но... в неволе Край родной!
Сломим вражескую силу и т. д.
Край родной наш изнывает;
Семьи наши — как рабы, —
Русский кат их истязает..
Все под вольный стяг борьбы!
Сломим вражескую силу и т. д.
Нам-ли, братцы-атаманы,
Изменять пра-праотцам?
Степь не помнит и курганы
Разве можно казакам!
Сломим вражескую силу и т. д.
Грудью станем на границах;
Кровь за Родину прольем, —
В куренях наших, станицах
Окупантов изведем!
Сломим вражескую силу и т. д.
Нам, Казачеству, не нужно
От России — ничего!
За свое же станем дружно:
Не дадим мы своего!
Сломим вражескую силу и т. д.
В бой последний все: за Волю,
За Казакию — идем!
Не дадим свой Край в неволю, —
Победим или умрем!
Сломим вражескую силу —
Мы отвагою полны!
Или — Воля, иль — в могилу, —
Мы — Казакии сыны!..

Вячеслав Седов. (Франция).

П Р И З Ы В.

Наступило грозно время.
Вдень смелее ногу в стремя,
Удалой казак! —
С древних лет ты сын свободы,
Рыцарь-воин от природы,
Старый ты моряк —
Кто сравняется с тобою
В рубке шашкой боевою
И владеть копьем?
Кто, как ты, врага разыщет,
В степи ночью волком рыщет
Со своим конем? —
Степь далекая родная,
Дона синева стальная
Ждут тебя домой.
Красный демон попирает,
Загрязняет, оскверняет
Твой очаг святой.
Плачут матери старухи,
Умирая с голодухи —
Ждут своих детей.
Смело ж, братцы, ногу в стремя,
Вспомнив дедов наших время,
Сядем на коней!

Степь родная лаской встретит —
В ковыле враг не заметит —
Всколыхнется Дон:
Закипит седой волною,
Тряхнет волюшкой былою
И над синею рекою
Понесется звон —
Звон призывного набата:
Выходи на супостата!
Выходи на брань!
Старший брат всех войск казачьих
Позовет вблизи лежащих
Терек и Кубань...
Тесной ратью мы сплотимся,
Как один все в бой помчимся
Прямо на врага.
Все мы в жизни потеряли,
Слишком много пострадали —
Жизнь не дорога.
Лучше смерть в Краю родном,
Чем в Европе быть гонимым —
То удел раба...
Шашки ж вон! и пики к бою!
За отчизну и за волю
Жизнь не дорога!

30-VI-1931 г.

S. O. S.

Notre peuple — les Cosaques souffre actuellement d'un mal épouvantable, il traverse une catastrophe terrible qui le menace d'une destruction physique. Il est sur le point de périr au sens propre de ce mot. Pour seule raison de ne pas admettre la servitude ni chez eux ni chez les autres, les Cosaques ont la mort sur les lèvres. Ils luttent à perte de leurs dernières forces pour leur liberté et leur indépendance humaine, nationale et politique. Ils ne peuvent pas maintenant se réconcilier avec la servitude sauvage sous laquelle la Russie des Soviets les soumet.

Notre peuple doit périr parce qu'il habite le territoire bien situé géographiquement, aussi, parce que son territoire est fertile et riche dans son sein. Il le protège contre les persécutions de la Russie actuelle avec une telle persévérance avec laquelle il l'avait défendu jadis contre les ordes des mongolo-tartares de Batý, de Takhtamiche, de Tamerlan et, plus tard, contre les tzars de la Russie du XVII et du XVIII siècles. Pour leur amour envers leur terre natale baignée par des torrents du sang de tant de générations et pour la profonde conscience de son droit de vivre sur la terre comme dans sa maison paternelle, la Russie actuelle détruit physiquement les Cosaques. Nous autres, les enfants de notre peuple qui sont maintenant en émigration nous crions vers le monde entier:

Sauvez nos âmes!

Sauvez nous, ne permettez **que** notre peuple périsse! Les citoyens libres de l'Europe et du monde entier, ne permettez **pas** que périsse le peuple qui a tant d'amour pour l'indépendance et qui lutte pour sa liberté pendant toute son existence. Cependant, il pourrait être écrasé par une masse de terre d'un peuple servile qui roule sur lui du Nord, d'un peuple dirigé par un pouvoir le plus terrible, qui ait jamais existé.

Mais le cosaque n'était **jamais** un esclave et il ne le sera pas! A l'époque actuelle il dépérit parce qu'il lutte dans les conditions les plus inégales, il veut conquérir son droit d'indépendance. Cette lutte **sacrée** il ne cessera jusqu'à ce qu'il ne sera **pas libre**. Aidez le de rester indépendant, autrement **il périra**!

Avec la chute du régime impérial en Russie en 1917 les Cosaques ont rétabli son indépendance de l'Etat. La Russie des Soviets n'avait pas reconnu cette indépendance, c'est pourquoi entre elle et les Républiques de Don, du Kouban, de Terek, d'Oural et d'Oriembourg éclata la guerre, qui dura à peu près deux ans.

A cause des forces **inégaux** et parce que la politique internationale dans la question russe "était formée non pas en faveur des Cosaques nous avons **manqué** la victoire libératoire presque déjà gagnée: **par conséquent** nos

territoires étaient occupés en 1920 par la Russie des Soviets. Dans notre pays s'est accompli le régime des vainqueurs.

Durant toute l'année 1920 chez les habitants de terres des Cosaques, sans aucun paiement, on prit toutes les munitions présentes de laine, de peau, de graisse végétale, des froments et des blés (minimum 500 million de pouds), pas moins que le tiers du bétail — des chevaux, des boeufs, des vaches, des moutons, des porcs même la volaille, ainsi que presque tous les vêtements et toute la chaussure à part cela que portaient les hommes. Il y avait les cas que pour être fusillé il ne fallait que porter un bon habit dont avait besoin le soldat des Soviets.

Protester ou résister était impossible. Les avant-gardes pénales visitaient les communes et fusillaient chacun qui aurait protesté sans le juger. Souvent elles exécutaient même dans les logements des Cosaques aux yeux des leurs enfants ou des parents. Les villages, surtout, les régions des montagnes, éloignés du chemin de fer, où les révoltes s'éclataient, étaient anéantis par le feu d'artillerie, pendant lequel périssait tout ce qui était vivant. L'exécution se faisait même au cas, quand le crime du peuple n'était que d'avoir laisser passer à travers leurs villages les groupes de révoltés et pour leur donner à manger. Cela dura ainsi à peu près trois années jusqu'au 1922.

L'autonomie des pays des Cosaques organisée durant les siècles sans même parler du gouvernement général, était anéantie complètement et les Cosaques tous ensemble étaient éloignés par l'autorité des occupants, de l'administration de leurs affaires publiques. Le régime d'occupation était passé exclusivement par les employeurs des Soviets, qu'on avait fait venir de la Russie.

Le corps général de la commune des Cosaques qui est le possesseur de tout le territoire des Cosaques fut détruit et l'administration de la terre tomba sous les mains des employeurs locaux du régime d'occupation.

Après avoir écarté les Cosaques du gouvernement de leur terre, le pouvoir des Soviets, depuis 1920, commença instamment à coloniser les territoires des Cosaques par les Russes. Mais, grâce à la résistance très énergique des Cosaques, la colonisation ne parvint aux résultats voulus pour le pouvoir de Moscou. Alors, depuis 1928, il commença à appliquer les autres méthodes.

Les impôts pour les Cosaques étaient établis $1\frac{1}{2}$ et, même, deux fois plus grands qu'ils n'étaient pas dans la Russie elle-même.

Depuis l'installation de la collectivisation, en 1928, de l'économie rurale la situation se changea strictement pour le pire. Par la suite des mesures administratives et économiques, la population était forcée d'entrer dans les collectifs. Ceux qui ne voulaient y entrer, sous n'importe quelle raison, étaient privés de terres

fertiles dont on remplaçait par les terres infertiles, on leur enlevait le meilleur inventaire, ainsi que le bétail de somme, on les pillait au moyen des obligations forcées d'emprunt public et des approvisionnements du blé pour ainsi dire; on ne leur vendait plus dans les coopératives, gouvernées par les agents du pouvoir d'occupation, ni manufacture, ni n'importe quelles productions de la fabrique, pourtant on les forçait d'avoir parts de mêmes entreprises. Quand ces moyens n'arrivaient pas à leur but, on déclarait les insoumis comme les „Koulaks“, on les jugeait, après quoi on les mettait en prisons, ou on les fusillait après avoir confisqué tout le bien des familles, jusqu'à le logement, le vêtement et le dernier morceau de pain. En cet état on les expulsaient au Nord lointain, à la Mer Blanche, à l'Océan polaire, au nord d'Oural, en Sibérie. En détachant les membres des familles les uns des autres, comme on avait fait autrefois avec les esclaves, on les force maintenant à travailler dans les abattages d'un bois, pour un morceau de pain pourri, ou pour un poisson gâté. Sous les conditions difficiles du froid, de la faim, du travail dur et du manque du secours médical, nos gens périssent par milliers. Cependant, de Don, de Kouban, de Terek, en trains de l'itinéraire, moins souvent qu'une fois par semaine, on amène des nouvelles victimes arrachées de leurs foyers paternels, qui ne peuvent plus résister à cette volonté de cauchemar. D'après les informations dont nous disposons, on a amené des nos territoires, plus qu'une demie de million de gens qui ne sont pas coupables que d'aimer leur pays et qui veulent être indépendants pour travailler librement sur leur terre natale.

Pourtant, ceux qui étaient forcés d'entrer dans les économies des collectifs sont obligés de prendre de temps en temps les armes pour se débarrasser de leurs surveillants et asservisseurs.

Le cinq juillet, de l'année présente, dans le journal „Dni“, l'organe de l'ancien ministre-président du gouvernement temporel de la Russie d'Alexandre Kerensky, on annonce:

— Le développement du mouvement des insurgés sur le Kouban, sur Terek, en Kabarda et dans les régions de Stavropol, a inspiré „GPU“ l'idée de faire la purification par le gaz des lieux où s'étaient cachés les insurgés. Un des ces lieux ils considèrent les lémans du Kouban. Ils y ont précipité, des aéroplans, les abus de gaz. Ces attaques de gaz étaient pratiquées plusieurs fois sur le Kouban aussi bien que dans les autres endroits du Caucase, alors les habitants des lémans en cas du bombardement ont pris certaines précautions et se sont enfuits d'avance. La purification des lémans, quand même a eu lieu, mais, le gaz par le vent très fort était emporté dans les lieux les plus hauts, c'est pourquoi en ont souffert les

habitants qui ne participaient point à la révolte, beaucoup de bétail a aussi péri. D'après ce que les eaux printanières du Kouban ont porté assez de cadavres, il faut supposer que la quantité de personnes qui ont péri dans les lémans était considérable...

La pratique des attaques de gaz fait périr tant de monde qui n'ont pas pris part à la révolte, que dans les environs était impossible d'accomplir les projets des semailles malgré tous les efforts des autorités des soviètes.

D'après les informations que nous avons, tout ce qu'annonce le journal „Dni“, dans l'article additionné, correspond, tout à fait, à la réalité épouvantable. Notre peuple plutôt meurt qu'il ne vit.

C'est ainsi notre peuple exposé à la terreur systématique durant les premières trois années d'occupation de son territoire, pillé de toutes ses économies rurales et qui payait jusqu'au dernier moment les doubles impôts annuels — la contribution de son vainqueur, il est soumis, aujourd'hui, de nouveau, à une terreur la plus atroce. Privé finalement de tout son bien, de sa terre, des outils, des moyens de la production en général et même de sa demeure, il est chassé de son pays natal au Nord éloigné de la Russie pour y travailler en servage, dans les forêts, dans les usines et dans les mines.

Mais, ce n'est pas encore tout : dans tout cet ensemble des conditions de la vie, et, surtout, dans l'état à demi affamés dans les ménages des collectifs qui sont dirigés par les employeurs du pouvoir d'occupation, le reste de la population est provoqué pour faire de petites révoltes — des protestations pour être étouffé au moyen des attaques de gaz des avions.

Pendant que les Cosaques périssent sur toutes leurs terres, à l'aide de terreur, par les attaques de gaz, ou exilés sur le Nord de la Russie, dans les lieux les plus périlleux avec les convois de l'itinéraire, le plus vite passible, on amène dans les régions des Cosaques, les paysans russes, qui posséderont les terres, les demeures, et le bien des Cosaques bannis. Si on compare tous ces faits et tout ce qui se passe en Russie des Soviètes, alors, il nous serait évident le but qui dirige l'esprit soviétique : il leur faut exiler et détruire les Cosaques pour coloniser leurs territoires et assurer leurs possessions.

Tandis que le grand principe humanitaire d'indépendance personnelle triomphe, aux yeux du monde entier, par la Russie des Soviètes, se fait un crime dont on ne peut trouver rien de pareil dans l'histoire universelle.

Alors, ce sont nous, les Cosaques émigrés, à cette heure terrible pour notre peuple, nous ne pouvons, et nous n'avons pas le droit de nous taire ; nous crions vers l'univers civilisé et libre :

Sauvez nos âmes !

Sauvez nous, aidez notre peuple qui ne peut et ne veut pas accepter l'esclavage. Votre

secours actuel à nous pourrait s'énoncer ainsi :

Vous seriez bien aimables d'étudier notre état véritable pour nous connaître mieux, de connaître nos aspirations, d'empêcher à nos asservisseurs de maintenir leur pouvoir dans notre pays c'est à dire :

1. de ne pas soutenir par les crédits et par les avions, c'est à dire, de ne pas armer ou de ne pas aider à s'armer le gouvernement russe actuel qui se nomme le gouvernement de SSSR ;

2. de ne pas acheter du pain russe, pour ainsi dire, car c'est le pain quatre vingt dix-neuf pour cent, le pain des Cosaques ou de l'Oukraïne, qu'on exploite par la peine servile de nos peuples, que l'on enlève chez eux sous les menaces d'être emprisonnés, expulsés ou fusillés ;

3. de ne pas acheter les graisses végétales, de l'aine, de tabac, parce que quatre vingt dix pour cent tout cela on enlève chez les habitants de notre pays malheureux ;

4. de ne pas acheter le bois russes, car il est travaillé par les mains des esclaves et aux dépens de la santé de milliers de gens affamés qui souffrent de toutes sortes de maladies ; tous ils sont bannis des terres des Cosaques, et des autres terres aussi soumises à l'esclavage des Soviètes ;

5. de condamner moralement et d'isoler le régime des Soviètes avec leur despotisme et leur impérialisme asiatiques.

Aidez nous et les autres peuples qui sont sous la servitude des Soviètes, de briser notre joug, car, si le monde leur permet de nous engloutir, et toutes nos ressources matérielles, il leur aiderait mettre en question la prospérité et la paix de toute l'Europe. La mine des Soviètes fera sauter en l'air toutes les inventions de la civilisation et de la haute culture.

Bourgeois — fabriquant et banquier-toi tu es le seul seigneur tout puissant pour le moment, tu gouvernes les sorts des peuples de l'Univers. Mais ne t'évires pas jusqu'à l'oublier, car toi, ou tes enfants payeront pour ton aveuglement par le même sang qui est versé maintenant, pour ainsi dire, dans le paradis des Soviètes.

Quand tu épargnes dans ta coffre-fort encore une centaine de milliers ou un million de dollars que tu as gagnés à l'aide d'arrangement avec le gouvernement farouche de SSSR, n'oublies pas que c'est l'extrait de la sueur, des larmes, de la détresse et du sang d'un million des esclaves qui périssent et qui sont déjà périés dans SSSR ; c'est elle, ce mélange explosif qui est capable de faire sauter en l'air la paix du monde entier, y compris toute la civilisation actuelle.

Notre salut-c'est le coup pour le bolchévisme de SSSR, c'est la perte de sa tentation de mettre feu à l'Univers entier

Sauvez nos âmes !

SOS !

Шамба Балинов.

Чем было Казачество.

(Окончание).

2. О казачьем сознании.

Современные русские историки упорно утверждают, что казаки — русские люди, что сами казаки так, мол, определяли самих себя, что они, в качестве русских патриотов, не переставали служить русскому государству, что, мол, и сами казаки так рассматривают свои взаимоотношения с Москвой.

Что казаки оказали Москве величайшие услуги — в этом нет никакого сомнения. Но интересно в этом отношении ознакомиться со взглядами на этот вопрос некоторых русских же ученых, а самое главное — понять то, как сами казаки рассматривали свою „службу“ Москве?

Русский историк Устрялов в своей „Русской истории“ пишет: „на берегах Дона, Донца, Ворсклы, в низовьях Днепровских появились люди свободные, греческой веры, русского языка, не признававшие над собой ничьей власти; они... не щадили и Россию: то были казаки... Главным пунктом, где развивалась казачья жизнь в полном блеске, было низовье Дона; здесь образовалось казачье общество в виде особого народа и отсюда пустило оно отрасли до берегов Днепра, Урала, Кубани. Народ казачий возник из слияния разноплеменных людей, искавших необузданной воли; в состав его вошли остатки древних половцев, черкесы, переселившиеся с Кавказа, русские удалцы, для которых были тягостны законы, беглые поляки, литовцы, молдаване, отчасти и татары, не терпевшие самовольства ханов. Чуждая смесь племен отразилась в чертах казаков, в их языке, в самом образе жизни: лицо их доселе выражает нечто азиатское; язык состоит из слов русских, татарских, польских; бесстрашие в битвах напоминает детей Кавказа, именем которых они гордятся, называя себя без разбора и Казаками и Черкасами“...

Так с несомненностью признает русский историк существование особого казачьего народа, особого казачьего языка.

Один иностранный ученый, д-р Г. Шульц, пишет: „в беспокойных пограничных областях между русскими владениями (т. е. в степной полосе, на Казачьих Землях) образовалась мало-по-малу особая народность“.

Казачью особенность, их независимость признают даже московская Боярская Дума и сам царь Иоанн IV. В 1538 г. на жалобу Турции на казаков Боярская Дума отвечает: „на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные боровны казаки; и наших окраин казаки смешавшись ходят и те люди как вам, так и нам тати и разбойники“.

В этом документе устанавливается, что на „Дикое Поле“ бежали не московские крестьяне, а именно „многие казаки“, т. е. возвращались на свою древнюю Родину казаки-эмигранты, бежавшие к азовцам, крымцам и на московские окраины и, возвращаясь, „смешивались“.

В 1549 г. Ногайский князь Юсуф также жалуется, что казаки нападают на его владения, забирают в плен. На это Москва ответила: „те разбойники (казаки), что гостей наших забирают, живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы не один раз посылали, чтобы их переловить, да наши люди добыть их не могут: вы бы сами велели их переловить и к нам переслать, а мы бы приказали их казнить“...

Или в другом месте тот же царь Иоанн IV отписывает крымскому хану: „казаки на Дону живут не по моей воле, бывают в войне и мире без моего ведома“...

Точно также сами казаки понимали свое происхождение, так именно расценивали свою „службу“ Москве, свои взаимоотношения с Москвой. Это ярко выразилось в одном документе. В 1632 г., после двухлетнего разрыва дипломатических сношений и экономической блокады против Дона, Москва пожелала установить свою власть (скорее символически) над Казачеством.

Начала Москва с того, что заставила прислугу прибывшую в Москву донскую зимовую станицу, на что Войско Донское ответило: „...крестного, государя, целования на Дону, как и зачался Дон казачьими головами, не повелось“... Далее в этом же документе казаки подробно перечисляют свою „службу“ Москве, как они помогали ей своим войском и каждый раз заключают: „казаки служили — не за крестным целованием“ и заканчивают свой ответ гордо и твердо: „а с нами того крестного целования не обновитца, чего искони веков не было“...

В 1648 г. посол московского царя, Андрей Лазарев, привел на Дон, на помощь казакам, отряд войск и, желая совершить обряд символического подчинения казаков Москве, потребовал, чтобы казаки пришли к нему на посольский стан получить царскую грамоту. И сам же Лазарев пишет своему царю, как казаки ответили на его попытку: „велели меня за ноги приволочь до Кругу“.

Немного раньше, в 1645 году, когда Дон изнемог после взятия Азова, царский посол, Ждан Кондырев, приведший на Дон вспомогательный отряд, тоже пожелал совершить обряд символического подчинения Донского Казачества Москве и „позвал атаманов и казаков к себе на стан“. На эту попытку Кондырева Войсковой Круг ответил: „А Войску де Донскому к Вам в стан не хаживать, и наперед де сего того не бывало, что атаманам и всему Войску Донскому к Вам, к стану ходить“... Казаки считали такую попытку — бесчестием для Войска и писали Кондыреву: „в Круг нейдете, и тем Войску бесчестите. А у нас тово в Войску николи не повелось, что ходить Войску к Вам на стан... Вы в Круг нейдете и государевы казны не отдаете. А у нас — де, как и зачалось Донское Войско, такового обраца не бывало, что Донскому Войску на стан ходить или иные такие статьи переменять. И о том — де у нас в Кругу приговор, как исстари бывало, так и ныне будет. И велели Вам от Войска говорить, будет вы к нам в Круг не пойдете и в предь к вам о том от Войска пересылки никакие не будут, и государевы казны и запасов не примем“... (Сватиков).

Вот как высоко ставили казаки предки свою независимость, как ревниво ее оберегали! Находясь в труднейшем положении (после взятия Азова), во имя защиты своей воли, чтобы Войско свое не „бесчестить“, казаки отказываются от приема царской казны и запасов!

Другого царского посла, Ивана Карамышева, в 1630 г. казаки обезглавили „за его великую неправду“. Точно также поступили казаки и с турецким послом при русском дворе, Фомой Кантакузеном, пытавшимся в 1637 году подать „вести“ туркам. И... „его, посла, за то с его людьми порубили“, — писали потом казаки.

Казаки твердо сознавали свою особенность. Всех, кто покушался на суверенное право народа, судили и наказывали на своем верховном судилище — на Войсковом Кругу. И прэф. Сватиков совершенно справедливо пишет: „Круг считал себя вправе судить и казнить за покушения на державные права республики всех: и „воровских“ казаков, и сепаратистов „Черкас-Запорожцев“ и даже иностранных послов“.

Эти „державные права республики“, казачья государственная независимость безусловно признавалась и всеми русскими царями, их правительствами вплоть до Петровского разгрома Казачества, когда все сношения Донского Казачества с Москвой велись через так называемый „Посольский Приказ“ (современное Министерство Иностранных Дел), когда казачьим послам („Зимовые Станицы“) на Москве, по словам московского дипломата того времени, Котошихина, „оказывалась честь наравне с иноземными послами“.

Можно ли, имея такие непрекращаемые исторические факты, говорить, что казачье освободительное

движение, идея казачьей государственной независимости — явление новое, заграничного производства? Конечно, нет! По этой „линии“ возражать против самостоятельности абсолютно невозможно, ибо исторические факты вопиют против этого.

Нет ничего удивительного, что далекие казаки предки, ярко сознававшие свою особность, свое неотъемлемое право по своему строить свою самостоятельную государственную жизнь, — так энергично и решительно охраняли и отстаивали престиж Донского Круга, неприкосновенность державных прав Донского государства!

Предки Казачества, во имя защиты своих государственных прав, готовы были вступить в войну и с Москвой. В 1630 году, после убийства царского посла, Карамышева, в ожидании возможной карательной экспедиции со стороны Москвы, собрался „Съезд всего Войска“ и решил: „...с Москвы хоть сто тысяч пришлют, то мы не боимся, соберемся в один городок“. Тогда же донцы немедленно заключили оборонительный союз против Москвы с Запорожской республикой, чтобы... „как откуда приходу чаять, каких людей многих, им взаимно помогать, а Дону де нам без крови не покидывать“...

Когда в 1632 году Донские послы, атаманы Богдан Конинский и Тимофей Яковлев, Лебяжья Шея, вынуждены были патриархом Филаретом присягнуть за Войско на верность московскому царю, то Войско решительно отвергло это покушение Москвы на казачью независимость и немедленно написало: „а креста, государи, целовати мы челобитчикам своим не писали, то они учинили не помня старины, своими молодыми разумы, без нашего Войскового совету и без приказа“.

Нечего говорить о всем известном движении Степана Разина, положившего свою буйную казачью голову на московской плахе...

Точно также известно всем так трагически закончившееся движение Кондратия Булавина, поднявшего знамя борьбы „за казачьи вольности, за честь казачью, неподкупную“. В те времена казаки говорили: „если государь пришлет нам на Дон рать большую, то мы замирились с Азовом и поднимем Крым, и старшин, которые с Разиным не были и государю доброхотствовали, побьем, чтобы они в Москву вестей не давали“...

Как изменились времена и казачье сознание! Тогда „вести“ в Москву рассматривались, как измена Дону, а теперь считается нравственным долгом „доброхотствовать“ Москве.

Даже Пугачев в 1774 году обращался к казакам: „вы ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян, которые не насытятся Россиею, но и природные казацы Войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род“...

Полковник Евграф Грузинов, в 1800 году казненный, защищая казачьи вольности и независимость, говорил, что „все Донские казаки независимы от царского престола и не обещались перед ним вечною присягой, а только временной относительно службы, что он (Грузинов), а также все казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданные“ Павла I.

Даже такой человек, как ген. Чернышев, любимец Александра I, в 1819 году назначенный председателем „Комитета об устройстве Войска Донского“, конечно, далекий от признания казачьих прав на независимость, по изучению положения на месте, вынужден был признать своему государю: „...Донской народ угнетен беззакониями всякого рода... Целый народ безответственно угнетается...“ Тогда же Чернышев в другом месте должен был признать перед своим государем, что среди донских казаков, „кои с некоторого времени подстрекаются суждениями обучающимися в университетах (имеется в виду группа Сухорукова), всегда замечались мечтательные мысли насчет самостоятельности их отчизны“.

Можно ли, имея бесспорное свидетельство таких

людей, как г. Чернышев, который не допускал „даже самые мысли“ о казачьей самостоятельности, говорить теперь, что самостоятельность — новое, заграничное, явление? Очевидно, для того, чтобы так утверждать, надо основательно забыть всю казачью древнюю старину или совсем ее не знать!

Даже революционеры XIX ст. хорошо уловили это казачье настроение, не умирая живущее в душе казаков, и на этой казачьей национальной струнке они строили свое обращение (1848) к казакам, адресуя его „Храброму народу, козакам донским“ и указывали казакам, что „ваши свободы и права... не устояли против нападений то лести, то насилия... Довольно вам этой жизни низкой и сромотной, храброй Народ, проснись на зов народов от Запада... Позовите к Вам всех козаков и тогда сделаетесь государством сильным, которое будет владеть землями и морями, и благоденствовать в славе... Воины Дона, Урала, сражайтесь одно мгновение, как вольные люди, а получите мир, свободу и счастье навсегда“...

Офицер ген. штаба Н. И. Краснов в „Географическом и статистическом описании Земли Войска Донского“ (1863) тоже констатирует это казачье особое сознание и пишет, что „всякое постановление помимо их (казаков) заявления возбуждают в донцах неудовольствие и нелюбовь к иногородним, которых они (казаки) называют „рускими“, считая себя как бы отдельным народом“.

Члены свиты цесаревича, посланного в 1863 году на Дон, вернувшись в Петербург, вынуждены были констатировать, что существует „стремление донских казаков к автономии и независимости“.

Возникшая в 1905 году казачья политическая организация „Областной Казачий Союз“ в своей объяснительной записке к проекту устава, писала „Вольность, независимость свободной полноправной личности была для казаков дороже всего... И, говоря о заветах предков, не следует забывать, прежде всего, этого. Из исторической борьбы Казачества за свободу и независимость вытекали и главнейшие права Казачества: право на всю землю, которую Казачество кровью своею приобрело“...

В 1906 году сбор Усть-Медведицкой станицы постановил: „В Войске Донском должно быть восстановлено прежнее самоуправление Казачества, должен по прежнему созываться Войсковой Круг из всех казаков-граждан для решения всех вопросов внутренней жизни Казачества, как это было встарь“.

Если обратить внимание на слова „прежнее“, „по прежнему“ и „встарь“, то станет совершенно понятным — какого самоуправления Казачества и какого Войскового Круга требовал сбор Усть-Медведицкой станицы, ибо „прежде“ и „встарь“ самоуправление и Войсковой Круг существовали до разгрома Казачества Петром I, когда Казачество было совершенно самостоятельным государством.

В Гос. Думе В. А. Харламов говорит о возрождении среди донского Казачества „того старого духа свободы, который создал Казачество, и который с течением веков нашим самодержавным бюрократическим правительством, истреблен в казаках“. Ныне решительный противник казачьей самостоятельности, отрицающий право Казачества именовать себя отдельным народом, В. А. Харламов, вынужден был признать с трибуны Гос. Думы, что „для казака его область — это был особый мир. Это — моя страна: я здесь дома — говорит казак, — а там Россия, там все чужое. И он (казак) не считал себя связанным с нею (Россией)“.

Советский писатель Шолохов, устами героя своего романа, простого казака Афоньки, передает, как казаки сами про себя думают. Когда революционер Штокман, уговаривая казаков не отделяться от мужиков, говорит, что крестьяне и казаки одинаково русские, то этот простой казак Афонька решительно ему отвечает: „Брешешь!“.

— „Казаки от русских произошли, знаешь про это?“

— спрашивает Штокман.

— „А я тебе говорю — казаки от казаков“

ведутся" — твердо отвечает тот же Афонька. А когда Штокман с носом уходил от казаков, то последние закричали ему вслед:

— „Сволочь поселилась!.. ишь, поганка, в мужиков захотел переделаты!..“

Официальный орган Штаба Донской Армии, газета „Казачий Вестник“ (в Крыму!), уловив „биение казачьего пульса“, правильно поняв настроение и историческое стремление казаков, так определял свою политическую программу: „создание триединого казачьего Доно-Кубано-Терского государства, исторически связанного с древними казачьими республиками, уничтоженными Петром Первым“... Эту свою политическую программу та же газета обосновывала следующим образом: „Какое нам дело до России? хочет она себе коммуны — пусть себе живет с коммуной. Хочет царя — пусть наслаждается царем. А мы хотим жить так, как нам разум, совесть и дедовский обычай велют. Дай Бог нам снова вернуться на Дон, очистить от коммунистической нечести. Мы ошестинимся штыками, потребуем, чтобы нас оставили в покое“. Эти мотивы и эти цели, которые ставила себе Донская Армия в 1920 году в Крыму, являются актуальными и до наших дней.

... В феврале 1917 года восторжествовали не изжитые Казачеством идеалы древне-русской вольницы. Ныне, очутившись в Крыму, Казачество не откажется от своего права на самоопределение“, писала та же газета, совершенно правильно отражая подлинное настроение и политическое стремление казаков. В этой краткой политической формуле ярко отражена основная сущность казачьей души, с глубокой древности стремящейся к освобождению, к свободе, но эту рвущуюся к свободе казачью душу московские цари и их слуги каленым железом сжигали, потоком крови заливали.

Это отношение московских царей к казакам, к их стремлению хорошо определяет б. председатель „Круга Спасения Дона“, М. А. Горчуков, квалифицирующий это отношение, как постоянную охоту за казачьими черепами. — „Ведь казак всегда был предметом охоты и эта охота мне часто представляется, как охота за черепами. Да, много есть охотников за казачьими черепами, продолжает Горчуков, — ... но мы идем к освобождению, которого так жаждет казачья душа“... Правда, этот самый Горчуков ныне — один из отчаянных противников казачьего освободительного движения, которого, по мнению Горчукова, „так жаждет казачья душа“, дел, Горчуков, теперь думает как то мирно уладить дело с этими самыми „охотниками за казачьими черепами“, но в минуту откровенности и в пылу ораторского увлечения с его уст сорвалась святая истина!

В 1917 году все казачьи войсковые части „9-ти Казачьих Войск“ при Особой Армии, в своем воззвании к казакам писали: „... проведем в жизнь наши заветные мечты о вольном казачьем самоуправлении... Уже родилась свободная Финляндия, рождается свободная Украина. Мы создадим Вольное Казачество“.

О „не изжитых“ казачьих стремлениях к свободе, к отдельному государственному существованию говорил и тот член Донского Круга, который обращался к Казачеству с призывом: „пригребай к своему берегу!“. Об этих же стремлениях свидетельствует существовавшая у казаков „пограничная болезнь“.

О трагической судьбе Казачества, о его неосуществленных чаяниях рассказывает и б. Командующий Донской Армией ген. В. И. Сидорин, который считает, что над Казачеством висит дамоклов меч. „Под этим дамокловым мечом я разумею то, что... Горчуков называл охотой за казачьими черепами и, что я (Сидорин) называю вкоренившемся традиционным взглядом (русских) на казачество исключительно, как на отличную боевую силу, как на пушечное мясо“, — говорит Сидорин.

Донской Атаман ген. Богаевский в меморандуме, поданном иностранным державам, „указывал на историческое право казаков на самостоятельное существование“, доказывал, что „независимость Донской территории должна быть гарантирована Антантой“.

— „Представляя из себя последние два с половиной года самостоятельное государство с определенными территориями и населением... оросив кровью каждую пядь своей земли, отстаивая старинные вольности, Донское Казачество не может помириться с поглощением его сов. Россией“, — писал в 1920 году Ат. Богаевский Врангелю.

Замечательное признание, от которого теперь Богаевский, вероятно, будет и руками и ногами открепиваться: Казачество, орошая каждую пядь своей земли, боролось не за „Единую, Неделимую“, как теперь говорит Богаевский, а боролось „отстаивая старинные вольности“ Казачества!

Я не буду указывать на тот величайший фактор — на существование в 1917-20 г. г. самостоятельных, независимых казачьих государств, на их богатую и разнообразную творческую законодательную работу по строительству народной жизни, на героическую и жертвенную борьбу Казачества „за свой порог и угол“. Также не буду ссылаться на статьи Основных Законов существовавших Казачьих Государств.

Этот фактор всем известен, через него перепрыгнуть никак нельзя и о котором и так уже много раз говорилось. Но следует упомянуть и напомнить казакам, что, если фактом разрушения существовавших казачьих государств, они до некоторой степени освобождены от юридических обязанностей по отношению к этим государствам, то существует обязательный для всех донских казаков моральный закон — присяга „быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому своему Отечеству“... клятва казаков „обещаюся служить ему до последней капли крови, всеми силами содействуя славе и процветанию Войска Донского („Своему Отечеству“)“...

И эта присяга являлась выражением подлинного „казачьего древнего обычая“!

Итак:

с древних времен и до наших дней, как у далеких казачьих предков, так и в душе современного казака крепко сидело и сидит:

1) одинаковое понимание казачьей природы, что Казачество имеет свое особое племенное происхождение, свою особую, отличную от русской, историю, особый народный быт, обычай, особую казачью психологию, особую духовную и физическую природу;

2) одинаковое сознание, несмотря на страшные и кровавые подавления, на „вырывание ноздрей“ (брату

Как русские люди и до сих пор еще пишут о казаках.

Для характеристики того, как русские пишут казачью историю, приведем ниже несколько мест из статьи некоего Владимира Абданк-Коссовского „Покорение Сибири“, помещенной в „Возрождении“, в номере от 7 июля с. г.:

... „Чего не могло достигнуть правительство, то сделали частные люди (Строгановы. Ред.) в соединении с удалыми разбойниками, поволжскими казаками“.

„Узнав о приближении к их владениям одной из казацких шаек, прославившейся своими разбоями на Волге, Строгановы пригласили ее к себе на службу“...

„Ермаку с одной стороны нужно было укрыться с дружиною от преследования московских воевод, а с другой — найти новое и добычное место для грабежей“.

(Разбивка наша. Ред.)

полковника Грузинова), на „втыкание на кол“ засушенных голов казацких атаманов (Булави и Зерщиков), на жестокое гонение и насилие, не умирая никогда жило определенное политическое стремление — к своей древней воле, „как встарь“ (сбор Усть-Медведицкой станицы), к своей государственной независимости.

Господа! необходимо обратить свое особенное внимание на одно обстоятельство, на одно „историческое недоразумение“, которое стало как бы „ходячей истиной“.

Все казаки, кажется, за исключением казачьих „младотурков“ и членов партии „Крестьянской России“ желают жить „по казачьему древнему обыкновению“ с „выборным Войсковым Атаманом“.

Что сие значит? В одном этом требовании заключается определенная, точная казачья политическая программа! Одни казаки (большинство) не понимают глубокого смысла своего подобного требования, а другие, знающие, не хотят раскрывать его смысла.

Ведь „казачье древнее обыкновение“ и „выборный Войсковой Атаман“ — это есть Казачество до Петровского разгрома, когда оно было совершенно самостоятельным, ни от кого независимым государством! Отдают ли в этом себе ясный отчет те, которые так часто высказывают свою любовь к „древнему казачьему обыкновению“, добиваются выборного Атамана? И исторически и логически совершенно правы те русские, которые, говорят, что требование выборного Атамана — самостийность, ибо выборные Атаманы у казаков были только тогда, когда они жили самостоятельной государственной жизнью.

В истории Казачества имеются два бесспорных положения: 1) самостоятельное казачье государство с выборным Атаманом во главе и 2) российская провинция с назначенным генерал-губернатором в виде „наказного атамана“. И тот выборный Атаман, который ныне стал бороться против идеи казачьей независимости, является из себя самое величайшее недоразумение, ибо этим самым он говорит, что я — только форма, без всякого исторического содержания!

Нельзя же в самом деле серьезно говорить, тем более „доказывать“, что „древнее казачье обыкновение“ заключается в том маленьком отрезке времени, который исчисляется только девятью годами: с 1709 г., когда казачья государственная независимость была погребена в казачьей крови и последний подлинный казачий Атаман, Булавин, вынужден был застрелиться, по 1718 год, когда выборный Кругом Атаман, Василий Фролов, Петром I был впервые утвержден „впредь до нашего указа беспременно“. Следующий же за Фроловым выборный Атаман, Краснощеков, и совсем не был утвержден, а на его место, против желания казаков, был назначен первый „наказный атаман“, Андрей Лопатин.

Вот тот маленький отрезок времени, когда выборный казачий Атаман „сочетался“ с утверждением центра, Петербурга, т. е. первый и единственный Атаман выборный казаками, но утвержденный русским царем. Это этого — полная независимость Казачества, после этого — столь же полная подчиненность. С этого времени никакого выборного Атамана не было, а существовал „оный чин войскового атамана“, каковым чином (скажем, как чином прапорщика) императрица Анна Иоановна в 1738 году пожаловала Ефремова!

Три образа трех последних атаманов, живших почти в одно и то же время:

1) Кондратий Булавин — бесстрашный поборник идеи казачьей независимости, пламенный защитник исторического права Казачества на самостоятельное государственное существование, „за казачьи вольности, за честь казачью, неподкупную“ живот свой положивший;

2) Василий Фролов, избранный казаками, но, подчиняясь силе Петербурга, примирившись со злом, принявший утверждение и, по указанию Петра, правивший Казачеством;

3) Андрей Лопатин, презревший выборы казаков, принявший прямое назначение и положивший начало эпохи „наказных атаманов“.

Кондратий Булавин — последний из целого ряда выборных, независимых казачьих Атаманов, живой и яркий символ казачьей вольности и свободы;

Андрей Лопатин — первый из целого ряда последовавших затем „наказных атаманов“ — губернаторов над Казачеством, символ смерти казачьей независимости, вольности.

Между этими двумя символическими образами — единственный атаман, Василий Фролов, покорно примирившийся со злом, легко принявший утверждение русского царя. Фролов — символ подавленности казачьего духа, растерянности, беспутности, а, м. б., лести, беспринципного карьеризма.

И вот спрашивается: какой из этих трех казачьих атаманов ныне люб сердцу казака? Говоря о выборном казачьем Атамане, кого из них мы должны иметь в виду?

Ныне, домогаясь жизни „по древнему казачьему обыкновению“ и выборного Атамана, нам, казакам, необходимо дать себе ясный отчет: какого „казачьего обыкновения“ мы желаем — того ли, которое существовало только в течение девяти лет, или того подлинного „казачьего древнего обыкновения“, которое выработывалось на протяжении многих столетий? Хотим ли мы только „оного чина войскового атамана“, или хотим подлинного казачьего Атамана, выборного главы казачьего государства, „как жили наши предки“?

По нашему глубокому убеждению, „казачье древнее обыкновение“, настоящие выборные казацкие Атаманы имеют место только в до-Петровской истории Казачества, именно оттуда веет „древней казачьей стариной“, именно оттуда берет свое начало особое казачье сознание.

А о существовании этого особого казачьего сознания, этого определенного казачьего политического стремления нам единодушно свидетельствуют: вся московская дипломатия XVI и XVII веков, члены свиты наследника русского императора, русские придворные генералы, отдельные русские и иностранные ученые, революционные деятели, казачьи станичные общества, казачьи политические организации, простые казаки и видные казачьи деятели.

В политическое оформление этого особого казачьего сознания, так сказать в „реализацию“ этого исторического казачьего политического стремления глубоко верит и казачий поэт, который в 1918 году пишет:

— „Но все же верил, все же ждал; за дедовский завет и за родной свой угол, за честь казачества взметнет волну наш Дон седой...“

Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и свободы...“

А когда Дон действительно взметнул свою волну, тогда чуткая душа поэта реагировала на это радостными и вдохновенными словами:

— „И взволновался Тихий Дон... Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики...“

Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна...“

Звенит, и плачет, и зовет...“

То край родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол...“

Кипит волной, зовет на бой Родимый Дон...“

За честь отчизны, за казачье имя кидит, волнуется, шумит седой наш Дон — Родимый Край...“

Этот красивый и богатырский Родимый Край, который в своих недрах хранит глубокую казачью древность, и который вдохновил казачьего поэта написать свою чудную Казачью Песню, ныне так варварски-бесжалостно унижается тем „Родимым Краем“, который здесь издается г. Мельниковым!

Думал ли покойный казачий поэт, пламенный певец казачьей древней вольности, что название его Родимого Края когда либо будет красоваться на обложке жалкого, бесцветного и безличного листка?

Я сейчас заканчиваю свое сообщение, уж чрезмерно затянувшееся. Я, как мог, нарисовал вам казачье прошлое, каким нам рисуют его казачьи историки.

И в этом я нахожу убедительный ответ на вопрос: „Чем было Казачество“?

Чем оно, затем, по воле других, под физическим насилием врагов, стало — это другой вопрос.

Чем оно должно стать снова, если счастье от него окончательно не отвернулось, — это третий вопрос.

Если время и обстоятельство позволят об этом попытаемся поговорить в другой раз.

— „Познай самого себя“ и „Будь самим собою“ — говорит древнее изречение.

А казакам особенно нужно познать самого себя, когда защищать и отстаивать свое право будет легче, а познавать самого себя можно только интересуясь и любовно изучая свое прошлое.

Через познания самого себя — к лучшему своему будущему!

Кто познает казачье прошлое и сумеет освободиться от предвзятого взгляда на Казачество, тот должен проникнуться глубоким уважением к нему, почтительно преклониться перед страдальческой, но величавой историей. Такой человек больше не станет возражать против идеи казачьей независимости, ибо возражать против нее по линии казачьих идеалов, идей, на плоскости исторических фактов невозможно.

В. П. Елисеев (В. Петров).

„Большая человеческая правда“ и „Казачий национализм“.

(По роману М. Шолохова „Тихий Дон“).

(Окончание).

Часть IV, из гл. XI.

— Ты, понимаешь, Евгений (говорил сотник Атарщиков)... Я до чертиков люблю Дон, весь этот старый, веками складывавшийся уклад казачьей жизни. Люблю казаков своих, казачек — все люблю! От запаха степного полынка мне хочется плакать... И вот еще, когда цветет подсолнух и над Доном пахнет смоченными дождем виноградниками, — так глубоко и больно люблю... ты поймешь... А вот теперь думаю: не околпачиваем ли мы вот этих самых казаков? На эту ли стезю хотим мы их завернуть?...

— О чем ты? — настороженно спросил Листницкий.

— Я думаю: надо ли казакам это? (идти за Корниловым. В. Е.).

— А что же, в таком случае, им надо?

— Не знаю... Но почему они так стихийно отходят от нас? Революция словно разбила нас на овец и коз, наши интересы как будто расходятся.

— Видишь ли, — осторожно начал Листницкий: — тут сказывается разница в восприятии событий. За нами больше культуры, мы можем критически оценивать тот или иной факт, а у них все примитивней, проще. Большевики вдалбливают им в головы, что надо войну кончать, — вернее, превращать ее в гражданскую. Они направляют казаков на нас (на офицеров. В. Е.), а так как казаки устали, в них больше животного, нет того нравственного крепкого сознания долга и ответственности перед родиной, что есть у нас, то вполне понятно, — это находит благоприятную почву. Ведь что такое для них родина? Понятие, во всяком случае, абстрактное: „область Войска Донского от фронта далеко, и немец туда не дойдет“, — так рассуждают они. В этом-то вся и беда. Нужно правильно растолковать им, какие последствия влечет за собой превращение этой войны в войну гражданскую.

Листницкий говорил, подсознательно чувствуя, что слова его не доходят до цели, и что Атарщиков сейчас закроет перед ним створки своей душевной раковины. Так и произошло: Атарщиков что-то промычал невнятное, долго еще сидел и молчал, и Листницкий хотя и пытался, но не мог разобраться, в каких потемках мысленно бродит сейчас умолкший товарищ.

— Надо бы дать ему высказаться до конца... — с сожалением подумал он.

Атарщиков пожелал спокойной ночи, так и ушел, не сказав больше ни слова. На минуту потянулся к искреннему разговору, приподнял краешек той черной завесы неведомого, которой каждый укрывается от других, и вновь опустил ее...

Разговор двух казачьих офицеров. Первый — монархист Листницкий — „по-честному не приемлет революцию, не может принять! И сердце и разум противятся... Жизнь положит за старое, отдаст ее, не колеблясь, без позы, просто, по-солдатски. (Он), когда увидел в автомобиле свергнутого императора, уезжавшего из ставки, и его скорбные губы и потрясающее, непередаваемое положение руки, беспомощно лежавшей на колене, (то) упал на снег и рыдал, как мальчишка...“

Второй — сотник Атарщиков — совсем не думает класть жизнь свою „за старое“ „по-солдатски“. Ныряя в мутных волнах безбрежной русской революции и разбираясь в рецептах ее спасения, он чувствовал, что все это было то, да не то... В это время родной его Дон был ему особенно дорог и люб. Он это чувствовал. Думать в первую голову о Доне ему подсказывал его казачий инстинкт, его казачий разум...

И мучаясь в думах, болея душою за Дон, он подозрительно спрашивает:

— Не околпачиваем ли мы вот этих самых казаков (следуя не своему, а чужому — „углублению русской революции“)?

Потемки, тупик он чувствует своей казачьей душой:

— На эту ли стезю хотим мы казаков завернуть? — спрашивает он, боясь ошибки. То-есть, не забываем ли мы, казаки, о Доне; не ошибаемся ли мы, думая о „спасении русской революции“?... Спасем ли мы свой Дон, спасая „русскую революцию“?...

Сотник Атарщиков, роаясь в глубинах души, пытается установить — имеют ли что общее донской „степной полынок“, от которого ему „хочется плакать“, „цвет подсолнуха“ и „запах смоченных дождем виноградников“ со всем тем, о чем думает есаул Листницкий — ярый монархист-казак...

Вот что мы понимаем под „закрытыми створками душевной раковины“ и под „краешком черной завесы неведомого“ сотника Атарщикова...

Автор же, с присущей ему „тенденциозностью“ понимает „закрытые створки душевной раковины“ сот. Атарщикова совсем не так. Показывая, что сот. Атарщиков несочувственно относится к идее поддержки Корнилова (несочувствие это автору на руку, ибо большевики в это время больше, чем кто-либо распинаясь за Керенского, надеясь через него именно добраться до власти. На несочувствии Атарщикова поддерживать Корнилова автор и строит свою „тенденцию“...), он его уже тем подводит под свой большевистский ранжир, принимая „черную завесу неведомого“ за свое — за „большую человеческую правду“. Из чтения романа намек писателя очень ясен, но и очень натянут, почему мы его и оттеняем...

В самом деле. Тот, кто любит Дон „до чертиков, весь этот старый веками складывавшийся уклад казачьей жизни, казаков своих, казачек — все“, кому любо и кто радуется, „когда цветет подсолнух и над Доном пахнет смоченными дождем виноградниками“, кто все это „так глубоко и больно любит“, кто, действительно, все это „понимает“, — тот не может думать о чем-то никогда ему не слыханном и невиденном — чужом, иностранном; тот думает только о своем, родном, „всосанном ему с материнским молоком“, тот — казак. казак душой и телом; того не окутаешь никакой большевистской „большой человеческой правдой“, того не проймешь ничем...

Ничего не говорит в пользу автора и оставление сот. Атарщиковым защиты Зимнего Дворца и его побег из него, во время коего он платится жизнью от

пуля Дворца. Атарщиков не хотел защищать Дворец не потому, что разделял „идею автора“, а потому, что думал „махнуть на Дон от всей этой каши...“ И махнул не к комунибудь, а к своим — казакам.

— Казаки машут руками, смеются. — Нажми, господин сотник! Шибче!...

Часть V, из гл. XIII.

— На другой день перед вечером подехали к хутору. Григорий с бугра кинул взгляд на Дон: вон Бабы Ендовы, опушенные соболями мехом камыша; вон сухой тополь, а переезд через Дон уже не тут, где был раньше. Хутор, знакомые квадраты кварталов, церковь, площадь... Кровь... кинулась Григорию в голову, когда напал глазами на свой курень. Воспоминания наводнили его. С база поднятый колодезный журавль словно клякал, вытанув вверх серую вербовую руку.

— Не щипит глаза? — улыбнулся Пантелей Прокофьевич, оглядываясь, и Григорий, не лукавя и не кривя душой, совнался:

— Щипет... да ишо как!...

Што значит — родина, — удовлетворенно вздохнул Пантелей Прокофьевич.

Он правил на середину хутора. Лошади резво бежали с горы, сани шли под раскат, виляя из стороны в сторону. Григорий отгадал отцовский замысел, но все же спросил:

— Ты чево ж правишь в хутор? Держи к своему проулку. Пантелей Прокофьевич, поворачиваясь и ухмыляясь в заиндевшую бороду, мигнул:

— Сыновей на войну провожал рядовыми казаками, а выслужились в офицеры. Што ж, аль мне не гордо прокатить сына по хутору? Пушай глядят и завидуют. А у меня, брат, сердце маслом обливается!...

Здесь автор допускает, ничем не оговариваясь, что, действительно, „щипет... да ишо как!...“ Допускает, что „кровь кинулась в голову“ Григорию при виде им родного очага; допускает, что „значит — родина“ и ничем не оговаривается, что у отца, при виде сына-офицера, „сердце маслом обливается“.

Допускает, освобождая от своих нужных комментариев, только лишь потому, что уже раньше высказал свой определенный взгляд и на „родину“ и на „казачий национализм“, посчитав его за „дрянное национальное гнильцо“, (которое) „обшелушится — и будешь ты, — непременно будешь! — кусочком добротной человеческой стали, крупинкой в общем массиве нашей партии“ (проповедь Штокмана казаку Ивану Алексеевичу).

— „Ты, Гришка, подумай. Парень ты не глупый. Ты должен уразуметь, што казак — он, как был казак, так казаком и останется. Вонючая Русь у нас не должна править. А ты знаешь, што иногородние зараз гутарют. Всю землю разделить на души. Это как?“

— Иногородним коренным, какие в Донской области живут издавна, дадим землю.

— А шиша им! Вот им выкусить!.. — Пантелей Прокофьевич сложил дулю, дергая большим когтистым пальцем, долго водил вокруг Григорьева горбатого носа...

Всем известное тогдашнее разделение казаков на два лагеря, на „стариков“ и „фронтоников“. Каждый лагерь, ориентируясь по своему в „углублении русской революции“, имел на Казачество свое особое мнение — свою назревшую к этому времени „идеологию“.

„Старики“, коих не коснулась злобредность заразы российской пропаганды, олицетворяли то Казачество, которое всегда считало только себя хозяином положения на Дону: — Вонючая Русь у нас не должна править, — и „фронтоников“, вামученные и уставшие от войны, издерганные и затырканые неразберихой русской революции, которые, возвращаясь с фронта домой, несли с собой привившуюся им там „свою идеологию“ — новую и чуждую „старому Дону“.

Образовалось полное непонимание друг друга. Не было ни одной семьи казачьей, где бы все ее члены думали в одно:

— Ты какой же стороны держишься?

— Я за советскую власть (ответ Григория).

— Дурак! — порохом пыхнул Пантелей Прокофьевич. — Петро, хучь ты втолкуй ему!..

Но Григорий хотя и „держится за советскую власть“, как „фронтоник“, но он еще не уверен сам в себе. Он говорит о готовности принятия „советской власти“, но говорит нетвердо; он еще нуждается в моральной поддержке других; он еще не выкристаллизовавшийся „большевик“; он только склонен идти за общим стадом „фронтоников“, но положить свою руку в „советский трудовой котелок боится, — еще не уверен, что не обожжется в нем...“

Гораздо тверже „держится советской власти“, перегруженный „трудовой казачьей идеологией“, и более в ней цельный и поспевший, подхорунжий Подтелков, а почему — считаем небезинтересным отметить его взгляд (как более „авторитетный“) на „иногородний вопрос“:

— Нет... зачем же? Землей мы не поступимся. Промеж себя, казаков, землю переделим, помещицкую заберем, а мужикам давать нельзя. — Их шуба, а нас — рукав. Значи делить — оголодают — нас...

Озлобленный против „генеральской“ власти на Дону Подтелков, Подтелков-отступник и предатель Дона, а решает „иногородний вопрос“ на Дону совсем не в пользу „трудовой советской власти“...

— Явное непонимание „советской власти“. „Фронтоники“, принимая „советскую власть“, добываясь через нее своей „трудовой казачьей идеологии“, считали, что казачьей землей казакам не следует „поступаться“. „Советскую власть“ — де принять примем, но земли „мужикам давать нельзя“... Так ошибочно понимали политику советов „фронтоники“ до тех пор, пока не убедились воочию, что если — „советская власть“, то они больше на своей, казачьей земле — не хозяева...

Из гл. XXX.

— Вижу... — вновь улыбнулся Подтелков, с вспыхнувшей ненавистью глядя на его побелевшее лицо. — Што же, расстреливаешь братьев? Обвернулся?.. Вон ты какой... — он, близко придвинувшись к Григорию, шепнул: — И нашим и вашим служите? Кто больше даст? Эх, ты!..

Григорий поймал его за рукав, спросил, задыхаясь:

— Под Глубокой бой помнишь? Помнишь, как офицеров стреляли... По твоему приказу стреляли! А? Теперь тебе отгрызается! Ну, не тужи! Не одному тебе чужие шкуры дубить! Отходился ты, председатель московского совнаркома! Ты, поганка, казаков жидом продаст! Понятно? Што сказать?..

Время „революционного удушья“ прошло! И, как результат, война. Война Григория и с Подтелковым и с Гаранжей!..

Но... Как Подтелков ошибся в своей „трудовой казачьей идеологии“, идя за „красную, советскую власть“ — Советскую Россию, так и Григорий (сиречь Казачество) не обрел того, за что так горячо воспрянула, загорелась его казачья душа. Не вышел и Григорий на свою дорогу. — Сбил. Не сам, а сбили его...

Доверил Григорий поставленному им стрелочнику охранять его путь, а стрелочник этот (отсохли бы ему руки) взял да и не удержался — перемалывал стрелку... На длинную, бесконечную дорогу — московскую „единую неделимую“... Григорий шел, шел по ней — ни конца, ни края... Оторопь нашла на него, страх и устал...

Григорий шел за „белую власть“ — за „Белую Россию“... Тоже не туда, куда следовало и куда, разойдясь с Подтелковым и с Гаранжей, думал идти...

А все потому, что, не вылезая из окопов и не снимая с себя вшивой серой шинели, „не увлекался политикой“, был только послушный солдат — „пшечное мясо“... Не знал сам себя, ну и потерял свою короткую торную дорогу. Поставленный им „стрелочник“ был не искренен — его же и подвел...

— Григорий думал о казачьем национализме...

А как „красных“, так и „белых“ „больших человеческих прав“ Григорий был чужд...

Ив. Скобелин.

Без чести и совести.

(Ответ Н. Мельникову).

Усталый и разбитый возвращаюсь с работы. Вдруг слышу нервно дребезжащий, но знакомый мне голос высунувшегося из своей клетки есаула Х:

— Кровавая мать Россия уничтожает Казачество!

Не понимаю. Спрашиваю у него — в чем дело?

— На Кубани восстание. Восставших, по сообщению французской газеты „Матан“, 25.000 казаков; большевики совершили на повстанцев налет аэропланов с удушливыми газами, в результате чего отравлено 1.000 казаков. Зайдите в киоск и возьмите французскую газ. „Матан“.

От горьких новостей еще больше усталость в ногах, но иду в киоск и беру два экземпляра газеты „Матан“. На 3-й странице нахожу и читаю следующее:

25.000 cosaques en révolte. Moscou envoie une expédition aérienne de répression. Varsovie, 8 juillet (Dép. Havas). — On apprend, de Riga, que 25.000 cosaques se sont insurgés dans la région de Koubane et au Caucase. Les soviets ont envoyé une escadrille d'avions pour bombarder la région et pour répandre de gaz. Mille cosaques auraient été asphyxiés. Dans les champs, les moissons sont détruites. „Le Matin“ от 9-VII-31, № 17277.

Стали делиться с есаулом впечатлениями, своими соображениями. Доколе же будут длиться эти страдания Казачества, доколе будет продолжаться это бесконечное истребление наших братьев русскими людьми? Откуда придет освобождение, когда будет жить Казачество свободной и независимой жизнью? Если эти сообщения французских газет правдивы, то не начало ли это освобождения Казачества? Как и что можно сделать, чтобы эта вспыхнувшая казачья искра превратилась в его освободительный пожар? Что должны, что будут делать казаки „официальные вожди“ и Вольное Казачество, если сведения эти подтвердятся, а, самое главное, как будут и с кем будут делать? Вот вопросы, которые нас занимали в этот вечер и беседа о которых, мы просидели до глубокой ночи.

Сознание что эта новая казачья кровавая жертва ненасытному московскому красному Молоху может остаться криком вопиющего в пустыне, последним безответным криком истерзанной, измученной, доведенной до крайнего отчаяния казачьей души — давило тяжелым камнем... С этим сознанием утром пошел на завод. Там мне дал голутвенный казак последний, шестой номер „Р. К.“ где я прочитал статью-бред г. Мельникова, под заглавием: „По поводу самостийной пропаганды“. Прочитал и диву дился — как же „зарапортовался“ этот наш „казачий вождь“, до какой бессмысленной демагогии и беззащитной лжи он дошел, уполобив вольных казаков большевикам, В. К. сравнил с большевизмом, что, в связи с сообщениями французских газет о кровавом, жестоком подавлении казачьего восстания, приобретает особый смысл и значение. Это очередное мельниковское словоблудие явилось как бы ответом на наши с есаулом горькие ночные думы! И я решил написать ответ г. Мельникову, а Вас, станичник Редактор, прошу не отказать поместить его на страницах журнала „В. К.“.

1. О демагогии, клевете и лжи.

На этот раз вы, г. Мельников, занялись сбором „агентурных сведений“ и в результате своей „работы“ нашли, что в Сербии члены одной из казачьих станиц атаман которой, сотник Атланов, приветствовал „В. К.“, живут разбросанно, а в одном месте живут только три казака. Это доставило нам великую радость: значит, сотни приветствий, присланные „В. К.“, исходят от небольших групп лиц, значит их, самостийников, не так уж много...

Вы забыли мудрое житейское правило: цыплят по осени считают... Не мерьте, г. Мельников, других на свой аршин. Каждый казак знает, что из 156-ти станиц, именами коих вы так к месту и не к месту оперируете, по крайней мере половина уже давно приказали здорово жить. Если у вас преобладает мертвечина, то со-

вершенно не обязательно, чтобы и другие равнялись по Вас. Если бы я один, оцунтившись до вашего морального уровня, стал бы заниматься „тайной разведкой“ и публично похваляться ее результатами, то мог бы называть не меньше 50%, организаций, уже давно несуществующих, именами коих вы до сего времени орудуете, успешно оспаривая лавры у Гоголевского Чичикова. Если вы хоть чуточку честный человек, то в следующем номере своего скучного и тощего журнальчика объявите — какая казачья общественная организация в Париже, где сосредоточена самая основная казачья масса, состоит в вашем пресловутом „Союзе“ и солидаризируется с вашей „политикой“? Если таковые найдутся, то это будет особенно ценным доказательством в пользу вашей позиции, ибо парижские казаки, близко соприкоснувшись с Вами, уже достаточно хорошо „раскусили“ и вашу „работу“ и вашу „политику“ и знают — кто вы и что вы.

Что же касается вашей попытки взять под подозрение сотника Атланова, то могу сказать, что это пример для вас самый неудачный. Если бы даже у Атланова не было никакой станицы, даже ни одного казака, то и тогда голос сотника Атланова может иметь гораздо больше морального веса, чем десять голосов Н. Мельниковых. Если вы не знаете кто такой сотник Атланов, то могу вам сообщить сведения о нем. 1) Сотник Константин Атланов — германской войны георгиевский кавалер всех четырех степеней; 2) за боевые отличия произведен в чин сотника; 3) станицей Еланской с 45-ю хуторами, как лучший из казаков, избран атаманом станицы; 4) в период восстания Верхне-Донцов первый поднял восстание в станице Еланской и как незаурядный казак был отмечен Командующим Донской Армией, который публично на станичном майдане целовал его и благодарил этого, ныне высмеиваемого вами сотника Атланова.

Сотник Атланов — душой и телом казак, в своем политическом поведении незнающий „тактических извилил“, свято выполняющий свою присягу „свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству“, не в пример вам, г. Мельников, в свое время искусно уклонившись от дачи присяги Дону (как об этом вам прямо говорил казак в Париже на публичном собрании!) — идет по прямому казачьему пути, никуда не заворачивая, ни на кого не оглядываясь, как это делаете вы постоянно! И не вам обманщику (вы — или обманули всех донских казаков, приведя их к присяге, а сам уклонившись от нее, или присягнув защищать ВВД, свое Отечество, „обманули“ Бога) указывать пальцем на честного офицера и донского казака — сотника Атланова!

О вашем нечленораздельном лепете об одной из самых старых казачьих организаций — Общеказачьей станицы оконч. В. У. З. и студентов в ЧСР, — вероятно сама станица даст нам достойную отповедь на страницах своего журнала. Но тут же следует отметить и подчеркнуть, что на тяжкие и обоснованные обвинения, выставленные в „В. К.“ против вас, вы ни одним словом не пикнули, потому что вам по существу говорить нечего.

Вы берете в „свидетели“ б. Сальского Окружного Атамана, ген. Генералова, и, приводите его письмо: „в бытность мою Сальск. Окр. Атаманом калмыков в округе было всего 25 тысяч человек, считая детей, а теперь их там не более 3—5 тысяч (как будто он это пишет даже с некоторой радостью!). Если такая группа должна войти в состав фантастической Казаккии в качестве самостоятельной республики, то как же самостийники не дадут такого же права не казачьему русскому населению, составлявшему при нас 57%, всего населения (какая радость для него! И. С.), а теперь, наверное, не менее 75%. (Еще большая для него радость! И. С.), а как быть с 50 тыс. евреев, не меньшим числом армян, греков и т. д.? Все эти народности имеют такое же право на самоопределение. Значит, они тоже должны

войти своими республиками в состав Казакии? Каким же образом тогда казаки, оставшиеся в числе не более 25% (какая радость для него! И. С.) в отношении ко всему населению не только Дона, но и всей Казакии, исполняют свои природные богатства? Кто согласится, чтобы только одни казаки, при равноправии прочих республик Казакии, распоряжались находящимися на территории Казакии природными богатствами?...

Таковыми своими антиказацкими соображениями на счет самостоятельности поделился с вами человек в своем письме, а вы поспешили „обрадовать“ ими казаков. Все эти „тонкие“ и наивные вопросы превосходительного простачка можно уничтожить одним контр-вопросом: если уж при казачьем государстве, где казаки сами будут решать все вопросы, невозможно защитить казачьи интересы, то как же их можно защитить при власти Москвы, когда сами казаки будут не при чем?

Отставший от жизни, коротающий свое время в сербской провинции престарелый генерал, ко всяким новым явлениям жизни прикладывающий свои старые генеральские мерки (к счастью, среди старых генералов есть и исключения, есть и такие, которые не отстают от жизни), видящий свет только через очки б. Окружного Атамана, смысл своей жизни находящий в воспоминании о своем прошлом генеральском величии, в силу своей психологии московского слуги неспособный понять цель и задачи В. К., — такой человек еще мог высказывать подобные „соображения“... Но вы то, „человек от политики“, хорошо знающий цели и задачи В. К., хорошо понимающий всю абсурдность „генераловских“ вопросов, как могли вы оперировать подобными „доводами“? Это обстоятельство я лично объясняю отсутствием у вас элементарной честности. В противном случае вы сказали бы, что В. К. мыслит будущее устройство казачьего государства не в виде отдельных еврейской, армянской, греческой, калмыцкой и т. д. республик, а в виде свободного, сильного, единого казачьего государства — Казакии, основанного „на началах народоправства“, как сказано в Донской Конституции. В этом казачьем государстве не будет ни „отдельных республик“, ни граждан первого и второго сорта, а полноправные граждане своего государства, пользующиеся всеми правами и несущие все обязанности гражданина; в нем будет политическая свобода, разумное социальное законодательство, справедливое разрешение внутренних национальных вопросов, свобода религиозная, хозяйственная, национально-культурная. Обо всем этом „В. К.“ не однократно писало и для всех тех, кто лишен „дара“ обязательно извращать прочитанное, — это положение хорошо известно. Зная это, вы все таки считаете возможным лгать!

Но еще хуже ваше намерение подорвать основы Вольного Казачества (Казакии) ссылкой на то, что от 25 тыс. донских калмыков, которые столетия живут совместной братской жизнью с донцами, вместе с ними с самого начала единодушно жертвенно стали на страшную борьбу с врагами своими и Казачества, „теперь их там (осталось) не более 3—5 тысяч. Если такая группа должна войти в состав фантастической Казакии в качестве самостоятельной республики“ и т. д.

Г-н Мельников вооружился ложью против правды, которая была неоднократно заявлена на страницах жур. „В. К.“ и калмыцкого жур. „К. В.“, где ясно и определенно заявляется, что донские калмыки ни на какую „самостоятельную республику“ не претендуют, а желают продолжения совместного братского сожительства с Донским Казачеством на основе закона наших Прародителей. Донские калмыки, идя бок-о-бок с Казачеством, деля с ним и горе и радость, так тяжело пострадавшие (от 25 тысяч, по нашим „данным“, осталось только 3—5 тыс., что вам как будто доставляет даже радость!), желают только свободы национально-культурного развития. Это бесспорное, не вызывающее никакого сомнения положение отлично известно и вам, г. Мельников, но тем не менее, вы сознательно распространяете ложь.

Вы извращаете действительность, когда весь калмыцкий вопрос сводите к вопросу о „не более 3—5 тыс. калмыков“. Ведь на тех землях, из которых должны образоваться единое казачье федеративное госу-

дарство — Казакия, кроме остатков вырезанных (за совместную с нами бобьбу за казачьи и свои права!) большевиками донских калмыков, живут более 200 тысяч калмыков, занимающих территорию почти в 80.000 кв. килом., или, переводя на сравнительный метод, территорию большую, чем территория Грузии или Армении, большую, чем территории таких европейских государств, как Дания или Швейцария. И эти самые калмыки, даже при большевиках, имеют свою автономную область! А вы, г. Мельников, хорошо зная все это, зная все прошлые страдания калмыков, желаете поступить с ними более жестоко, чем большевики и, низводя количество калмыков до „3—5 тысяч“, думаете отказывать им в праве на вхождение в состав казачьего государства в качестве одной из составных его единиц на началах широкой национальной автономии!

Я, как донской казак, вместе с калмыками заволю и долю Казачества сражавшийся, считаю своим нравственным долгом указать на эту вашу подлость, провокационную постановку „калмыцкого вопроса“.

Если у вас, г. Мельников, осталась еще хоть капля чести, если вы еще способны оскорбляться, то прошу вас привлечь меня к ответу за все то, что я сказал в ваш адрес тут. За свои слова готов держать ответ когда угодно и как угодно. Живу я рядом с вами в одном городе, в одной стране, где существуют законы, строго соблюдаемые.

2. О подлом пожелании, о несуществовавшей „идеальной“ России.

Любезный вашему сердцу ваш корреспондент, ген. Генералов, свой „протест“ против Вольноказачьего освободительного движения, к которому примкнуло все молодое, живое, идейное, что имеется в Казачестве, заключает следующими напутственными словами: „пусть по проторенной дорожке катятся к разбитому корыту и желтому дому!“

Пожелание определенное, но больно уж смешное: морально-мертвый генерал посылает в сумасшедший дом идейно-живую казачью молодежь! А с точки зрения старой казачьей традиции пожелание преступное: отец-старик своего, со всем молодым, не оскверненным „житейским опытом“, чистым порывом рвущегося к свету, свободе, к казачьей Воле сына направляет в желтый дом! Вместо духовного хлеба своему родному сыну преподносит серый камень...

Ген. Генералов в бытность свою Окружным Атаманом, вероятно, провожал молодых казаков на службу и наверное давал им наставление о чести, о воинской дисциплине и о присяге, установленной Донским парламентом: „Обещаюсь честью Донского казака перед Всемогущим Богом и перед Святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству“.

И вот спрашивается, какое же наставление давал он молодым казакам, провожая их на службу, может быть и на смерть? Наказывал ли он точно выполнять донскую присягу, или требовал от них немедленного нарушения, заменив в ее тексте слова „Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству“, словами „матушке-России, своему отечеству“?

Кстати, пару слов об этой самой „матушке-России“, о которой так много крокодиловых слез вы проливаете, но которой не было и в 1918—20 г.г., нет и теперь. В действительности была воображаемая, якобы во всем преуспевающая, всех удовлетворяющая, великая культурная Россия для властителей и рядом, по словам Е. Д. Кусковой, „глубокое невежество сих субъектов, в руки которых каким то образом попадает власть... Русское непроходимое людское болото то в камзоле (дворянском), то в „социалистическом“ красном галстуке“... („Последн. Новости“, № 3761).

И вот теперь, когда вы говорите о Великой России, то уточняйте это понятие, что вы имеете в виду: „глубокое невежество сих субъектов“, или „русское непроходимое людское болото“...? Ибо по словам русской патршотки, иной России исторически не было.

„Социалистическое“ дворянство много гнусностей переняло у старого режима, усовершенствовало их „в меру своей тупости и глупости“, — пишет та же Кускова. Ваши сегодняшние хозяева, г. г. Миллеры, придя к власти, много гнусностей унаследуют у социалистического дворянства и начнут усовершенствовать их „в меру своей тупости и глупости“. И вот, во имя этого возможного нового эксперимента вы вместе с ген. Генераловым, всячески стараетесь „смазать“ высокую идею о казачьей вольности. А знаете ли вы, что эта идея является для многих казаков глубоким и почти единственным смыслом существования, а также единственным стимулом для преодоления жизненных перипетий в изгнании?

Очевидно, ген. Генералов не читает журнала „ВК“, где не проводится грани между казаками и коренным крестьянством, а если и читает, то старается „не понять“ прочитанное, а поэтому восстанавливает процентное соотношение казачьего и крестьянского населения, как возможных и непримиримых врагов, как этим „делом“ любит заниматься и ген. Богаевский, и по их генеральскому вычислению, казаков осталось во всех Войсках, т. е., Казакии, не более 25%. Если это „вычисление“ даже и соответствовало бы истине, то спрашивается — кто же довел казачье население до такого состояния, как не войсковая старшина справа и слева, в том числе ген. Генераловы, своей преступной политикой вовлекая казаков в „жестокый, бессмысленный русский бунт“? Вы во имя фантастической, якобы благотворительной для казаков „Великой России“, вовлекли казаков в жестокую классовую борьбу, погубили сотни тысяч казачьих жизней, родили величайшую казачью трагедию, в результате чего, по вашим же словам, осталось всего 25% всего казачьего населения, чем вы бесстыдно похваляетесь и, похваляясь, призываете казаков еще раз повторять „игру“, чтобы не осталось и этих 25%! Стыдитесь, по крайней мере, если другие чувства вам недоступны. По вашей вине Казачество задыхается сейчас в своей собственной крови и по вашей же вине ныне ваша кровная мать — Россия уничтожает удушливыми газами остальные 25% казачьего населения...

3. О недавних идеологах казачьей независимости.

Ныне вы, г. Мельников, характеризуете всех вольных казаков величайшими преступниками, продавшими интересы „матушки-России“, изменниками ей. „Разрешите“ вам напомнить, что совсем недавно вы были точно таким же преступником, какими вы сейчас считаете всякого вольного казака. Для подтверждения этого своего утверждения приведу ваши же собственные слова из ваших статей. Если человек-хамелеон не может заметить своих превращений, то обязанность других — напоминать и указывать на неприличие подобных превращений.

На стр. 17 „Сводки“ № 2 от 1926 г. вы писали: „Однако масса казачья дорожит заветами Вольного Казачества и остается верна им“. В те времена вы, г. Мельников, обругивали войсковую старшину за чрезмерно услужливый „отказ от защиты достоинства Вольного Казачества“ и приветствовали младшее поколение, идущее на защиту вольностей казачьих. Привожу ваши слова, напечатанные в „Инф. Листке“ (от Обед. Совета Дона, Кубани и Терек, № 8 от 15 августа 1924 г. стр. 6 и 7). Вот ваши, г. Мельников, слова: „От всей души, мы, старшие казаки, приветствуем младших, идущих нам на смену, — защита вольностей казачьих, продолжение лучших традиций, дело отставания самого существования Казачества будет находиться в надежных руках культурной казачьей армии, зная казачье будет в руках тех, кто примет его с любовью и, как святыню, бережно донесет до конца. В темных тучах, заволоках Седой Дон, покрывших Кубань и Терек, блеснул просвет — легче стало на душе. В тяжелые дни лихолетия, когда заколебались многие из старшин казачьих и своими действиями и настроением, означавшими добровольный и черезчур услужливый отказ от защиты достоинства Вольного Казачества и непонимание его традиций, заставили тяже-

ло задуматься над будущим казачьим, — студенчество казачье возвысило свой голос. Оно будет поддержано и старшими — отклик мы слышим... Батюшка наш Тихий Дон Иванович вздохнет свободнее; защитники его не перевелись — наоборот, растут, набираются сил“. Как „прикажете“ понимать эти ваши слова? Когда была ложь — тогда или теперь?

В „Информ. Листке“ № 12 от 1925 года вы, в числе других подписали обращение от Объединенного Совета Дона, Кубани и Терек, в котором, между прочим, есть и такие слова: „Только перед этим — в 1917 году — вы возродили старое казачье право, восстановили свое казачье народоправство, свои Круги и Рады, выборных своих Атаманов из казаков, свое право и возможность жить и устраниваться у себя, в своих Краях, в своем доме так, как жили ваши предки двести и более лет тому назад и как хотели жить у себя вы сами хозяева дома“. Этими подчеркнутыми мною словами вы точно и определенно очертили свою политическую цель тогда: казачья независимость, самостоятельность, которую вы теперь считаете высшим преступлением.

Может быть скажете, что не понимали смысла своих слов, не знали — „как жили ваши предки двести и более лет тому назад“? Тогда приведу слова профессора Сватикова из его книги „Россия и Дон“, книги, изданной не без вашего участия: „С 1549-го по 1720-е годы Дон является государством (разбивка автора книги И. С.) и, одновременно, республикой“. Это было как раз двести и более лет тому назад! Еще его слова: „Войско Донское представляло из себя в XVI-XVII в. в. военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства, государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть“ (разбивка автора книги И. С.).

Так жили наши предки „двести и более лет тому назад“. К этой жизни не так давно вы, г. Мельников, звали казаков. Но — времена меняются, меняются с ними и люди...

Вы любите „козырять“, что на Родине самостоятельности не было, что она — заграничная выдумка и т. д. Чтобы изобличить вашу ложь, приведу еще несколько выдержек из ваших же писаний, напечатанных в вашем же журнале „Вестнике Казачьего Союза“ (№ 4): „В стремлении добыть Атаманский пернач от народных представителей в мае 1918 года, куря фимиами представителю казачьему органу в лице Круга Спасения Дона, ген. Краснов рекомендовал не вмешиваться в дела русского государства и предоставить ему самому устроить свой образ правления, как ему угодно, а самим зажить вольной казачьей жизнью; призвал Казачество к самостоятельному государственному бытию, с особой казной и с особой армией, что в период своего атаманства и проводил в жизнь и в своих сношениях с императором Вильгельмом II и с вождями добровольческой армии... Или: „Разве не ген. Краснов хотел взлелеять казаков самостоятельности под гимном, флагом и идеей всемогущего короля-атамана?... Разве не он воспитывал мысль всевеликого и единого Казачества?“

Так вы красноречиво подтверждали на страницах своего журнала о самостоятельности Донского Казачества. Этим вы утверждали, что в самый трудный период, период освобождения и возрождения Казачества, в начале 1918 года казаки поддерживались и вдохновлялись на героическую борьбу идеей о „всевеликом и едином Казачестве“! Но так вы говорили в 1926 году в „борьбе“ с ген. Красновым, и совершенно другое стали говорить в 1931 году в „борьбе“ с Вольным Казачеством!

На основании приведенных мною ваших „политических зигзагов“ я имею полное право сказать вам, что вы, г. Мельников, обросли мхом лжи. Это именно ваша ложь давит на жизнь казака и разедаёт казачью спайку. Только в эмиграции можно так безнаказанно хамелеонствовать, ибо, по вашим же словам („Вест-

К. С. № 4): „время, ведь, смутное, подлое; люди выбиты из колеи“... Зная хорошо это обстоятельство, вы позволяете себе вещи абсолютно невозможные на Родной Земле! В борьбе с Красновым главным против него обвинением вы выставили, что он бросил грязью... „в лицо всему Вольному Казачеству“, а теперь вы сами взяли монопольное право на такую работу!

Вы постоянно указываете в своих писаниях, что вольные казаки „демагогически“ указывают, что русский народ не любил и не любит казаков, что он — враг Казачества и что по вашему это, мол, ложь, неправда и т. д. Я не хочу на эту тему полемизировать с вами, но считаю необходимым привести мнение по этому вопросу Донского Атамана ген. Богаевского, который в своем обращении к казакам в 1926 году („В. К. С.“ № 4) писал: „Помните, что нас, казаков, никто не любит: ни русский народ... ни те, кто всегда смотрел на нас, как на нечто низшее, плохо воспитанное, грубое, кому нужно только „приказывать“... Не любят нас, хорошо помнят все самое в прошлом и охотно забывают все доброе, что казаки сделали для Родины“...

Такие слова, как и вы, говорил в 1926 году ген. Богаевский. Теперь он за эти же самые слова клеймит эпитетом „изменники“, „ненавистники русско-го народа“ всех вольных казаков.

Кстати, хочу здесь же отметить, как ген. Богаевский своей собственной атаманской властью изменил текст присяги, принятый Донским Войсковым Кругом и как он об этом своем клятвопреступлении публично бессовестно объявляет.

В своем торжественном обещании казакам ген. Богаевский пишет: „Только смерть снимет с меня мой долг службы России(?) и казачеству и освободит от моей присяги на верность Дону, которую я принес на Соборной площади в Новочеркасске в 1919 году“ („В. К. С.“, № 4, 1926г.).

Каждый казак поймет, что в этом атаманском обращении есть преступная контрабанда. Текст присяги я приводил выше. В нем говорится о верности только „Всемилюму Войску Донскому, своему Отечеству“, и ни одного слова о России! А ген. Богаевский, очевидно, по зрелом атаманском размышлении на досуге, нашел, что эта присяга не полная, а потому счел за благо внести в нее свои „коррективы“ и вклеить в нее слова „мой долг службы России“, отодвинув на второй план Родное Казачество.

Квалифицировать подобный поступок ген. Богаевского предоставляю самим казакам. Эту часть своего „обращения“ к г. Мельникову хочу закончить словами Донского Атамана ген. Богаевского: „Пусть нас не любят: это нас мало беспокоит: насильно мил не будешь! Мы не умели подлаживаться и были слишком горды именем вольного казака, никогда не знавшего рабства“.

4. Снова о лжи.

Я выше говорил о пожелании ген. Генералова Вольному Казачеству. Вы, приведя это пожелание, от себя уже пишете: „Все это так, но, к сожалению, к разбиту корыту катятся не только сами самостийники: к гибели они ведут и все казачество. Их агитация идет в зарубежье, разваливая казачье единство, ослабляя казачью силу, разрушая казачью спайку, направляя одних казаков на других, возбуждая ненависть, своего рода „классовую“ вражду и борьбу. Они не могли бы сделать этого лучше, если бы даже исполняли чье то задание (какой подлый наем! И. С.) по развалу наиболее крепкой части эмиграции; они кричат об отделении казачества от России... Показывая „кукиш в кармане“ здесь, они только подставляют под удары ГПУ несчастное казачество (крокодилова слеза! И. С.), оставшееся на родине: здешние крики о самостоятельной „Казакции“ дают лишний повод большевикам, под видом опасения прихода несуществующих польско-казацких войск, расправляться с казачеством и выселять крепких казаков с Кубани, Дона и Терека в Архангельскую губернию, на Урал и в Сибирь, чтобы

освободиться от элемента, который может быть опасен им в случае десанта в казачьих краях.

Безумное и жестокое дело!“

Громко сказано, но... гнусовато! А логика! Как это можно опасаться прихода „несуществующих польско-казацких войск“? Или это — попытка провокации?

В этой краткой „отсебятине“ вы проявили столько изнорогливости по части сваливания своей вины на других, что приходится развести руками! По вашему выходит, что все бывшие, настоящие и будущие несчастья Казачества, решительно все — от Вольного Казачества! Ну, какую же подлую натуру нужно иметь, чтобы так, не моргнув глазом, написать черным по белому?

В этом вашем „писании“ содержатся два действительно страшные обвинения: 1) появление „В. К.“ внушило опасения большевикам и они, мол, боясь, прихода вольных казаков, стали „расправляться с казачеством и выселять крепких казаков с Кубани, Дона и Терека в Арх. губ., на Урал и в Сибирь, чтобы освободиться от элемента, который может быть опасен им в случае десанта в казачьих краях“ и 2) агитация вольных казаков, мол, „развалила казачье единство, ослабила казачью силу, разрушила казачью спайку...“ и т. д.

Преступления поистине страшные, но... только не вольных казаков, а кого то другого (других)! Доказать это совсем просто. Вольные казаки стали о себе говорить только с декабря 1927 года. Скажите, г. Мельников, до этого казаки „там“, под властью русских людей, именуемых большевиками, блаженствовали? До этого „там“ убийств, расстрелов, пыток казаков, уничтожения самого казачьего имени, разорения казачьего хозяйства, выселения и ссылки казаков в чужие края, вселения на казачьи земли русских людей с север, евреев, молочан и т. д., — всего этого там не было?

Выдуманный вами „приход несуществующих польско-казацких войск“ внушил животный страх большевикам и они в панике стали расправляться с „несчастным казачеством“ — пытаетесь вы свалить чью то страшную вину на вольных казаков. А скажите, не является ли истинной причиной той ужасной большевицкой расправы с казаками (начавшейся еще далеко до появления агитации вольных казаков) ваше трогательное единство с теми русскими силами, главной мечтой и смыслом жизни коих является политическая и хозяйственная раставрация в России? Это ваше единство с силами реакции началось еще с 1919 года, когда вылилось „ручное Донское правительство“ и продолжается до сего дня. Подтверждением сегодняшнего вашего единства с этой реакционной силой является последний номер вашего журнала „Р. К.“, где вы перепечатали (при чем, скрыв это от казаков!) из журнала „Часовой“ заметку, где прокламируется верность казаков дому Романовых! Нет, г. Мельников, не Вольное Казачество является причиной страшного несчастья Казачества, а ваша преступная политика в прошлом и теперь, когда вы подчинили жизненные интересы казачества „реставрационно-реституционным поползновениям“ О.-В. Союза, когда вы все Казачество окрасили в черный цвет реакции. Поймите же вы, что каждый казак отлично уже знает, что по вине В. К. еще ни один волос не упал с казачьей головы, ни одна капля казачьей крови не пролита, ни одна казачья копейка не растрачена! А по вашей вине сотни тысяч казачьих жизней погублены, миллионная казачья казна уже границей растрянжирена, высшие казачьи идеи и идеалы поруганы, жизненные интересы казачества преданы!

При таких обстоятельствах вам ли указывать пальцем на вольных казаков, которые, воодушевленные священной идеей о казачьей вольности, с благородным порывом, с чистыми руками идут за право Казачества, за его интересы!

„Вольные казаки развалили казачье единство в эмиграции“... Тоже очень нехорошее дело, но это только не следствие агитации В. К., а прямые результаты нехорошей работы кого-то другого... Скажите, г. Мельников, до конца 1927 года, когда стал выходить журнал „В. К.“, все на этом фронте было благополучно и только вольные казаки все развалили, как теперь пишете вы? Лжете! В доказательство этого своего утвер-

ждении сошлось на свидетельство... ген. Богаевского, который в 1926 году в „В. К. С.“, № 4 писал следующее: „... в вот среди дружной казачьей семьи... заграницей вдруг начались свары и дразги... разваливаются доселе крепкие организации, пишутся и печатаются доносы, протесты, распускаются разные глупые слухи и сплетни — на радость недругам Казачества“...

Это было еще в то время, когда о журнале „В. К.“ не было и слуху, а сами вольные казаки о себе ничего еще не говорили. Все это было прекрасно известно вам и, зная это, вы все таки солгали...

Так же не точен и ген. Богаевский, когда он пишет „вдруг начались свары и дразги“ в 1926 году. „Это“

случилось не „вдруг“, а давно, еще со времен Казачьего Съезда в Болгарии в 1922 году, когда Богаевский получил большинство только в один голос (и этот голос принадлежал ген. Старикову!), когда казачество разделилось на два непримиримых лагеря.

Заканчиваю свою статью и задаю вам, г. Мельников, вопрос перед лицом всего многострадального Казачества: какое вы с ген. Богаевским имели нравственное право поносить инициаторов вольноказачьего движения и ровнять казаков с большевиками? Перед лицом распятого Казачества я требую от вас, г. Мельников, полного и исчерпывающего ответа, а не голословия и пустословия на страницах вашего журнала „Р. К.“

С. Савельев.

По поводу доклада Д. Е. Скобцова.

Недавно Д. Е. Скобцов сделал в Париже доклад об истории Кубанской власти. Я не собираюсь писать отчет о нем, а хочу лишь высказать несколько замечаний о том тяжелом и немного странном впечатлении, какое произвел доклад. Тяжелое потому, что все, что говорилось докладчиком о трагедии Кубани, было действительно тяжело слушать, и странное потому, что из всех трагических и кровавых событий, происходивших тогда на Кубани, без всякой логической связи с ними, даже в противность им, докладчик сделал „вывод“ — Казачество без России жить не может. Получилось нечто похожее на то, что, если кто нибудь сказал бы: меня Иван ежедневно бьет, истязает, обирает, но я все же без Ивана жить не могу...

— „Я как министр земледелия, был совершенно независим от Деникина, одну попытку которого в этом направлении я пресек в самом начале и больше он не пытался вмешиваться. Это было хорошо“, — заявляет в самом начале докладчик. Странное дело: независимый от русских отдельный министр Кубани — хорошо, а независимая целая Кубань — вредно!

Докладчик жаловался, что одной из причин неудач Кубани было отсутствие подготовленных людей, отсутствие единого политического пути, — по выражению докладчика: „одна дорога вела на Москву, а другая — на Киев“; что одной из главных причин не создания Кубанской Армии, помимо сопротивления „главного командования“, было отсутствие соответствующего человека, которому можно было поручить армию; что многие из Кубанцев не знали — где в нем кончается русский человек и где начинается кубанский казак. Как иллюстрацию к этому положению и в оправдание недоумевавших, докладчик привел в пример ген. Науменко, который „не мог провести грань, где в нем кончается подчиненный Врангелю, где начинается сын Кубани“.

Правда, Кубанский полковник Елисеев в своей горячей речи там же указал докладчику, что в этом виноваты некоторые кубанские политики, которые не нашли в себе достаточного мужества, решимости защитить интересы Кубани, в силу чего создалось такое положение, при котором „мы, офицеры, попали в подчинение русских генералов и, при всем своем сознании сыновнего долга перед родной Кубанью, не могли ничего сделать“.

Конечно, докладчик лучше, чем кто бы то ни было, знает „казачью политику“ „главного командования“, все их „приемы“, направленные к уничтожению, поруганию казачьего „я“, приведшие всех нас к разбитому корыту. И алая все это, он желает повторения пройденного: стать на распутьи двух дорог — московской и киевской; сделать так, чтобы кубанцы снова стали в такое положение, когда они не в состоянии будут отлечь в себе — где у них кончается слуга Москвы, где начинается — сын Кубани! Желание поистине странное, „аргумент“ против самостийников чрезвычайно слабый.

Следует отметить, что докладчик особенно упирал на то, что донцы были гораздо больше самостийниками, чем кубанцы. У них, донцов, была, мол, безоговорочная государственная конституция, своя особая

армия, свои деньги, а у нас ничего этого не было. Донцы, мол, умели молча, без шума делать подлинно самостийные дела, а мы, кубанцы, только умели кричать о самостийности, но не умели делать самостийные дела. Как подтверждение этого положения, докладчик приводит цифры распределения денежных знаков за все время борьбы с большевизмом. Согласно этих цифр, львиная доля денежных знаков, конечно, досталась „главному командованию“, сравнительно приличную сумму получили донцы и совсем мало кубанцы. Но на мой взгляд это — малоубедительное доказательство. Конечно, „главное командование“, являвшееся бесконтрольным хозяином в Казачьих Краях, могло брать денег сколько ему заблагорассудится, но оно при всем своем желании меньше дать донцам, делать этого никак не могло, ибо донцы имели свою особую армию, игравшую важнейшую роль в борьбе, а расходы в те годы были преимущественно военные. Кубанцы же, по тем или другим причинам, не создавшие своей армии, шли под маркой добровольческих частей и их доли военных расходов, очевидно, проходила через рубрику „главного командования“.

Также необходимо отметить следующую мысль докладчика. Это — резкое противопоставление Линейцев Черноморцам. Причем, Линейцы от начала до конца выставлялись, как люди государственные, умевшие тихо без шума делать большое и полезное дело, а Черноморцы, как люди слова, своим неуместным словесным самостийничеством вредившие общему делу. Как доказательство неспособности Черноморцев разбираться в обстановке и в людях, привел пример — избрание Букретова. При этом особенно подчеркнул, что Букретов был кандидатом исключительно Черноморцев-самостийников, а они, Линейцы, знали — какой этот человек Букретов.

Правда, докладчик говорил, что такое противопоставление — деление на Линию и Черноморье — было большой ошибкой, ибо нет Линейцев и Черноморцев, а есть только кубанцы. Но вряд ли можно считать годными для такого объединения те средства, какими пользовался докладчик.

Я совершенно не собираюсь вмешиваться в кубанские дела (хотя такое положение, когда донец не должен вмешиваться в кубанские дела или наоборот, считаю совершенно неправильным, ибо в жизненных интересах всего Казачества, чтобы отдельные Войска слились в единую братскую казачью семью. И чем скорее это случится — тем лучше. Не кубанский, не донской или астраханский казак, а просто казак, сын своего единого казачьего Отечества — Казаки!), но, выслушав чрезвычайно интересный, а вместе с тем необыкновенно тяжелый для казачьего сознания доклад Скобцова, хочу высказаться по некоторым „пунктам“ этого доклада: по вопросу о создании Южно-русского союза; о кубанской заграничной делегации, работа которой послужила формальным поводом для жестокой расправы с Кубанской Радой, и по вопросу о создании Кубанской Армии.

Дело в том, что после доклада Скобцова мне попала в руки книга Г. Покровского — „Деникинщина“,

книга чрезвычайно интересная именно для кубанцев. И вот я хочу по этим трем „пунктам“ провести параллель: как кубанский казак Скобцов, игравший в этих событиях ответственную роль, и как г. Покровский (вряд ли питающий к казакам особую симпатию) объясняют их. Такое сопоставление очень интересно и поучительно.

Кубанец Скобцов и теперь, после десятилетнего размышления в эмиграции, склонен видеть основную причину всех политических неудач Кубани в непримиримо-враждебной позиции, занятой Черноморцами в отношении „главного командования“, в их „словесной, ненужной“ самостоятельности. Если-бы не Черноморцы, то Линейцы, не раздражая „словесным радикализмом“ добровольцев, могли бы сделать больше, сговорившись с ними.

Можно было бы понять человека, когда он в момент борьбы, находясь под двойным давлением: с одной стороны — всякими правдами и неправдами, ва казачий счет и на казачьей крови усилившегося оружия „главного командования“, а с другой — угрозы „союзников“ прекратить всякую помощь и связь с казаками, если они не подчинятся Деникину, — стал бы „по принципиальным соображениям“ доказывать о необходимости сговора с Деникиным. Но очень трудно понять того, кто через десять лет эмиграции, находясь в свободной стране, изучив все материалы, из которых явствует, что Деникин и его окружение никогда, ни на один момент за все время борьбы не думали считаться с казаками, а лишь с зубовым скрежетом, до поры до времени, терпела „казачий вопрос“, как неизбежное зло, подлежащее уничтожению при первой же возможности, — трудно понять человека, который, зная все это, через десять лет в Париже пытается доказать, что причиной многих бедствий Кубани явилась „словесная самостоятельность“ Черноморцев.

Возьмем вопрос о Южно-русском союзе, в деле создания которого некоторые казачьи политики так долго нянчились с „главным командованием“, надеясь найти в нем союзника в этом деле. Какие были основания для порождения подобной надежды у тех казачьих деятелей? Решительно никаких! Это знали все, ибо для каждого было ясно, что для „главного командования“ не только сильный, единый Южно-русский союз, но и отдельные казачьи „государственные образования“ были бельмом на глазу.

Деникин в своей казачьей политике, руководясь принципом — „равделяй и властвуй“, всячески препятствовал сближению Казачьих Войск. Он эту свою „казачью политику“ даже обосновывал соображениями „высокого порядка“: „образование ими (Казачьими Краями) союзов стояло бы в противоречии с идеей государственного единства России“, и такое свое отношение он ни от кого не скрывал и, не скрывая, действовал на раз'единение. Деникин открыто говорил, что пока он жив, „законодательный орган допустить не будет ни в коем случае. Я не допущу, чтобы над моей головой стал многоголовый совадеп“. Так по солдатски-прямолинейно, откровенно высказывался Деникин, квалифицируя высшие представительные органы Казачества (Круги, Рады) как „многоголовый совадеп“, а некоторые казачьи политики — „сначала русские люди, а потом казаки“ обманывали себя и казаков и по-сились с идеей сговора с Деникиным!

Позиция Деникина и его окружения была ясна и отстаивалась им твердо и неуклонно всеми доступными и недоступными средствами. Позиция некоторых казачьих верхов была не так ясна, но, и эта неясная позиция, кроме упрямства, никак не отстаивалась. Две силы совершенно не примиримые, друг друга исключющие.

Эта ясность, твердость и устремленность к одной определенной цели у Деникина настолько довлеет над всеми остальными, что он даже в момент развала всего фронта и тыла, в декабре 1919 года, ничего лучшего не мог придумать, как издать приказ, каждый пункт которого дышит „высочайшим указом“: „образовать при мне правительство“, „входят с представлением к правительству, при мне состоящему“, „управляющий делами правительства, при мне со-

стоящего“, „при правительстве, при мне состоящем“, „представлять на распоряжение в правительство, при мне состоящее“ и т. д.

Деникин стремился к полному обезличению всех, к безграничному подчинению их своей власти. А руководители казачьей политики, поддерживаемые всей казачьей народной массой, не нашли в себе достаточной решимости столь же твердо отстаивать свои казачьи интересы. Тогда и многие казаки и деятели не отказывались от идеи „собрания России“, но к этому они хотели идти иными путями. На этих путях для некоторых первым этапом было — создание Юго-восточного союзного казачьего государства, а тактикой — союз со всеми соседними народами, взаимно содействуя делу укрепления основ своих государств. Но именно такая перспектива „не улыбалась“ Деникину и он всячески стремился убить эту „казачью самостоятельность“.

Адептом создания Юго-восточного союзного государства, в которое, по первоначальной идее, должны были входить: Дон, Кубань, Терек, Украина, Горцы, Грузия и т. д. — был Н. С. Рябовол, который 13 июня 1919 г. произнес большую речь в защиту этой идеи. „И не удивительно, что через несколько часов после произнесения этой речи, Рябовол был убит, а вместе с ним оказалась убитой и самая идея Союза, которая неожиданно мастерски подменяется идеей создания Южно-русской власти“ (Покровский).

Да и подменить одну идею другой, обмануть, подсунув идею власти, вместо идеи государства, Деникину было не трудно, ибо обивавшие пороги „главного командования“, дрожавшие за судьбу „Великой России“, а не Казачества, некоторые казачьи политики сами желали быть обманутыми...

На казачье заявление о создании союзного казачьего государства „главное командование“ харкнуло в лицо Казачества кровью Рябова, но казачьи политики не оскорбились этим, даже не смутились, а спокойно утершись, „почти на другой день после убийства Рябова, 21-го июня (по ст. ст.), Харламов, Каклюгин и Баскаков ведут с генералом Деникиным переговоры о необходимости создания общегосударственной власти“ (Покровский). Уже не союзного казачьего государства, а общерусской власти под главенством Деникина, вернее при Деникине.

Прекрасную идею создания Союзного казачьего государства, путем убийства ее защитника и всяческих других „ходов“ и „приемов“, убило „главное командование“. — „Искусная рука политиков всероссийского масштаба из Особого Совещания артистически тормозила работу и до конференции и во время самой конференции, добившись в конце-концов подмены самой идеи Союза идеей создания Южно-русской власти“... (Покровский).

Это обстоятельство, надо полагать, хорошо известно и Скобцову, и именно поэтому кажется странным, что он на своем докладе виновников провала идеи Союзного Казачьего государства склонен был искать в казачьей среде (Черноморцы!), а не в „главном командовании“...

Конечно, могут сказать, что тогда обстановка была сложная, что иначе казакам действовать было трудно, сила была на стороне Деникина, разрыв с ним повел бы к катастрофе и т. д. и т. п. Все могло случиться. Но все же это утверждение недоказуемое: катастрофа могла случиться, но могла и не случиться. А с другой стороны мы имеем несомненный печальный факт: при всем безоговорочном подчинении Деникину, при всей угодливости ему части казачьих верхов, при сдаче Деникину всех казачьих позиций, при всем этом мы к катастрофы не избежали и, очутившись у разбитого корыта, до сего времени переживаем кровавую трагедию. И теперь наверное ни один казак задает себе вопрос: а что, если мы своевременно тогда расторгли бы противоестественный свой „брак“ с „главным командованием“ и стали бы твердо на свой Казачий Путь? А что, если мы тогда указали бы добровольцам их место и, вспомнив древнюю казачью старину, высоко подняли бы Казачье Знамя и решительно стали бы на его защиту?

И ни один человек теперь не смеет сказать, что так было бы плохо, — доказательства обратного положения мы имеем.

А насколько некоторые кубанские политики были послушны Деникину, хорошо описывает в своей книге Покровский. Например в 1918 году октябрьская сессия Куб. Чрезвычайной Рады единогласно приняла постановление, в котором говорится: необходима организация единого представительства от южно-русских государственных образований на предстоящей мирной конференции. Необходимо немедленно, не ожидая образования федеративной власти в освобожденных от анархии областях, принять меры к организации общего международного представительства; для достижения указанных целей, необходимо образование Южно-русского Союза на федеративных началах.

Достаточно было такого волеизъявления народа, чтобы ген. Лукомский, член Кубанской Рады по назначению Деникина (новое доказательство того, что казаки делали все возможное и невозможное, чтобы „умялостивить“ грозного Деникина: член Парламента по назначению пришельца! Что может быть курьезнее этого? С. С.), заявив „о выходе представителя Добармии из состава членов Краевой Рады“, каковое заявление заставило членов Рады растеряться...

Далее Покровский пишет: „Командованием Добармии, в нарушение самых элементарных привилегий по отношению к кубанцам, в помещении состоящего при Кубанском Краевом Правительстве Украинского Писольства производится обыск, делается выемка официальных бумаг и арестовывается секретарь посольства Поливан. Этот акт был настолько демонстративен по отношению кубанцев, насколько и оскорбителен... Однако, на оскорбительную демонстрацию Добармии кубанцы ответили демонстрацией своего бессилия и незрелости государственной мысли...“, ограничившись лишь поручением правительству выяснить — почему арестован Поливан.

Это — было первым шагом со стороны „командования“ для выяснения — можно ли зажать в бараний рог кубанцев и на этом примере издевательства, почувствовав свою полную безнаказанность, „через несколько дней командование Добровольческой армии, вместо присылки основания ареста Поливана, арестовывает и самого украинского посла Боржинского, снимает украинский флаг, затем к председателю Куб. Краев. Правительства Л. Л. Бычу, по приказу командования, является ген. Белоусов с требованием предъявления для осмотра находящейся у него верительной грамоты Боржинского. И на этот раз Краевая Рада не могла огранить авторитет и достоинство своего правительства... Со стороны „главного командования“ это было искусным выстрелом, рассчитанным на двойное поражение: во-первых, унизить вышние казачьи законодательный и правительственный органы перед лицом Кубанской народной массы, а во-вторых — подбросить „черную кошку“ между Кубанью и Украиной, которая естественно должна была возмутиться неспособностью кубанцев защитить ее полномочного посла.

Так „в Кубанском Крае, как и других завоеванных местностях, командование распоряжается совершенно абсолютно. В самом Екатеринодаре власть Краевого правительства парализована распоряжением командования“... (Покровский) Иля, по словам Рябова, „после взятия Екатеринодара выяснилось, что на Кубани всякий прапорщик — полный хозяин“...

Да и трудно было правительству Быча оказывать достойное сопротивление всякого рода покушениям Деникина, когда в самой Раде была сильная группа людей, готовых когда угодно поставить свою печать одобрения на всякое оскорбление Кубани „главным командованием“. Но все же это правительство для последнего было „неудобным“, а потому, „стремясь неуклонно и твердо проводить в жизнь реставрационную политику, командование Добармии всякими правдами и неправдами добилось выборов на пост Кубанского Войска. Атамана полковника Филимонова, ее верного соратника, а при его помощи и желательного состава Краев. правительства во главе с Ф. С. Сушковым“... А затем „пра-

вительство Сушкова во главе с атаманом Филимоновым покорно шло за командованием Добармии“... (Покровский).

Избрание такого атамана и образование такого правительства еще больше ослабило казаков. — „Это создало еще новый раскол — раскол в среде самого казачества, что так важно было для командования Добармией, стремившегося искать сторонников в среде самого казачества, способствовавшего этому расколу и преследовавшего правило: раздели и властвуй“ (Покровский).

Чтобы представить себе то тяжелое положение Кубани, какое создалось, благодаря беззащитному попранию казачьих прав „командованием“ с одной стороны, а с другой — нехорошей позиции части самих казаков, представим слово Председ. Куб. Краевой Рады, Н. С. Рябоволу.

„Нашей группой... были выдвинуты определенные тезисы, были указаны необходимые для спасения Края пути. Главным из этих тезисов был: немедленное объединение всех борющихся с большевизмом государственных образований — в целях успешной борьбы. Группа эта полагала, что только при условии создания запаса живой силы борьба эта может быть успешна. Тезис этот в той мере, какою предполагала группа, встретил со стороны некоторых лиц возражение, но Краевой Радой был все же принят... Но вместо правительства, которое стало бы во главе всех образований и опиралось бы на поддержку народных масс, в Екатеринодаре создалось Особое Совещание — компания самозванцев из кадетов и черносотенцев, которое и вздумало объявить себя всероссийской правительственной властью. Эту компанию от политики, от коммерции или от монархизма мы не признали... Дальше началась провокационная работа, результатом коей и надо считать искусственное разделение нас на Линию и Черноморию. Политика командного состава армии после похода резко изменилась. Когда нужна была казачья помощь и кровью и материально, когда трещали пулеметы, в станице Успенской в правительственной типографии печаталось воззвание, в котором обещался созыв Учр. Собрания. Опасность миновала, стали говорить о каком-то предствительном собрании, а потом перестали обещать и это... Кубанские деятели, ушедшие в поход с мыслью сохранить идею народоправства, всеми силами поддерживали ее в походе. Исторический договор в ст. Ново-Дмитриевской был подписан после обсуждения в Раде. Нам хотелось сохранить свою кубанскую физиономию и нас поддерживал в этом, правда, как оказалось, из за желания сохранить звание главнокомандующего, и ген. Покровский. Когда обнаружилось в командовании армии стремление руководить всем, мы хотели уйти, но нас обвинили в желании сложить с себя ответственность, и мы остались. Но физиономия Кубани затерлась... После освобождения Кубани выяснилось, что на Кубани всякий прапорщик — полный хозяин. В результате разгромлено хозяйство многих станиц. Когда с нашей стороны был заявлен при визите Алексею протест по этому поводу и председатель Рады говорил в возбужденном тоне, Драгомиров заявил: „я прошу вас голоса не повышать. Мы вас освободили и вы должны нам подчиняться“. Правда, тогда нас не выгнали, теперь же, как известно, за это выгоняют. Итак, пришли завоеватели и не признали законного правительства, а установили какое-то всероссийское правительство. И в этом отношении правительство Быча стояло выше нынешнего. Оно боролось... теперь борьбы нет. Начались в согласительной комиссии запугивания, якобы всецело расположенными к армии союзниками, начались обещания обеспечения доставить всякие товары. И тогда группа „самостийников“ предупреждала: „не верьте в помощь союзников, организуйте свои силы“. И прибывшие союзники, правильно говоря, французы, оскорбляли кубанских казаков. В речах на Раде представители миссии много говорили, но забыли упомянуть о Кубанском Казачестве. Кубанская хлеб-соль забывалась и на обеде, устроенном

правительством в честь прибывших. Ясно, что союзники были кем то инспирированы. Противники торжествовали после заявления Эрлиша, что союзники считают врагом всякого, идущего против Добрармии... Мы говорили: организуйтесь. Черноморцы, конечно, любили Украину, но признавали ее, как пособницу в борьбе за народовластие, и Кубань на нее не меняли. В Добровольческой армии проснулись империалистические тенденции. Когда обнаружилось грозное движение на Юг советских войск, армия почему-то начала перебрасывать войска в Одессу, Крым, стремясь захватить больше территории... Выдвинутому Радой желанию объединения всех государственных образований, руководители армии стали ставить препятствия. Возникла грузинская авантюра. Разговоры Кубани с Грузией прекратились под угрозой объявления изменниками. Добрые отношения испортились. Авантюра внезапно кончается вмешательством англичан. Возникает новая. Войскам Горского правительства, боровшимся с большевиками, после занятия Терека и части Дагестана, командованием Добрармии предложено разоружиться... Разоружается Карачаевский народ... Разъединяющая работа ведется в наших с Доном отношениях... Вывод из всего вышесказанного таков: горские народы нам не только не друзья, а может быть и враги; Грузия недоброжелательно относится к нам; Украина захвачена большевиками; Дон в тяжелом положении; союзники помощи не дают. Мы совершенно изолированы чьими то усилиями. Кубанское Казачество поставлено в необходимость головами своих детей платить за грехи разных политических проходимцев... Все приводит к двум заключениям: необходимо немедленно взять в свои руки внешнюю политику и отстранить третьих лиц, нами распоряжающихся. И внутренние дела должны также перейти всецело в наши руки...

Это точное определение „казачьей политики“, главного командования, трагического положения Кубани было сделано 12 лет тому назад Рябоволом, почти накануне его смерти, но как его слова живы и имеют глубокий смысл и в наши дни!

Так понимавший цели и задачи Казачества и за них боровшийся Рябовол был убит неизвестными исполнителями тайной, открыто невысказанной воли „командования“. Убийцы Рябовола знали что делали, знали — как больнее можно ударить Казачество. Но и последнее хорошо знало — кем и чем для него был Рябовол.

„И убийство Рябовола окончательно отмежевало кубанцев от командования Добрармии. Прав-во Сушкова, во всем послушное командованию, являвшееся

слепым орудием политики командования Добрармии, под натиском большинства членов Рады, еще 5 мая, подало в отставку“. Образовалось правительство Курганского, перед которым „вопрос стоял весьма ясно и просто: или Куб. Краевое правительство должно было раз навсегда отказаться от идеи федерации, народоправства в Учр. Собрания, воспринять идею военной диктатуры в лице ген. Денкина и во всем подчиняться командованию в лице его органа гражданского управления — Особому Советанию, что и делало правительство Сушкова, или идти на полный разрыв и путем не дипломатии, а силой оружия отстаивать prerogatives Краевой власти, узурпированных командованием Добрармии“... (Покровский).

Конечно, если все кубанские политические деятели (Члены Рады) были бы решительными и единодушно стали на защиту „прерогатив Краевой власти, узурпированных командованием Добрармии“, то это явилось бы таким фактором, не считаться с которым „командование“ никак не могло бы. Но вся беда в том, что в Раде и в правительстве было много людей, которые соглашались „во всем подчиняться командованию“, что сводило к нулю значение и власть, как Рады, так и правительства.

— „Понимая свое бессилие, борясь за независимость, кубанцы (правильнее было бы говорить — Черноморцы. С. С.) в борьбе с командованием Добрармии стремились выполнить три задачи — искать защиты в смысле признания их прав за границей, у союзников; создать из краевых образований Дона, Кубани и Терека Южно-русский Союз, вопрос о котором не однократно поднимался во всех казачьих областях. Этот союз, как наиболее мощное государственное образование, конечно, скорее заставил бы командование Добрармии считаться с интересами и желаниями Каз-ва и, наконец, создать свою армию, как реальную силу, и этим исправить свою ошибку, совершенную еще в момент подписания договора. Однако, ни одно из заданий не могли выполнить“... (Покровский).

К сожалению, не могли выполнить не без некоторой вины части же кубанских деятелей, соглашавшихся „во всем подчиняться командованию“...

Правильно ли были поставлены задачи? Почему они не были осуществлены?

Основная причина, конечно, — искусная работа командования Добрармии, направленная на срыв их. Но Д. Е. Скобцов, признав правильность постановки вопроса, признавая некоторую вину командования Добрармии, как другую серьезную причину не осуществления их, склонен выставить „словесную самостоятельность“ Черноморцев, т. е. как раз тех, которые явились ревнивыми защитниками этих задач, решительными, прямолинейными их проводниками.

(Окончание следует).

Учур Алексеев.

Под властью красных.

Личные переживания.

(Окончание).

Прибыв в Тихорецкую и простояв там неделю, я решил просить тов. Городовикова, чтобы он отправил меня в мою станицу для поправления здоровья, ибо, видя зверские издевательства красных солдат над калмыцкими беженцами, нечеловеческие страдания своих братьев, ежедневно испытывая от всего этого бесконечные душевные муки, я не мог не заболеть. И действительно, мое душевное состояние было настолько подавленное, что я выглядел совершенно больным человеком. Даже тов. Городовиков признал мое болезненное состояние. К тому же мой „красный начдив“, когда я просил у него разрешения, был в несладком настроении духа (кажется, праздновал „победу“ над „кадетами“) и с удовольствием удовлетворил мою просьбу, приказав старшему секретарю написать мне удостоверение. Секретарь незамедлил написать на пишущей машинке свободный пропуск следующего содержания:

РСФСР

1-я Конная Армия
Кавказского фронта

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

№ 318.
22 февраля 1920 г.
Ст. Тихорецкая.

Предъявитель сего красноармеец из штаба 4-й кав. дивизии тов. Алексеев Учур действительно отирается домой в ст. Батлаевскую, Сальск. округа, для домашнего лечения по состоянию здоровья.

Всем советским организациям и учреждениям предлагается тов. Алексееву оказывать самое широкое содействие, как в пути его следования, так и в его штани.

Что удостоверяется подписями и приложением печати. Начдив (подпись). Военком (подпись) и Наштаб (подпись).

Получив такое удостоверение, я с радостью покинул Тихорецкую 22 февраля на бронепоезде „Генерал Алексеев“, отбитом у „кадетов“, как говорили красные, и отправлявшимся для ремонта в Торговую.

Еду на бронепоезде. Перед моими глазами по обеим сторонам железнодорожного полотна снова развертываются те страшные картины красноармейских зверств над калмыцкими беженцами, о которых я сказал выше: полуголые, часто совсем голые трупы убитых, перевернутые возы, разбросанные вещи, разлетающиеся по ветру обрывки священных калмыцких писаний, разбитые подводы, мертвые, окоченевшие тела животных... Для того, чтобы описать виденную мною картину во всем ее ужасе, надо не мое, „среднего грамотея“, перо, а перо большого художника.

Прибыв на ст. Торговую, я обратился в местный совет за подводой, так как железнодорожный мост через Маныч был разрушен „белогвардейцами“, поезда не шли, а большевики в то время даже и не думали об исправлении его, ожидая напора, возвращения „белых“, как это было в 1919 году. Председатель совета категорически отказал мне в подводе, жалуюсь на то, что красная конница забрала по реквизиции все, что имелось в селе, и сказал, что, если я увижу хоть одну подводу у местных жителей, то он без всяких разговоров заставит отвезти меня до следующего пункта. Было ясно, что никакой подводы в селе я не найду и, решив не „искать иглу в соломе“, я пустился в дальнейший путь пешком.

Благополучно добрался до ст. Шаблиевка, где случилась со мною маленькая неприятность со стороны „дурных шаблиевских советчиков“. Здесь я предъявил свой документ, требуя кусок хлеба больному красноармейцу, но малограмотные шаблиевцы не только накормить и напоить меня, как красноармейца, отказались, но даже пытались арестовать, считая меня „кадетским шпионом“. Отправили одного солдата с моим документом в Торговую „разузнать“ и тот к утру 24-го февраля вернулся с ответом „отпустить“. Местные советчики стали извиняться перед мною. Но извинение то извинение, но насчет подвод и думать не приходилось. Все как один, отвечали: „да ваши же все позабрали“.

Двинулся и дальше пешком и к вечеру того же дня еле-еле добрался до ст. Великокняжеской, где при входе по жел. дороге на станцию в первой же будке стоял вооруженный пост, проверявший документы возвращавшихся беженцев. Показал бумагу — пропустили, ничего не говоря. Здесь в станице я избегал зайти в совет, думая, что в нем может быть кто-либо из моих знакомых, которые обязательно начнут расспрашивать и допрашивать — „да как, почему, когда?“ — а это ведь длинная история. На ночлег в Великокняжеской я остановился у одной казачки А., нечаянно встретив ее на вокзале. Я себя зарекомендовал ей за беженца, идущего домой из Тихорецкой.

Рассказывала она мне о том, как большевики в станице убивали мужчин и женщин „кадетского“ построения, грабили до ниточки, насиловали молодых девиц, из коих, по ее словам, многие с ума сходили, потом умирали или отравлялись. Передохнув как следует у этой добродушной казачки, утром 26-го февраля, поблагодарив хозяйку за радушный прием и заплатив ей 200 руб., я отправился в путь — Платовскую станицу, где, действительно, в местном совете очень помогло мне имя Городовикова в деле бесплатного питания и немедленной доставки подводы для меня. Платовский совет тогда гнезился в флигеле есаула Дакугинова, что стоит на углу базарной площади перед станичным правлением. Должен сказать, что я в ней за сутки своего пребывания, ни одной калмыцкой души, к своему сожалению, не видел и мне не пришлось поговорить с кем либо из калмыков по душе.

Из Платовской станицы хоть раз за весь сказанный свой путь, выехал на бричке, запряженной парой добрых коней. Подводчиком моим был седой старик лет под 60—65, у которого два сына служили у Буденного. Старик с большой радостью рассказывал мне по дороге, как его сыновья привели ему быстро тянущих коней с бричкой и хвастался, что у него три дойных

коровы — тоже сыновьями за „красное время“ нажитые...

Добрые кони, „честным трудом“ солдат мировой революции нажитые, дружно рысют. Перед взором расстилается бесконечная равнина милой и родной Сальской степи, ныне так опустевшая и обезлюдившая. Старик-подводчик за „пару добрых коней“ так старательно расхваливает советскую власть, красную армию, служба в которой его сыновья имеют возможность быстро и легко „наживать“ и лошадей и коров... Его слова не задевают моего сознания, „как горох об стену“. Мною овладевают горькие думы, грустные мысли по поводу печальной доли моего родного маленького народа, историческая жизнь которого так печально сложилась в ныне так трагически завершается...

— „Что день грядущий готовит“ ему?

И вот перед нами „ован толга“ — маленький степной курган, на котором в былые времена моя родная станица устраивала праздник весны и который стоит почти на дороге Платовская-Батлаевская. Поровнявшись с курганом, я снимаю шапку и незаметно для старика-клянюсь в сторону кургана. В моем сознании ярко встала картина калмыцкой жизни в „старое, доброе время“ и глаза мои невольно наполнились влагой... Старик-подводчик так и не заметил меня, а если он заметил бы и спросил — чорт с ним — готовился сказать о значении этого кургана, о жизни и страданиях калмыков.

Едем дальше и родная мне Батлаевская постепенно развстревается перед моим взором. Все ближе и ближе — начинаю узнавать те уголки и места, где я родился, вырос и провел лучшие годы своей жизни, впитывая в себя материнский батлаевский воздух. Знаю трагическую эпопею моих станичников, знаю, что станица опустела и из родных моих там никого нет, но все же радость неописуемая в душе: приехал в свою родную станицу, в свой отчий дом...

Вехали в станицу. Смотрю — идет по улице дед Б. С. Не помню, как вспрыгнул с брички — я уже при нем и говорю, говорю без умолку...

Началась новая жизнь в своей родной станице под новой „красной“ властью...

В станице никакой организации охраны не было. Районный совет находился в хуторе Гончуковском. Оставшиеся жители станицы, калмыки, были предоставлены на произвол судьбы, без конца переноса постоянные насилия и издевательства красных солдат, а сама станица находилась в полном смысле слова в состоянии разорения и уничтожения. Местное крестьянское население соседних хуторов, как то: Большая и Малая Крепьяновка, Восьмьяновка, Гарбузов и др. из нашей станицы увозило и растаскивало все: хорошие дома, амбары, сельско-хозяйственные машины и орудия, словом все, что можно было увезти. Два прекрасные дома коннозаводчиков, братьев Шавелькиных, были таким путем увезены, „украдены“ за основания.

В своей станице, мне пришлось видеть и наблюдать совсем печальное и ужасное положение моей станицы, ее разорение и уничтожение. Часто приезжали то солдаты, то жители окрестных хуторов, бесцеремонно издевались и надругивались над женщинами и девицами совершенно безнаказанно. Некому было заступиться...

Видя все это я, наконец, взяв на себя смелость, обратился в районный совет за содействием и защитой станицы, предлагая принять меры по охране станицы. Совет ничего существенного не сделал, но председатель его, П. Стеценко (коммунист), назначил меня милиционером в станице, снабдил меня винтовкой с 45 патронами. С таким „вооружением“, обремененный полномочием „районного совета“, я начал служить своей станице, как умел и мог.

Трудно было мне бороться с красными бандитами, постоянно делавшими налет на станицу, тем не только ее разрушавшим, но доставлявшим великое бедствие всему населению, мирно жившему. Но все таки присутствие в станице официального представителя власти — в виде милиционера, немного умерило произвол бандитов.

Вскоре после этого, с появлением первых беженцев из Екатеринодара и других мест, в станицу пере-

ехал районный совет. Совет этот обосновался в хуруле, в доме старого бахши, ныне покойного, Нимгирова, и начал было руководить, управлять нашей станицей по-большевицки. Тщательно проверял документы приезжавших домой беженцев. У кого не было пропуска, того сейчас же отправлял в Великокняжескую. Товарищ Стеценко свое общественно-административное управление построил на следующем принципе: он заставлял всех, за исключением глубоких стариков и маленьких детей, нести семидневный наряд при совете, откуда очередной или очередная изволь бежать с пакетом в Платовскую, Денисовскую, Мартыновку, Орловку и т. д. Все должны были нести беспрекословно „общественную повинность“.

Беженцы наши, кто остался жив, возвращались домой голыми и босыми. Но главное, по приезде их домой, тот же Стеценко наказывал по своему: порол плетью, заставлял спускаться в колодезь для очищения грязи на дне, каковых у нас во дворе станичного правления было три. Чистили, убирали и мыли в помещении станичного правления, будущего, как тогда говорили, советского исполкома, также делали „генеральную чистку“ и в помещении приходского училища (оба здания).

Однажды я, в качестве милиционера, наблюдая за работой, производившейся одними и теми же лицами, расспрашивая у них о судьбе своих родителей, эвакуировавшихся с „белыми“, черкнул несколько слов своим родителям. Дело в том, что Стеценко говорил мне о необходимости вернуться в скором времени в свою часть, да и сам я подумывал — чем сидеть здесь, наблюдать страдания своих братьев и голодать, лучше выехать на фронт, а там, может быть, удастся перейти и к своим. Поэтому, не исключена была возможность, что я скоро выеду на фронт. Тогда родители мои, вернувшись из беженства, могли не захватить меня дома. А посему, чтобы успокоить своих родителей, для большей убедительности, что я невредим, для большей уверенности в моем почерке, я написал следующую записку: — „Дорогие родители, папа и мама! Я жив и здоров, но только в руках красных. Не беспокойтесь и не горюйте обо мне. Жив буду — во что бы то ни стало перейду к своим казакам. Ждите меня. Старик Г. Балыков расстрелян. Ваш сын Учур“.

В случае отъезда на фронт, эту свою записку должен был оставить у своего друга, который должен передать ее моим родителям, в случае их возвращения. Но к моему несчастью тогда (ныне считаю великим счастьем, что я вырвался из „советского раба“), человек по имени В. Г., к которому я питал полное доверие во всех отношениях, оказался моим предателем... Он меня предал тов. Стеценко, передав ему мою записку, прибавив с своей стороны еще, что я, якобы, занимаюсь конспиративной работой против советской власти. Получив такое „очевидное доказательство“ моей „контрреволюционной“ работы, председатель Батсовета поспешил обезоружить и арестовать меня, составив протокол об отправке меня, как кадетского шпиона, в военно-полевой суд в ст. Великокняжескую. При аресте у меня отобрали все, я очутился в таком положении, в каком я был в первый день в Лопанке. Особенно чувствительна и памятна для меня дата 7 по ст. ст. — 20 по н. ст. апреля — день, когда составили протокол и арестовали меня: в этот день мои же товарищи по службе зверски поролы меня калмыцкой плетью, требуя выдачи, по их мнению остальных моих сообщников по тайной контрреволюционной работе.

Пользуясь случаем, что комиссар разрешил мне пойти за вещами, каковых у меня совсем не было, я решил бежать, куда смотрели мои глаза. Дело было в 4 часа по полудни. До поздней ночи скрывался в кустах на берегу Сала и, наконец, в 2 часа ночи 7/20 апреля вышел из кустов и пустился в далекую дорогу, поставив себе целью пробраться в Астраханскую губернию. Безумно бежал, а к 5 часам утра уже прибыл в соседнюю Денисовскую станицу, за три часа покрыв расстояние в 18 верст. Как только прибежал туда, почувствовал сильную боль в пятках, где появились большие волдыри. Смотрю — кругом ничего и никого не видно. Станица пуста, разгромлена. Иду дальше по улице, вижу — из одной землянки клубится густой чер-

ный дым и я направился к ней. На дворе стоял седой старик-калмык, высокого роста, который радушно принял меня. Я назвал себя старику калмыком-астраханцем, ищущим работу. Делясь впечатлениями, обмениваясь мнениями, старик с ужасом говорил мне об „обычных явлениях“ большевиков в ст. Денисовской. Я ему рассказал об „обычаях“ большевиков в Батлаевской. Старик серьезно ставил вопрос: люди ли это, или звери в человеческом образе? И никак не соглашался со мною, что они — люди.

Вечером 8 апреля я направился дальше через Иловскую в Кутейниковскую станицу, где скитался около трех недель, живя „зайцем“, в семье... Жена последнего только что вернулась из Новороссийска, потеряв живыми двух своих мальчиков 13 и 15 лет, сама была без руки, которую у нее отрубили большевики, вероятно, для того, чтобы она, неграмотная женщина, своей „контрреволюционной рукой“ не разрушила здание советского государства. Там же, в Новороссийске, на глазах у нее расстреляли мужа! Страдания и мучения ее были и так бесконечны, к этому принес еще новое горе и я...

И так всюду: огрубленные руки, вывороченные внутренности, разбрызганные мозги, выколотые глаза... Всюду смерть, всюду ужас. Во всех калмыцких станицах море крови, слез, бесконечное горе и страдание. Голод и холод, плач и рыдания женщин и детей, заячья жизнь мужчин. Постоянные налеты большевических банд, безнаказанные издевательства и надругательства над женщинами...

Во время своего пребывания в Кутейниковской станице я имел „тайную беседу“ с близкими своими друзьями и знакомыми: Д. Д., Д. У., Б. А. и часто приезжавшим туда из Ново-Алексеевской станицы Н. Пуртиновым, который позже, в 1925 году, когда выяснилось, что он был помощником станичного атамана, расстрелян большевиками. Из наших „тайных бесед“ помню о том, как эти лица с большим удивлением рассказывали об одном интереснейшем выступлении на общем собрании Кутейниковской станицы калмыка-коммуниста Х. Б. Канукова, который в горячей своей речи, указывая пальцем на сидящего тут же старого священника — „эмче гелюна“ — Суксукова, с пеной у рта говорил: ... „ваших кадетов утопили в море... теперь мы в первую голову должны покончить с духовенством, наша программа — уничтожить таких голомозгов гелюнов, а всех остальных будем переселять из сальских степей и проч.“ Также хорошо помню слова Пуртинова, говорившего в „последний раз“ о тех преступлениях большевиков, которые разгромили все калмыцкие станицы до неузнаваемости и совершенно стерли с лица земли его родную, Ново-Алексеевскую станицу...

Долго скрываться и жить в Кутейниковской станице я не мог, хотя были и такие люди, которые советовали и предлагали свои услуги скрывать меня в специально выкопанной, под одним из домов, яме-берлоге, где я должен был жить не выходя никуда, обещались доставлять мне и пищу.

А что стало бы со мною, если я послушался их совета и стал бы жить в их специальном погребке, до „возвращения наших“, как говорили тогда?

Переменив свое первоначальное решение — пробраться в Астраханскую губернию — я решил пробраться на Дон. И ночью под 26 апреля двинулся с моим другом, Б., провожавшим меня до Серебряковской (тут же ниже Серебряковской, он указал мне переправу через Сал), а оттуда пустился на Дон, где, после некоторых поисков, нашел место пастуха под именем дербета Санджи Санджиева в хторе С. Много радости не доставляла жизнь пастуха, торчанье от зари до зари за скотинушками, хотя дело происходило в вольной, родной Донской степи. Особенно неприятно было, когда мой гурт в жаркие майские и июньские дни стрекотился, бешено разбегаясь во все стороны от преследования насекомых. Волей неволей приходилось мне бегать за ним и собирать его. Подчас приходилось и самому „стрекотиться“ от преследования красных палачей.

Жизнь в казачьих станицах была несколько лучше, чем в калмыцких. В них не было тогда еще такого

основательного разорения, разрушения, какие имели место в калмыцких станицах. Такого безнаказанного издевательства, бескрайнего грабежа, зверских надругательств большевики в казачьих станицах не проявляли, как это делали в калмыцких станицах. Очевидно все еще боялись казаков. Но тем не менее и в казачьих станицах жизнь была подавленная. Чувствовалась всеобщая растерянность, подавленность казачьего духа. По крайней мере вслух никто не осмеливался „критиковать“ большевиков, больше молчали, чем говорили.

И только тогда, когда были: или „под градусом“, или в особом, доверительном порядке, казаки высказывали то, что затаили в глубине своей казачьей души. Тогда у них высказывалась звериная ненависть к „московским большевикам“, пришедшим на Тихий Дон истребить род казачий. В таких очень редких открытых разговорах между казаками искали причину поражения борьбы Казачества с большевизмом и в большинстве случаев объясняли это не силою красных, а ошибкой казачьих „вождей“, заключивших „неестественный брак“ с незначительным классом русского народа.

— „Зачем эти непрощенные московские гости к нам пришли, и зачем с ними связались наши „вожди“? — как бы постоянно говорили казаки.

Живя таким образом в хут. С., однажды пришла мне в голову мысль испытать свое счастье, а именно: твердо решил выехать на фронт добровольцем, чтобы оттуда попытаться перебраться на фронт „белых“ (Крым). Приняв такое решение, я обратился к председателю Кумшацкой станичного совета с просьбой, чтобы он выдал мне какое-либо удостоверение для поступления в ряды красной армии. Председатель долго думал и, наконец, сказал, что он не имеет права отправлять меня прямо на фронт, а может только отправить на сборный пункт — в Константиновскую станицу — в красный гарнизон. Но когда я изложил перед ним согласие казаков-большевиков, приехавших в отпуск и через два дня отъезжающих в свои части на фронт (об этом я заранее уговорился с казаками), тогда председатель совета выдал мне удостоверение о том, что я действительно еду на фронт, как доброволец.

Получив такое удостоверение, я с шестью казаками, ехавшими на фронт в свои части, 15/28 апреля выехал из Кумшацкой. На следующей пристани — Романовской — присели к нам еще три казака-красноармейца. Ехали паромом по Дону... Я тогда не думал, что воды Тихого Дона несут меня в последний раз, унося далеко-далеко в неведомую даль... Питал надежду и мечтал снова возвратиться и увидеть седой наш Дон не красным, а свободным, вольным, покровителем и кормильцем донских казаков, а не красных москвичей. Но, увы!

Прибыли в Ростов, откуда поездом приехали 19 июня на фронт, в 120-й казачий красный полк, который стоял тогда на ст. Малый Токмак, Екатерины губ. По приезде в полк, казаки разбрелись по своим сотням и взводам, а меня, как вновь прибывшего, за неимением коня, отправили нести службу в обоз 2-го разряда. Этот красный казачий полк, за исключением немногочисленных „ваньков“, состоял из казаков Цымлянской, Кумшацкой, Романовской и др. станиц и он входил в состав 2-й конной армии, предводимой „вторым Буденным“ — тов. Жлобой. Полком командовал казак Родионов, Кумшацкой станицы.

На другое утро, 20-го июня, в день развязки задуманной, белыми“ операции (разгром Жлобы), красная конная масса была приведена в полное расстройство и, бросив все орудия и обозы, в панике бежала. Рассеян-

ная красная конница Жлобы, арестовав последнего, как предателя (видел своими глазами, как его в черкеске и кандалах гнали по улице вооруженные солдаты), приступила к формированию новых конных частей красной армии. Формирование разбитого 120-го казачьего красного полка происходило на ст. Волноваха, где мне пришлось видеть, из ранее насчитывавшего более 700 сабель полка только 60 всадников. Из приехавших со мною на фронт казаков уцелел только казак Орлов, Романовской станицы, а остальные были убиты, или попали в плен.

По окончании формирования своих частей, красная конница под тем же названием 2-я конная армия, — но уже под начальством нового командира, приехавшего с Польского фронта О. И. Гороховикова, начала наступление против „бароновцев“. Тут я, севший на коня, не переставал думать и мыслить об осуществлении моей заветной мечты — перейти через линию фронта к своим братьям-казакам. Должен сказать, что после Жлобинского разгрома, красная армия действовала еще злее и зверски. Был непосредственным свидетелем следующего: попадавших к ним „калетон“ — казаков без суда казнили, мучили, то расстреливали, то вырезали на плечах изображение офицерских погонов, на груди вырезали георгиевские кресты, на лбу изображение окоп, или просто выкалывали глаза и несчастный, обливаясь кровью, падал, сраженный пулей красноармейца.

Исполняя службу „красного воина“ и с трепетом ожидая подходящего момента для осуществления задуманного плана бегства, я в свои планы никого не посвящал, ибо малейшее недоразумение — и со мною легко могли проделать все то, что проделывали они и с пленными. Перед тем, как окончательно бежать, много раз мною овладевало сомнение насчет осуществимости моего плана. Сплошной линии фронта нигде не было. Часто случалось так, что нельзя было разобрать — где красные, где „белые“. И я, решаясь на такой смелый шаг, часто задавал себе вопрос: хорошо если „там“ наши, ну, а если по ошибке опять попадешь к красным?

Но в конце концов пребывание под властью красных стало невыносимым и я решил попытать свое счастье — будь что будет.

17/30 июля после одного столкновения под с. Жеребец, наш „красный“ полк, потерпев поражение, панически стал отступать, а я спокойно присоединился к бешено скачущим мне навстречу (а красным в догонку) казакам. Так легко и просто осуществилась моя заветная мечта. Это были лихие бойцы 2-го Донского казачьего полка.

А затем мне не стоило никакого труда снова радостно встретиться с своими собратьями, увидеть родные и знакомые мне лица зюнгарцев. Из Зюнгарского полка, при содействии полкового адъютанта Санжи Балыкова, нашел своих родителей, живших тогда в Симферополе, с которыми ныне разделяю все невзгоды эмигрантской жизни.

Так в феврале, оторвавшись от родных своих зюнгарцев, полгода „прослужив“ у красных, я снова присоединился к своей семье.

Мне, побывавшему в казачьих станицах и хуторах, видевшему разорение и разрушение последних большевиками, видевшему те стоны, рыдания и мучения наших отцов, матерей, жен, братьев и сестер, расстреливаемых, ссылаемых и насилуемых красными палачами, мне, видевшему и наблюдавшему все это совершенно понятны те вопли отчаяния и зовы о спасении в письмах,

Как смотрит прибывший из Москвы (в Англию) русский на грядущие события в сов. России:

... „В России не верят, чтобы при создавшихся в стране условиях могло бы образоваться какое-нибудь новое центральное правительство. Считают более вероятным, что в случае переворота возникнет ряд местных правительств и вспыхнет новая гражданская война“.

(„Возрождение“, 13 июля, 1931, № 2232).

которые получают ныне с Дона. Зачатки и основы этих криков казачьей души, этого казачьего политического настроения имели место уже и тогда, в 1920 году, когда под непосредственным впечатлением тяжкого поражения Казачества на поле битвы, казачий дух был подавлен.

Это настроение 1920 г. вкладывалось в краткую формулу: долой московский большевизм, да здравствует Свободное Казачество, жизнь которого должна строиться „по древнему казачьему обыкновению“.

Тогда лицо московского большевизма еще не выявлялось во всем своем отвратительном „блеске“ по отношению к казакам. Тогда еще эта сокровенная сущность большевицкой „казачьей политики“ скрывалась внешней „актерской“ гримасой. Но и тогда уже каза-

ки интуитивно предугадывали подлинное лицо большевизма и на этом предугадывании создавалось казачье политическое настроение.

Теперь наступило мрачное для Казачества время. Наступили самые черные его дни. Но мы знаем, что за темной ночью всегда следует светлый день. Будем верить, что и за черными днями наступит светлый день Воскресения Казачества.

Вольное Казачество подняло знамя Казачества. Казачье сознание проснулось. Силы казачья собираются и будем надеяться, что казачья политическая лава, также как и военная, разметет своих врагов, добьется жизни „по старому древнему казачьему обыкновению“.

С нами Бог и правда!

Думы и мысли.

Сергей Маргушин. (Румыния).

Над печкой я темною ночью сидел —
На алое пламя глядел.
Дымилась сырые дрова
И старая лампа коптила,
А вьюга за дверью сердилась и выла...
И думы, тяжелые думы меня осаждали:
Усталую душу все гнали
В степные запретные дали...
И крылья, могучие крылья
Я вдруг ощутил;
Взмахнув ими сильно,
Высоко вспарил.
Уж Черное море внизу клокотало
И бездну свою открывало...
На крыльях, гигантских я крыльях
Все дальше и дальше летел:
В родную станицу направил полет.
Уже вдалеке вгряки завиднелись,
И ряд куруней, и соломы омет.
Я тихо, незримо в станицу спустился,
По улицам темным пошел.
Здесь в раннем я детстве резвился
И в „конни“ играл малышом.
Вот храм, где когда-то крестился,
И старая школа, в которой учился.
А вот и колодезь и цебер кривой —
Коня тут поил я водой ключевой.
Но высох давно куст сирени,
Где с нею когда то сидел;
Последнюю песню где пели,
Где в слезные очи ее я глядел.
Отцовский мой дом бурьяном позарос;
Под старым набором рычал чей то пес.
Пустынно и дико все было кругом,
Огромным кладбищем казался мне Дон...
И жутко мне стало в родимых местах,
С тоскою вспарил я опять в небеса.
И вдруг я очнулся — чужбина!
Я снова, как раньше, один...
А печка давно уж остыла,
Лишь черная лампа все так же коптила,
Да вьюга за дверью по прежнему выла.

24-12-30 г.

Великое страдание.

... Ми-и уже не от кого получать письма. —
Последний голос смолк. Последняя живая связь оборвана. Все родные и даже знакомые мои „пропали без вести“... И самый Дом мой „пропал без вести“... Т. е., мне даже слишком хорошо известны те „без вести“: куда, за что и как „пропали“. Но — пропали. И ныне я — один. От всех своих — последний тут...
С тем большею тоскою по родному пропавшему читаю в „ВК“. —

Письма оттуда.

Письма чужих — чужим... Как было-бы если-бы те письма не были из

Земли Икэ Зовлонг —

Из страны Великого Страдания...

Я один. Но с тысячами таких же одиноких, рассеянных по свету, а кровью связанных с другими тысячами одиноких, травмированных в Доме, который для одних — Юго-Восток России, для нас — Казакция, а для оставшихся там:

— Икэ Зовлонг: Страна Великого Страдания.)*

И потому — кто-б ни писал оттуда — пишет мой; кому-бы ни писал сюда — адрес мой...

... Ибо и я сын Страны Великого Страдания...

И за тоской своей, как солнце за низко нависшими тучами, чувствую Великую Идею.

За Великим Страданием — Великую Казакцию...

Правда, не со вчерашнего дня наш край — Страна Великого Страдания. Не со вчерашнего дня ее страдания мы „ублажаем“ лишь тоской по ней: не даром же кубанцы своим гимном выбрали песню, в которой кроме тоски по Кубани нет ничего и пет который на самой Кубани — бессмыслица.

Но лишь со вчерашнего дня переполнилась ее чаша. Слишком уж много впитала она боли, крови и слез казачьих и из переполненных недр ее извергаются они

Великим Страданием...

заливая былую вольноказачью Степь от Черного моря до Уральских гор...

Лишь со вчерашнего дня мы узнали истинную причину ее Великого Страдания. Лишь со вчерашнего дня увидели, что одною тоскою по ней — не спасти ее... И обрели путь к ней...

А средств пока не видим.

И оттого наше страдание еще сильнее. Наше нетерпение граничит с отчаянием.

Нам хочется, чтобы Великое Страдание нашей Родины культурные народы слышали также чутко, как слышим мы, чтобы письма оттуда не оставались гласом вопиющего, но находили такой-же отклик в сердцах великих мира сего, какой они находят у лишенного Родины Казачества.

Нам хочется, чтобы наш единый путь к ее спасению — путь свободы и независимости — был не только едино приемлемым, но и едино стоящим неизбежных жертв.

Нам хочется, чтобы нам помогли, ибо знаем, что времена Давидовых пращей прошли. Хочется, чтоб помогли скорее, ибо там, в Стране Великого Страдания, уничтожаются, а здесь доживают — последние.

И с каждым днем последних становится все меньше. И чем трагичнее оттуда голоса, тем „безумней“ предложения отсюда:

— Лбами разбивать ворота „сильных, прекрасных, благородных“... Кричать. Вопить!.. Всеказачьим Съездом

*) Письмо от т у д а казака-калмыка.

стянуть последних в ~~различных~~ сущих и перед лицом всего культурного света показать свою готовность Великим Харакіри протестовать против уничтожения нашего народа. —

Многим из нас кажется, что все слова уже сказаны. Остается жертвенный подвиг. Дело. Действия... А действий пока не видят. И отсюда — отрешивания от политики. Ибо в горячих головах своих подготовительный период борьбы за освобождение, так мужественно начатый и так удачно проводимый „ВК“, считают

„политикой“ —

т. е. блаженной памяти „разговорчиками“. Ненужным взламыванием открытой двери.

К чему? Когда каждый гордо и открыто заявляет и сам:

Казаки душой и телом!

Каждому без исторических доказательств ясно, что

Казаки от казаков ведутся.

И что без кровавой борьбы не будет конца Великому Страданию...

Ну и подавай борьбу!..

... „И тогда я первым пойду на смерть за Славное Вольное Казачество“!..

В „ВК“ им хочется видеть уже готовый мощный центр всего зарубежного Казачества, который имеет власть и возможность повести — на дело.

И потому тревожные вопросы: кто они там, в центре?..

А так как сознают, что и для харакири, которое произвело бы эффект, нужно наличие сочувствующих сил — еще тревожнее, на первый взгляд „нечистые“ вопросы:

— А кто за ним? (За центром?)...

Ибо зная, что в конце концов не важно умереть за Славное Вольное Казачество, важно победить. Важно своей смертью воскресить его к свободной независимой жизни.

Говорят, что в „центре“, как и вообще в рядах Вольного Казачества, нет крупных казачьих имен...

Во-первых, кто „крупный“, а кто „не крупный“ — вопрос спорный (хотя о действительно крупных — не спорят, но где они у нас — общепризнанные крупные?), а во-вторых — пусть и так. Пусть начало „ВК“ движение за границей положили „не крупных имен“ казаки. Но дело-то, какое они сделали и делают, — крупное или нет?

Казачья идея-то, заслугами этих „мелких казачишек“, готовая воплотиться в казачий идеал, — крупная или мелкая?.. Пусть Билый и его соратники — мелкие... Но Вольное Казачество — великое:

И „Кубань річка Невеличка —

Як із гір збігає...

А дальше:

„И многоводная и раздольная! О „В. К.“ вначале только плечами вздергивали. А ныне оно — само Казачество. Ибо вне Вольного Казачества нет и Казачества.

Даже сами „крупные казачьи имена“, которых „нет“ в рядах „ВК“, не скрывая заявляют:

„Когда вы (вольные казаки) доведете дело до „движения воды“, мы пойдем под В. К. знаменами“...

Разбе это:

„Несколько их (казаков), что „идет с Игн. Билым“, как сообщает П. Гудый „Кавказскому Казаку“?

Сам-то „Кавказский Казак“ даже очень хорошо знает, что с Билым не „несколько их“ (казаков).

Мои, из моего дома не пишут: погибли в борьбе за Дом, за Казачество. Растворились в том общем моем, что так метко казак-калмык назвал:

Ика Зовлонг: Великое Страдание.

Погибли, после десятилетней активнейшей борьбы-самообороны. С неменьшей активностью борются оставшиеся чужие. Письма оттуда зовут даже не обороняться, но бить. Бить поправших Казачью Волю. Пока или не полягут все, или не освободятся.

А вот „Борьба за Россию“ откровенно признается, что

— „пассивность, повидимому, продолжает в основе определять состояние русского населения“... (№ 210-211).

Кому-же после такого авторитетного признания не ясно, что в русском населении нет казачества, что казаки — в казачьем населении?..

За то и рассказывают Казачество: пассивность прививают. А так как казаки могут быть пассивными только тогда, когда переселяются в „лучший мир“, то их и переселяют.

Сперва на Великое Страдание, потом... потом

— „безвести“...

Но не без вести!

Ибо свободный голос Вольного Казачества есть голос старого Бульбы, которым он вспружинил поуптившие было нервы Остапа:

Слышу!

Страдания ваши слышим! И помощь готовим.

Нужно только торопиться. Чтобы за голосом не опоздала и помощь. Чтобы нынешнее Великое Страдание не превратилось завтра в Великое Кладбище.

И потому понятны и оправданы тревожные вопросы. Желание скорей от слов перейти к

Делу:

Спасению гибнущих в московском рабстве казаков и созданию

свободной, независимой

Казакии.

Вл. Куртин.

Тень погибшего объединяет.

27 июня исполнилось двенадцать лет со дня трагической смерти председателя Кубанской Рады Н. С. Рябова, павшего в 1919 году в Ростове на Дону жертвой подлого преступления врагов Казачества. В этот день „Общество ревнителей Казачества“ в Париже отслужило панихиду в Бианкурской православной церкви, а затем, на другой день, в воскресенье 28 июня, устроило публичное собрание, посвященное памяти Н. С. Рябова и его сподвижников.

Уже при самом входе в зал становится ясным, что здесь казачий дух: в „красном углу“ торжественно тихо свешиваются казачьи флаги, символы казачьей не-

зависимости, напоминая присутствующим о казачьей государственности, говоря им, что живо Казачество, вызывая в душе казака радостные и грустные воспоминания, свидетельствуя о подеме и величии Казачества в недалеком прошлом, последовавшем затем падении и о его трагедии в настоящем. Под этими флагами опоясанный голубой лентой, утопающий в живых цветах большой портрет того, память которого сегодня читается и, который под сенью этих знамен защищал высшее право Казачества, боролся за него, страдал и, наконец, погиб от рук злодеев, врагов Казачества. Живым он стоял под этими казачьими знаменами,

ОТ РЕДАКЦИИ. Очень часто новые наши подписчики обращаются в редакцию с просьбой о высылке журнала „В. К.“ и за прошлые годы. Настоящим объявляем, что у нас имеется весьма ограниченное количество комплектов журнала „В. К.“ за прошлое время, но эти комплекты ни в коем случае не высылаются бесплатно.

Цена полного комплекта за годы 1927—1930 (от номера 1-го до номера 71 вкл.) для подписчиков, внесших подписную плату за 1931 год, — десять долларов с пересылкой. Деньги надо присылать наперед.

молчаливо призывая казаков служить тому святому делу, служа которому, он умер, умирая — укрепил идею казачьей независимости.

Из всего видно, что устроители настоящего собрания хотели как можно лучше и торжественнее почтить память покойного. И, нужно сказать, устроители достигли своей цели. В „вину“ устроителям можно поставить одно: они не рассчитали и не устроили собрание в более обширном помещении, ибо было тесно, пришедшим позже пришлось стоять...

Открывая собрание, председательствовавший на нем, А. М. Огиенко, член правления Об-ва ревнителей Казачества, произнес вступительное слово, в котором, между прочим, сказал, что „сегодня день казачьей скорби. Не только казачьей, но день скорби и всех тех, кто боролся и борется за будущее своего народа. 12 лет тому назад в этот день, сраженный пулей врагов Казачества, врагов свободы и независимости народов, пал смертью славных один из лучших сынов Казачества, Н. С. Рябовол. К сожалению и несчастью, в Казачестве, да и у многих других „окраинных“ народов, таких сыновей, как покойный, таких пламенных борцов за право своего народа не так уж много. И враги Казачества, идя на убийство Рябова, знали хорошо на что шли, знали как лучше можно нанести самый жестокий удар по Казачеству... Но убийцы упустили из виду одно, что можно и через смерть идти к жизни, к воскресению. Они физически убили Рябова, но они духовно воскресили его в казачьих сердцах, доказательством чего является сегодняшнее многолюдное собрание, чтящее память покойного“... Заканчивая свое слово, председатель предлагает собранию почтить память Рябова и его сподвижников вставанием...

Затем слово предоставляется председателю правления „Общества ревнителей Казачества“, Е. М. Якименко, который в кратком, но интересном своем докладе дает яркий образ покойного, а за этим рисует картину жизни и деятельности его. Доклад этот посылается в редакцию для отдельного печатания, а потому приводить его я не буду.*) Но все же следует из этого доклада отметить один позорный для казачьего имени случай. Оказывается, когда судебный следователь по особо-важным делам, Павлов, выяснил, что скрывшиеся убийцы Рябова приезжали на место убийства и уехали после убийства на автомобиле, принадлежащем Управлению Начальника Снабжения Добровольческой Армии, т. е. когда стало очевидным, что убийц надо искать в штабах Добармии и судебн. следователю Павлов хотел направить свое следствие в этом направлении, тогда Донской атаман А. Богаевский приказал ему „изъять из следственного дела автомобиль Управления Начальника Снабжения Добармии“, т. е. приказал своей атаманской властью уничтожить единственную, но не опровержимую улику! Другими словами, Богаевский приказал следователю не находить убийц! **) Так, оказывается, ген. Богаевский, пользуясь властью Донского Атамана, скрыл кровавое преступление; ценою крови лучшего сына Казачества защитил преступников из штаба Добармии! Это сообщение докладчика, сделанное в виде цитат из показаний самого следователя Павлова, производит на аудиторию страшно тяжелое впечатление...

— После докладчика слово предоставляется представителю „Військового Т-ва Армии УНР“, Меринову, который заявляет, что он, по поручению своей организации, пришел почтить память того, кто боролся за счастье и свободу своего народа, за идею самоопределения народов, за что боролся и борются и они, украинцы. Выразил свою радость и глубокое удовлетворение, что ему приходится выступать на собрании казаков, проникнутых идеей покойного, его дело продолжайших...

— В качестве товарища покойного по политехникуму, выступает д-р Еремеев, который говорит,

*) К сожалению, получен слишком поздно. Ред.

**) Следует припомнить, что в первый момент после убийства Донское Правительство заявило, что убийцы будут найдены и понесут должное наказание, что бы они ни были. Ред.

что „нам, украинцам, хорошо понятно и нашему сердцу близко то дело, которому служил покойный и о котором так хорошо говорил докладчик. Нам еще более понятна сегодняшняя скорбь казаков не только потому, что мы с казаками связаны кровными узами, не только потому, что мы, украинцы, боремся за то же дело, но еще и потому, что мы только месяц тому назад отмечали печальное событие — пятилетие смерти Симона Петлюры. Вы потеряли Рябова, мы — Петлюру, которые боролись и пали за свободу и независимость своих народов. Они пали не увидев торжества своего дела, но их дело не умерло. Если бы они могли встать из своих могил и увидеть, что их идея растет и укрепляется, то их сердца наполнились бы радостью... Такие собрания, как сегодняшнее, такие восторженные их последователи, как здесь присутствующие, были бы для них высшей наградой за их страдания... Далее говорит о великом значении в трудные моменты истории народов для сохранения, укрепления и возрождения национального сознания жертвенных подвигов отдельных личностей. Как на пример, ссылается на подвиг Жанны д'Арк. Призывает казаков еще бережнее относиться к делам своих героев, свято чтить память тех, кто за свободу Казачества жизнь свою отдали...

— Председатель оглашает письмо-приветствие Кубанского полковника Елисеева, который пишет, что: „В Екатеринодаре, на крепостной площади, там, где 140 лет тому назад Запорожское Казачество, ища выхода для сохранения своего Войска, переселилось на Кубань и раскинуло свои 40 куреней — современем потомство кубанских казаков воздвигнет скорбный монумент мученикам за Казачью долю Рябоволу и Кулабухову и тысячам других казаков, замученным и погибшим за Казачье бытие и его Вольность... Земной поклон родной Казачьей Земле и всему кровному родному Казачеству“...

— Атаман Кубанской станицы в Париже, полковник А. Т. Жуков, говорит о чрезвычайно медленном, как общее явление, проникновении в сознание людей идеи. Это проникновение иногда длится столетиями. Но этот процесс проникновения сильно ускоряется, когда во имя этой идеи приносятся жертва; тогда она как будто одухотворяется. Чем больше этих жертв — тем больше идея одухотворяется... При жизни Симона Петлюры мы только знали его, имея весьма смутное представление о той идее, которой он служил, о том деле, которому служил. Но вражеская рука умертвила его физическое тело, тем самым она оживила, укрепила его дело, ибо грянувший выстрел высоко взвил дух Петлюры, идея его оживилась и, как яркая звезда, проникла в сознание его братьев. Точно также и с убийством Рябова: враги желали, убив Рябова, убить его идею, его дело, но получилось совершенно обратное. Идея Петлюры и Рябова, освященная подвигами, запечатленная кровью, еще больше укрепились в сердцах их последователей, еще ярче засияла, привлекая все новых и новых пламенных ее проповедников, защитников... Н. С. Рябовол пал, сраженный вражеской пулей, но из его рук знамя казачьей независимости не упало на землю, как того хотели наши враги. Знамя, выпадавшее было из слабых рук умирающего Рябова, подхватили другие сильные руки, а теперь оно, поддерживаемое тысячами молодых казачьих крепких рук, высоко развивается... Жертва была не напрасной. Но я все же хотел бы, чтобы впредь таких дорогих жертв было меньше, я хотел бы обратиться к своим братьям-казакам с призывом, чтобы они впредь перестали быть инертными, безразличными, а стали сознательными, активным целым, умеющим беречь и защищать своих героев...

— Украинец Морозовский заявляет о своем преклонении перед памятью покойного, выражает свою радость по поводу того, что казаки, свято чтя память своего героя, усвоив его идею, продолжая его дело, став на правильный казачий путь, твердо и громко заявляют о своих казачьих правах. Высказывает пожелание, чтобы между казаками и украинцами установилась тесная, братская солидарность, взаимное понимание...

— От имени группы „Халмак Тангачин Тук“ и ре-

дакции журнала „Ковыльных волн“ выступает Ш. Н. Б а л и н о в, который говорит, что сегодня действительно день казачьей скорби, как правильно сказал председатель. Но я не скорблю, я радуюсь, ибо сегодня я вижу, как тень погибшего объединяет казаков и украинцев. Правильно сказал полковник Жуков, что жертва одухотворяет идею.

Это — святая истина. Не будь тяжелых, кровавых жертв Рябоволов, Кулабуховых и многих тысяч других казачьих мучеников, не могла бы так укрепиться идея казачьей независимости, как это имеет место сейчас, в данное время. И убийцы Рябовола, сами не желая того, помогли укрепиться, утвердиться идее казачьей вольности... 12 лет тому назад вражеская пуля прекратила биение сердца Рябовола и физических убийц его найти нам не удалось (к величайшему нашему позору, как выяснилось из сегодняшнего доклада, почти исключительно по злой воле ныне здравствующего Донского Атамана Богаевского), но духовных его убийц мы знаем отлично. Это те, которые через десять лет эмиграции горькие слезы проливают, что не успели перевешать, перестрелять „там“ всех Рябоволов, Кулабуховых; это те, которых б. Донской Атаман ген. Краснов назвал „бродячими музыкантами“; это те, которые по словам Д. Е. Скобцова (его доклад в Париже), „делали на казачьих плечах свои генеральские карьеры“... В капле воды отражается солнце. Так и в этом убийстве Рябовола отразилась вся трагическая история Казачества. Надо понять и уяснить себе весь глубокий смысл убийства Рябовола. Надо понять, что тот, память которого сегодня чтится, был одним из тех немногочисленных казачьих вождей, который понял казачью духовную сущность, в душе которого, несмотря ни на что, пробудилось и укрепилось гордое казачье „я“, который прозрев и даром проникновения увидев единственный путь, ведущий к спасению Казачества, пошел бесстрашно по этому пути... А весь смысл „исторической задачи“ Москвы заключался и заключается в том, чтобы „обезглавлять“, „обезмозгвливать“ (если так можно выразиться) казаков, путем явного и тайного „изъятия“ из их среды всех сознательных элементов. И с точки зрения этой „исторической задачи“ Москвы, Рябовол являлся обреченной фигурой, при первой возможности подлежащей к „выведению в расход“, что и случилось в Ростове в 1919 году. Надо понять, что Москва в отношении Казачества, в целях низведения его в ничто, превращения в „военное сословие“, действовала двумя определенными путями: путем полного и беспредельного использования материальных ресурсов К-ва, а также путем такого же беспредельного использования всех его духовных сил, с обязательным уничтожением всех непокорных. Для уяснения этой основной и коренной линии политического поведения русских в отношении казаков надо понять одно: все лучшее и прекрасное, что имелось в Казачестве, выдавалось как исклѹчительно русское, а все худшее и скверное, что тоже имелось в Казачестве, выдавалось как специфическая принадлежность казаков-варваров. А когда Рябовол, один из тех немногих, которые поняли это „благоденствие“ русских казакам, стал бороться за то, чтобы этого впредь не было, то он подлежал „уборке“ и его убрали... Я не знаю, что явилось непосредственной побудительной причиной для убийства Рябовола, но присутствующий сегодня здесь старый кубанский полковник Белый недавно на одном собрании в Париже заявил, что как будто бы такой непосредственной причиной явилось следующее заявление покойного: „пока Деникин в Воронеже, нам надо создать свою Кубанскую Армию, укрепить свое положение, стать твердо на свои ноги, ибо когда Деникин дойдет до Москвы, тогда будет поводно, тогда песенку казачью нужно считать спетой“. И вот после такого его заявления и, конечно, соответственной работы в этом направлении, те, которые знали, что „Армия Рябовола и Быча на Москву не пойдет“, решили его убрать... „Убрали“ и... просчитались, ибо, убрав одного Рябовола — родили сотню Рябоволов.

Многие из старых казачьих политических „вождей“ до сего времени „ищут“ причин неудачи казачьей борьбы с большевизмом и не находят их. Не находя, при-

зывают казаков искать спасения... в Москве. Для меня эта причина (по крайней мере одна из основных причин) ясна. Эта — резкая дисгармония между чаянием и стремлением казачьей народной массы и той небольшой кучки казачьей интеллигенции, которой в ответственный момент решения судьбы Казачества пришлось играть „первую скрипку“; глубокое противоречие между пониманием казачьей природы первой и второй. Первая (народная масса), не подверженная влиянию специфического воспитания и внушения Москвы, сохранила в полной свежести старые идеи и стремления о казачьих вольностях и хотела идти по определенному казачьему пути, действовать и бороться под своим Казачьим Знаменем, защищая его; вторая (Богаевские-Филимоновы и иные с ними) воспринявшая „воспитание“ Москвы, жившая во власти Московского внушения, оказалась на распутьи, казачьей дороги не имела.

Вот где, по моему, основная причина неудачи казачьей борьбы, вот где казачья трагедия: в ответственный момент у большинства руководителей казачьей политики не нашлось достаточной решимости, единодушия, мужества, чтобы поставить „бродячих музыкантов“ на соответствующее им место, чтобы они не мешали своими „реставрационно-реституционными поползновениями“ строить казакам свой Дом. Теперь для тех, кто желает свободу и счастья родному Казачеству впредь не должно быть такого раздвоения. Нужно понять и усвоить казачью сущность, нужно определить свое место, и несмотря ни на что, не уклоняясь никуда смело идти вперед по Казачьему Пути, стремиться к той цели, которая нам указана нашими предками, стремиться к которой неустанно призывает В. К. Когда все мы выберем свой путь, когда мы научимся сознательно и действительно защищать свои идеи, идеалы, руководствуясь принципом — все за одного и один за всех — тогда впредь у нас не будет таких дорогих человеческих жертв, память одного из которых мы сегодня чтим... Сегодняшнее собрание, посвященное памяти казачьего героя, нам с особенной радостью надо приветствовать. Это — прекрасное начинание. К сожалению, у казаков слабо был развит культ почитания своих героев. Предполагалось, что их у нас нет, что такие могут быть только в Москве, Петербурге, а нам, казакам, где, мол, там. В этом отсутствии веры в свою интеллектуальную силу — была другая причина слабости Казачества. Люди, конечно же, были, есть и будут, но не было соответствующей „атмосферы“, условий, когда могли „выдвинуться их подбородки“. Необходимо всем нам проникнуться верой, что и в Казачьем Отечестве могут быть пророки...

— Украинiec М е р и н о в в своем слове говорит, что он от души разделяет казачью скорбь по поводу утраты такого своего человека, как покойный Рябовол. Он уверен, что дух Рябовола, его дело не умрут, будут легионы его последователей, продолжателей его дела. Выражает свое удовлетворение по поводу выступления представителя калмыков и высказывает некоторые свои соображения об общем деле.

— М. М. Колесов (донец) высказывает свое глубокое удовлетворение сегодняшним собранием. Жаль, — продолжает он, — что мы в самый ответственный период решения судьбы Казачества оказались неподготовленными к достойной и умелой защите своих жизненных казачьих интересов и прав; жаль, что в это время мы, казаки разных Войск, мало друг друга знали, в силу чего не могли найти общего и единого казачьего пути и дружно его защищать, когда у нас могло и не быть таких дорогих жертв, как Рябовол. Я — не рядовой казак, а офицер, читал газеты, до некоторой степени интересовался и политикой, но тем не менее до чего же мало я знал о жизни Кубани, о ее политических деятелях, об их целях и стремлениях? Когда был убит Рябовол, я был в Ростове и служил вместе с кубанцами. Только от них я узнал — кем и чем был Рябовол для Кубани, а я бы теперь добавил — и для всего Казачества. Далее это говорящий высказывает пожелание, чтобы впредь установилось, в первую очередь, взаимное понимание между самими казаками, слияние их в единую братскую казачью семью; а затем, чтобы установилась дружеская солидарность со всем

соседними народами. Наше несчастье в прошлом заключается в том, — говорит оратор, — что мы, казаки, связавшись с Добровольцами, вынуждены были вести войну со всеми: против Украины, Горцев, Грузии и т. д., сами на своей земле находясь у добровольцев в качестве „бедных родственников“. Дай Бог, чтобы этого впредь не случилось. Жертвой напрасной, жертвой ошибки, непонимания смысла исторических событий пали сотни тысяч казаков. Заботами живых да будут не забыты те, кто смертью храбрых пал за волю и честь своей Отчизны. Могила их, разбросанные по всему свету, да будут постоянным укором для тех, кто еще не нашел „казачьего лица“, вечным памятником о прошлых казачьих страданиях, живым источником и возбудителем казачьего сознания, казачьего чувства и путеводной звездой для казачьих потомков в их неустанным стремлении к усовершенствованию, познанию самих себя, к светлой, радостной, независимой жизни...

— Атаман Донской Станицы в Париже, член Донского Круга, есаул А. Н. Трофимов, произносит красивую, много раз шумными аплодисментами всего зала прерывающуюся речь. Речь Трофимова, произнесенная с высоким душевным подъемом, с горячей верой в неизбежное грядущее воскресенье Казачества, а главное красивая казачья народная легенда о зарытой в кургане Казачьей Воле производит на слушателей неотразимое впечатление.

— „Я бы хотел сказать несколько слов по поводу сегодняшнего дня, — начинает Трофимов, — дня памяти так безвременно погибшего борца за Казачью Свободу, достойного сына Кубани, Н. С. Рябовола. Но как жаль, что я об этом не имел возможности условиться заранее со своей Донской Парижской Станицей, а хотелось бы сказать не от себя только лично, а от имени ее. К счастью здесь все правление нашей станицы и несколько человек — членов ее. Быть может вы, господа, разрешите мне, без всякого предварительного сговора, сказать кубанцам и всем присутствующим здесь краткое слово-привет от нашей станицы? Разрешаете?! Вот это хорошо.

Перед нами стоит портрет одного из сынов Вольной Кубани, так рано, слишком рано погибшего под предательским выстрелом бывших „соратников“ наших. Я был очень рад случаю прослушать простой, задушевный, от всего казачьего сердца написанный доклад г. Е. М. Якименко о покойном Рябоволе. Мы — донцы — так мало знали дома о нем. Было время, когда печать „Главковерхов“ клеймила его как изменника и предателя и, к сожалению, многие из нас тогда склонны были смотреть на него именно так. Но вот теперь, знакомясь с жизнью и деятельностью Рябовола по журналу „В. К.“ и особенно по сегодняшнему докладу, я понял его, оценил и с почтительным уважением преклоняюсь перед его образом. Мне теперь ясно — почему кубанцы так любят его, почему именем его они так дорожат и гордятся. Перед нами встает мощная, слабая, боевая, независимо-непреклонная фигура Рябовола — борца до смерти за честь и свободу Кубани, за покой и довольство отцов, за горделиво-прекрасное будущее молодых казачат! Ни на что не взирая, он шел прямо и бодро к намеченной цели. Вдруг... грянул выстрел сзади и... его уже нет! Пал смертью славных пламенных казачьих борцов, Н. С. Рябовол, доблестный сын народа Кубани! Печально и жутко терять таких людей — ведь не так их уж много у нас! Но мы не грустим, не горюем; мы не плачем и траура мы не делаем — знаем, что ведь пал то он „за честь Отчизны, за казачье имя“, за Родину, за волю, за счастье, равенство и братство казаков! А это лишь награда казачу. Смерть его лишь силу нам дает, вливает веру в нас. И умирать не так уж страшно, лишь бы было за что!

Знай, Рябовол! — тебе говорю, гордый вождь Кубани, что Знамя Отчизны, к которому так жадно тянулись руки предателей, палачей, не пало на землю! В грязь втоптать его имя не удалось! Оно лишь скользнуло из рук твоих... а тысячи, тысячи храбрых кубанцев, как грозная лавина, рванулись к нему, подхватили и с радостными песнями, благодарственным гимном Всевышнему Богу вновь воодружили Его высоко над

Кубанью! Спи спокойно, бесстрашный борец и неутомимый защитник высших прав казачьих, и знай, что твои заветы братья твои берегут. Рано или поздно, а оно, это Знамя Кубани родимой, снова взойдет там дома, над ширью полей, над долинами рек, над садами станиц зеленых!

И горе не в горе будет уж нам, а радость улыбку откроет, что смертью своей ты веру нам дал, надежду и любовь возродил, силу и мощь укрепил — умереть иль жить нам по-казачьи! А мы!? Мы верим в правду свою, Казачью, в силу и духовную мощь Казачьего Народа — мы победим! Не грусти казак, веруй и надейся! Будь крепок в сердце своем и могуч душой! Придет пора и снова наши знамена будут царить в просторах Родимых Краев! А что это будет так — есть порукой тому предание одно старины казачьей. О нем поведал мой старый отец, который сам глубоко верил в неизбежность осуществления этого сказания казачьей древности, сам не раз пытался стаг тем молодым мужественным казачком, который должен разрыть курган и достать Казачью Волю. И меня он, когда я был мальчиком, не раз водил к этому кургану и мы вместе копали и искали там Казачью Волю... Не хотел я об этом красивом и святом казачьем предании так, мимоходом, рассказывать, думал какнибудь более подробно о нем написать. Но на сегодняшнем собрании царит такая казачья задушевность, в словах выступавших здесь таким буйным фонтаном билось стремление к Казачьей Воле, что я решил вам рассказать об этом предании так, как говорил мне отец.

В годину грозной расправы с волею донцов, когда в вихре огня все горело кругом, когда наши поля все кровью казачьей покрылись, когда Дона седого волны алой пеной свои берега омывали; когда предавалось Петром все смерти, огню, разрушению — там, в середине донских широких степей, где все Атаманы наша личие ходили, где побывали войска и многих царей, у станицы Т-й вырыт был погреб глубокий. Туда был посажен старый, удалой, матерой казак с длинной седой бородой, со взглядом орлиным, с рыцарской волей, с свободной казачьей душой и с верой в казачье дело. Был поставлен там стол перед ним. Писания вольностей наших казачьих положены сверху. А впереди, чтобы старик мог читать писания о казачьих вольностях, на стол был поставлен горюч камень-самоцвет...

Посадили старика, благословили; хлеба, продуктов и пушку дали ему и... высоким курганом покрыли казача. Жив и теперь там этот страж Свободы Казачьей. Из года в год, всегда так бывает, в Пасхальную темную ночь, за недолго до звона к обедне, когда слабый ветерок чуть лишь колышет ветвями вербы, всякий, кто хочет услышать о воле казачьей — приляж к земле и ухом прильни: услышишь три выстрела пушки „оттуда“... от старика-казача, от нитязя славы казачьей... от стража Свободы былой. „Жив еще, жду!“ — как бы он говорит.

Предание это мне отец так поведал, когда я был молод еще. Будет время, пройдут года. Не раз и не два Казачество кровью зальется и сатанинская сила будет витать над простором бескрайних степей. Но... придет пора, выйдет вперед казак молодой. Он будет силен и силен духом, весь будет гореть, как в огне, от пламенной веры в казачье правое дело! Властным взглядом своим покорит он сердца. Подойдет он к кургану тому, откроет его, как маг-чародей. Выйдет старик, низко поклонится в пояс ему и Летопись Воли казачьей вручит он младому-удальцу, сам же мгновенно исчезнет, как пар! И снова, как встарь, всколыхнется, встряхнется, встанет дружно могучий казачий народ и Волю былую дедов и прадедов у себя закрепит!

Верь в это, братцы, старики нам так говорили.

Я вижу по вашим глазам, что каждый из вас так себе говорит: верю, верю! Дойдем, откроем, возьмем Знамя свое и высоко воодрузим его на своей свободной Казачьей Земле!

Горячо верю в это неизбежное возрождение былой казачьей вольности и я сам. Верю еще и потому, что мы не одни. Только что слышали все мы задушевное, братское теплое слово многих из наших гостей — украинцев.

Льшу надеждой себя, что будет время, когда это братское чувство соединит наши народы в могучий, сильный и славный союз и тогда Москва — эта горделивая, величавая, самовлюбленная, порой так безжалостная Москва — вынуждена будет протянуть нам... руку дружбы.

И будет всем хорошо!

Речь Трофимова покрывается долго несмолкаемыми аплодисментами всего зала. Настроение собрания еще больше повышается.

— Украинiec Якименко произносит большую и горячую речь, также прерывавшуюся аплодисментами собрания. Высказывает свое глубокое удовлетворение по поводу расширения и укрепления казачьего освободительного движения. Обращаясь к казакам, говорит: „пусть память того, чей портрет стоит перед нами, еще больше укрепит вашу веру, еще больше усилит ваш порыв, еще больше придаст вам силы для предстоящей тяжелой, но неизбежной и необходимой борьбы за долю и волю казачью“. Высказывает свою горячую веру в установление братской солидарности, бескорыстной и вечной дружбы между независимой Украиной и Вольным Казачеством, что необходимо в интересах общего дела. Рассказывает о несчастьях и страданиях Украины и Казачества за время нахождения в составе „единой, неделимой России, которая ничего им не давала, но от них брала все; рассказывает о „московских баснях на счет Казачества“, на которых, по словам оратора, „тысячу раз и так исчерпывающе хорошо отвечал на своих страницах журнал „Вольное Казачество“.

Здесь говорили, что мы на Москву не пойдем... Нет, — заканчивает оратор, — может быть Великий Украине и Вольному Казачеству необходимо будет пойти и на Москву и там продиктовать ей свою волю, заставить ее, чтобы она раз навсегда отказалась от покушения на высшие права украинцев и казаков, чтобы уничтожить в корне московское жало, направленное на удушение свободы украинцев и казаков...

— И. В. Киктев (астраханец) также высказывает свою радость по поводу сегодняшнего собрания, на котором так легко и свободно казаки и украинцы находят взаимное понимание и общий язык. Выражает сожаление, что подобные совместные собрания раньше не устраивались, выражает пожелание, что в силу того, что подобные собрания не устраиваются часто, не ограничивали ораторов временем, чтобы можно было более подробно высказываться...

— Атаман Кубанской Станицы в Париже, полковник А. Т. Жуков, в тон общему повышенному настроению собрания, с необыкновенным подъемом, под непрерывный шум аплодисментов, произносит свою вторую краткую речь. — Меня до глубины души тронула так хорошо рассказанная Атаманом Донской Станицы, Трофимовым, красивая, прекрасная поэтическая

казачья легенда о заветном Казачьем Кургане, где аарыты от пытливых, завистливых взоров наших врагов наша жизнь, наша суть, наша казачья душа, наша вольность. Братья казаки, братья украинцы! Станем дружно, сплотимся воедино и, если один молодой герой и отважный казак не сумеет открыть тот волшебный курган... так мы все вместе в едином казачьем порыве и общими силами разроем тот Курган, достанем, извлечем оттуда нашу вольность, вынесем на свет Божий, и воздвигнем высоко наше Знамя Свободы, Правды и Братства!..

— Председатель собрания, А. М. Огненько, произносит заключительное слово, в котором, между прочим, говорит, что „вся история Казачества и история всех „окраинных народов“ — сплошная трагедия. Но необыкновенно трагична и страшна особенно история Казачества. Весь ее путь усеян казачьими костями, залит казачьей кровью, но эти кости, эта казачья кровь не молчат. Не будь этих рассеянных костей, этой пролитой крови, не дающих покоя, успокоения казачьей совести, не было бы „строительного материала“ для постройки Казачьего Дома... Враги убили Рябовола — появились сотни Рябоволов; повесили Кулабухова — родились сотни Кулабуховых. Это и понятно, ибо тело физическое умертвить можно, но духа казачьего, но живую Идею Казачью умертвить, удушить не дано никому!

Обращаясь к украинцам, председатель приветствует их на украинском языке, благодарит их от имени собрания, выражает уверенность и веру в скором наступлении взаимного понимания и тесного братского сотрудничества между Свободной Украиной и Вольным Казачеством — Казакией.

Затем председатель начинает „Ты Кубань, ты наша Родина“ и все присутствующие с необыкновенным воодушевлением поют казачьи гимны, а также украинский. Над всеми голосами высоко звенел вдохновенный голос донского сотника, И. Г. Сафонова...

Это был такой момент, из за которого одного стоит пережить много неприятностей и страданий. Десятилетняя ли обездоленная жизнь изгоя, бездомного скитальца сделала меня сентиментальным, или я от роду такой, но в этот момент, как говорят, у меня мурашки бегали по коже и глаза туманом покрылись...

На собрании было так хорошо, что люди абсолютно трезвые, но опьяненные той сердечной атмосферой, царившей на нем, долго не хотели расходиться, все продолжали петь казачьи и украинские песни по очереди. Затем все вышли на Елисейские поля фотографироваться, „зафиксировать начало казачье-украинской солидарности“, — как шутили там. И после этого еще долго не расходились, продолжая свои частные дружеские беседы с украинцами, взаимно приглашая друг друга к себе.

(Соб. кор.).

Казачья эмиграция.

От редакции.

К нам часто обращаются те или иные лица за материальной помощью. Настоящим предупреждаем, что редакция „В. К.“ не имеет никакой возможности вести какую либо помощную акцию. Да и задачи такой мы себе не ставим — наши цели и задачи иные.

Говорим это потому, что на почве неудовлетворения той или иной просьбы о помощи создавались уже „недоразумения“ или условия для разного рода „неудовольствий“.

„Исторические судьбы Казачества“.

Доклад А. К. Ленинова.

В воскресенье, 16 сего августа, „Общество ревнителей Казачества“ в Париже устраивает собрание, на котором А. К. Ленинов делает доклад на тему: „Исторические судьбы Казачества“: анализ событий прошлого, разбор событий настоящего, прогноз событий будущего, — как опыт социально-политического разбора истории Казачества.

Собрание состоится в 2^{1/2} ч. дня в помещении 27, la Tour Maubourg, Paris VII (Metro — la Tour Maubourg). Вход свободный. На покрытие расходов при входе взимается 2 фр. Простят не опаздывать.

В Париже.

(Обнаружившаяся ложь „превосходительных“ господ).

В воскресенье 26-го июля в газете „Возрождение“, совершенно неожиданно для казаков, появилось обращение Донского Атамана ген. Богаевского о том, что 2-го августа состоится церемония возжигания лампы на могиле „Неизвестного Солдата“.

Само собою разумеется, что все казаки с благоговейным почтением преклоняются перед эгид прекрасным и глубоким по смыслу обычаем Франции, ее молитвенным, в лице могилы „Неизвестного Солдата“, почитанием памяти своих детей, жизнь свою отдавших за счастье и величие своей Родины. Это свое преклонение перед памятью павших сынов Франции и боевых своих соратников по Великой войне, казаки в прошлом году публично продемонстрировали, когда 6-го сентября пришли на церемонию возжигания лампы в количестве двух тысяч человек. Казаки надеялись, что и в этом году в „свой день“, 6-го сентября, они опять будут иметь возможность придти своей чисто казачьей семьей поклониться могиле „Неизвестного Солдата“.

Но, как я выше сказал, 26-го июля неожиданно появилось оповещение ген. Богаевского о том, что эта церемония состоится 2-го августа, при чем сказано, что „с нами вместе в этой церемонии будут участвовать „Русский Обще-Воинский Союз“ и „Зарубежный Союз русских военных инвалидов“. В той же газете, где помещено это обращение Богаевского, непосредственно над ним помещено оповещение, что возжигание лампы устраивают „организации Р. О. В. С. и В. Морского Союза“, казачьи и Союза Инвалидов“. Получилась полнейшая путаница. Атаман пишет, что „состоится возжигание венка от казаков“, а „Возрождение“ пишет, что церемонии устраивают „организации Р. О. В. С. и В. Морского Союза“, а там где то к ним прилепились „казачьи“. Казаки естественно ааволновались: кто же жмет? Или „казачий день“ 6-го сентября упразднен, а казаки кем-то „приданы“ к Р. О. В. С.? Или день назначен казакам, а кто-то решился вырвать именем казаков Р. О. В. С., который в прошлом году провалился, придя на возжигание лампы всего в количестве 150 человек, тогда как казаков было до 2-х тысяч, шествие которых было настолько внушительно и красиво, насколько шествие Р. О. В. С. было жалким и „малозаметным“.

Представители некоторых казачьих общественных организаций явились к Атаману Богаевскому выяснить вопрос: в чем дело? Кто устраивает церемонию?

На поставленные вопросы ген. Богаевский не мог дать определенного ответа. По его словам вышло, что якобы, Комитет „Пламени“ прислал приглашение одновременно и Дон. Атаману и ген. Миллеру. На вопрос — когда было получено приглашение? — ответил „недели три тому назад, а может больше“. На вопрос — почему в таком случае до сего времени казаки не были извещены об этом и почему такое приглашение скрывалось до сего времени от казаков, а не было своевременно объявлено, чтобы казаки могли своевременно как следует подготовиться и организованно выступать, как это было в прошлом году? — Богаевский ничего лучшего не мог ответить, как сказать, что мнение самостоятельных-св... и Бианкурской казачьей толпы мне не нужно. Я объявил и спрашивать ни у кого не собираюсь. Кто придет, тот покажет себя казаком, а кто не придет, тот значит г... Если придут пять человек — для меня достаточно, а если не придет никто, то пойду с своим ординарцем один.

Естественно, такой извощенный жаргон рассеять недоумения казаков не мог.

Поэтому в казачьей массе создалось настроение, что, принимая во внимание:

1) неясность положения — неизвестно кто возжигает лампу: казачьи ли общественные организации во главе с Атаманом или Р. О. В. С. во главе с ген. Миллером;

2) краткость времени, в течение которого нельзя собрать казаков, ежедневно занятых тяжелым физическим трудом, чтобы оповестить их, чтобы как следует подготовиться и полагая, что с такой поспешностью и

без всякой предварительной организационной подготовки назначенная казачья манифестация, вместо демонстрации казачьей силы, спайки, может превратиться в свою противоположность: в демонстрацию казачьего бессилия, казачьего невнимания к памяти павших солдат Франции; что участие казаков в шествии во главе с ген. Миллером может совершенно затушить казачье имя и окрасить казачий лик в черный цвет реакции и что, наконец, участие казаков в шествии под командой ген. Шатилова, который не так давно публично перед иностранцами (в Югославянской Скупщине!) обзывал казаков разбойниками, ворами, должно быть оскорбительным для чести и достоинства казака, — уклониться от участия в данной церемонии.

Некоторые казачьи общественные организации, как например, Кубанская Станица, Донская Станица, Общество ревнителей Казачества, определенно решили не принимать участия. Но для того, чтобы выяснить мнение всех казачьих организаций, решено было на 30-е июля созвать совещание из представителей всех казачьих общественных организаций, каковое Совещание и состоялось в 8 часов вечера 30 июля.

На совещании присутствовали:

От Кубанской Станицы в Париже — Атаман полк. А. Т. Жуков и Анищенко. От Донской Станицы — Атаман полк. А. Н. Трофимов и Ш. Н. Балинов. От Уральской Станицы — Атаман Войск. Ст. Потапов. От Терского Обединения — полковн. Косыкин. От Партизан-Степняков — ген. Тарарин. От Общества ревнителей Казачества — сотник И. А. Скобелин, Черток. От Обединения Донских кадет — полковник С. В. Болдырев. От Группы ревнителей Кубанской старины — полк. Ф. И. Елисеев. От Казачьей Студенческой Станицы — Атаман Гусев. От Кубанской Кассы взаимопомощи — А. М. Огненко. От Марсельской Общеказачьей Станицы — Атаман сотник Шепель. От группы казаков завода „Радистор“ — полковн. Захаров. От команды джигитов — сотн. Сопильняк и Усачев.

*Председателем Совещания единодушно был избран полк. А. Т. Жуков и секретарем — полковник С. В. Болдырев.

Председатель Совещания А. Т. Жуков сделал подробное сообщение о положении дела, о своих переговорах с Донским Атаманом. Это сообщение, ярко рисующее недостойное поведение в данном вопросе ген. Богаевского, его недостойные атамана выражения, употребившиеся в его беседе с правлением Кубанской станицы, вызывает всеобщее возмущение и производит тяжелое впечатление.

Наше несчастье, что наш Атаман оказался не на высоте своего положения, но он, к несчастью, наш официальный глава, а потому его позор на церемонии будет позором всех нас, казаков, потому принимать участие в церемонии необходимо. Так примерно говорили все выступавшие. К тому же из доклада Жукова выяснилось, что Президент, вице-президент и секретарь французского Комитета „Пламя“, в личной беседе с есаулом Ковалевым, отправленным Куб. Станицей для выяснения у первоисточников этого вопроса, ясно и определенно заявили, что день 2-е августа для возжигания лампы на могиле „Неизвестного Солдата“ назначен специально для казаков, а не для русских, в подтверждение чего Комитет „Пламя“ прислал официальное сообщение Кубанской Станице. Лишь потом, узнав, что 2-го августа казаки будут возжигать лампу, ген. Миллер обратился в Комитет „Пламя“ с просьбой разрешить ему присоединиться с своим Р. О. В. С. к казакам, против чего Комитет не возражал. Комитет, узнав, от ес. Ковалева, что Миллер каким-то образом перевернул дело так, в результате чего получилось, что как будто церемонию совершают русский О. В. С. и др., а казаки лишь прилепились к ним, — сейчас же по телефону запросил ген. Миллера — почему так случилось, сговаривался ли он с казачьими организациями? На это ген. Миллер, без зазрения совести, сказал французам, что все казачьи организации согласились с этим, все тут улажено. Путем подобной „махиации“ хотели использовать казачью силу некоторые превосходительные особы! А французский Комитет свою симпатию к казакам особо под-

черкнул, укавав, что, если казаки пожелают, то они в этом же году могут иметь возможность еще раз совершить церемонию возжжения лампы на могиле „Неизвестного Солдата“, если данная церемония, в связи с тем, что к ней „примазались“ Миллеры, Шатиловы и др., не удовлетворит казаков.

При таком положении, когда выяснились новые данные, отказываться от участия в церемонии стало невозможным. Такой отказ явился бы обидой для французов, ибо день назначен исключительно для казаков, а наш мотив, что мы отказываемся от участия потому, что здесь, по злой воле ген. Богаевского, казачье имя, казачье лицо закрыто именем ген. Миллера, маркой Р. О. В. С. — французы не поймут.

В последовавшем затем собеседовании приняли участие все представители организаций. В словах всех выступавших красной нитью проходила беспредельная горечь казака, глубокая обида по поводу недостойного поведения ген. Богаевского, поставившего себя на положение беспрекословного исполнителя воли Р. О. В. С., в частности ген. Миллера. На собрании не нашлось ни одного человека, который пожелал бы защитить Богаевского от той резкой критики, какая имела место на Совещании. Только один Атаман Казачьей Студенческой станицы, Гусев, слегка заступился за него, но и его защита по существу была тяжким обвинением...

(Соб. кор.)

Юбилей П. И. Кокунько.

В субботу 27 июня с. г. Кубанская станица в Белграде скромно отпраздновала 80-и летний юбилей своего станичника генерала-лейтенанта генерального штаба П. И. Кокунько. В 3 часа дня многочисленная группа казаков, пожелавших лично поздравить маститого юбиляра и его супругу, отправилась в Земун, где проживает Петр Иванович, заполнив почти целый пароход. В 4 ч. дня в Земунской русской церкви был отслужен молебен, перед которым священник сказал небольшое слово, поздравив юбиляра с знаменательным днем и пожелав сил и успеха в дальнейшей работе. Маленькая церковь была полна до отказа; трогательно было видеть эту массу казаков всех возрастов и положений, пришедших разделить с седым юбиляром торжество этого дня.

По окончании молебна, на котором пел хор Кубанской станицы, желающие (а таких оказалось большинство), несмотря на начавшийся дождь, отправились в один из загородных ресторанов, чтобы там продолжить празднество. Во время ужина был прочитан поздравительный адрес от Кубанской и Студенческой станицы в Белграде и все присутствующие крикнули „ура“ юбиляру. Затем последовал ряд приветственных речей и поздравлений, из которых следует отметить слово атамана Студенческой станицы Н. Букина, заставившее старого казака даже прослезиться и поздравление д-ра Милана Милоевича, серба по происхождению, но искренне преданного Казачеству, недавно принятого Кубанской станицей в число своих казаков. Как и обычно, веселье затянулось надолго, несмотря на то, что многих казаков ожидала на другой день тяжелая физическая работа.

Хочется со своей стороны присоединиться к тем хорошим пожеланиям, которые были высказаны в речах за ужином и пожелать уважаемому юбиляру сил и здоровья, для успешной работы на пользу Казачества, еще на многие, многие лета!...

(Соб. кор.)

В Бельгии.

На состоявшемся 19-го июля Сборе Казачьей Станицы в Бельгии избрано было новое Правление в следующем составе:

Станичный атаман — И. П. Егоров (дон.); помощники — К. Ф. Леонов (ур.) и А. Ф. Зотов (куб.); казначей и исп. обя. писаря — М. Н. Бородин (дон.), члены Правления — М. А. Прозоровский (тер.), В. В. Болдырев (дон.) и М. И. Адамов (дон.); ревиз. комиссия: П. И. Щевляков (куб.), С. Н. Сафонов (куб.), И. С. Брежнев (куб.) и И. В. Щекин (куб.).

† К. А. Карнаухов.

Покойный родился 22 сентября 1895 г. в ст. Родниковской, Лаб. отд., на Кубани. Воспитание получил дома: окончил 2-классное ст. училище и 3 кл. Лабинской муж. гимназии.

Во время Европейской войны покойный поступает добровольцем в Кубанский конно-партизанский отряд, в котором участвовал во всех боевых операциях вплоть до демобилизации армии.

С захватом власти большевиками он стал не примиримым их врагом.

К. А. КАРНАУХОВ,
казак ст. Родниковской, † 27 мая 1931 г.
в Белграде.

В 1918 г., в октябре, поступает в Корниловский конный полк (куб.). Под селением Спицавка Ставроп. губ. неприятельская пуля, ранив в ногу, заставляет его на время оставить свой полк, но сознание и долг не удерживают его долго дома и он, еще не совсем оправившись, поступает во вновь сформированный 2 Лабинский полк и продолжает борьбу с большевиками. В составе названного полка интернирован в Польшу, откуда перебрасывается в Крым. В составе того же полка участвует в десанте на Таманский полуостров родной Кубани. После неудачных десантных операций, возвращается обратно в Крым и (для совместной службы с братом) переводится в Корниловский конный полк, в котором принимает участие во всех боевых операциях, вплоть до эвакуации на Лемнос.

Участие в Европейской войне, а, главное, в боль-

шевицкой сильно подорвало его здоровье, появились признаки туберкулеза. На Лемносе, уже больной, он не мог оставаться в родной ему части и в первых числах декабря 1920 г. выехал в Сербию. 17 января 1921 г. выгрузился в Бокар и в составе Шабачкой колонии прибыл в Шабач полураздетый и без копейки в кармане. Началась другая жизнь — добывание средств к существованию тяжелым физическим трудом. Сначала в Лознице поступает на стругару, весной занимается огородничеством, а осенью, подработавши немного денег, начал заниматься торговлей, таская на себе коробки товара по селам, по базарам, ярмаркам, не взирая на грязь, снежные заносы и т. п.

Упорным трудом и настойчивостью он довел свое торговое предприятие до приличного состояния, но болел время от времени давала себя знать.

27 мая в 11 час. вечера в Белградской државной больнице настал печальный конец... Похоронен в монастыре Мильково в 4 км. от станции Лапово в 144 км. от Белграда.

Поконный был на редкость честный человек, положительный, скромный, обладал неистощимой энергией, имел заботливое, сердечное отношение к окружающим его, проникнут до глубины души казачьим патриотизмом.

Вообще это был отличный семьянин, полезный и весьма дельный член общества и верный сын Кубани.

С преждевременной смертью его Кубань потеряла еще одного верного, стойкого сына, а Парачинская казачья станица своего полевого дельного члена общества. Пусть будет ему легка братская Югославинская земля, покрывшая его навеки.

Мирный и вечный покой его праху.

Атаман Парачинской каз. станицы
Есаул Дюк.

Кубанцы-джигиты в Галаце.

Команда казаков-джигитов, под управлением подпоручика Алексея Стибы, прибыла из Сербии в Румынию и на днях посетила наш город Галац.

Весть о прибытии казаков облетела весь город в день 8 июля.

Реклама казаков была самая простая, но верная для своего успеха. Они, за два дня до своего выступления, разъезжали по улицам города, весело играли казачьи песни и разбрасывали свои программы. Народ, видя джигитов, высыпал на улицы и рассматривал их живыми, какими до этого он видел только в некоторых фильмах.

Наконец наступает 10-е июля — первый день их выступления. Небольшое футбольное поле, обнесенное высоким деревянным забором, сильно осаждается публикой. К 5½ часам вечера, т. е. к началу их выступления, поле наполовину было заполнено публикой, а трибуна переполнена исключительно городской анатюй и офицерами Румынской армии. Здесь же, но в стороне от публики, выстроились солдаты-кавалеристы, присланные, видимо, с целью почерпнуть у казаков лихости и присмотреться к их легкой езде на лошади.

Сначала джигиты показали правильную и легкую казачью посадку на лошади при скачках; потом рубку лозы и сбивание шара палахом с левой стороны лошади. Дальше: поднимание с земли носовых платков, перелет седла, обвитие седла, обвитие седла с палахом в зубах... Показали пирамиду на всем скаку; затем — как увозят казаки своих невест (это уже для „экавотики“); потом, как нужно увозить своих раненых в бою товарищей и уметь уложить лошадь на землю, чтобы положить на нее раненого товарища.

В общем казаки показали много лихости и много сложных номеров, от которых публика, сначала приходила в ужас, а потом, как бы очнувшись, приходила в восторг, сильно аплодируя джигитам.

Джигитовка закончилась казачьими песнями и танцами с кинжалами в руках. Целая буря оваций была наградою и хвалою лихим джигитов Вольной Кубани.

Следующие дни — 11 и 12 — публике было еще

больше. Сбор от продажи билетов в итоге оказался хорошим, чем особенно довольны были сами казаки.

В понедельник, 13 июля, казаки переехали из Галаца в Браилов. Надеюсь, что и в Браилове они будут иметь успех не хуже, чем в Галаце.

С Богом, казаки, вперед, по всему миру! Пусть помогает вам Бог прославлять свое казачье имя на благо своей временно утерянной родины — Вольной Кубани и всей Кавказии.

А. Бабков.

14 июля 1931 г.

† Е. И. Баев.

17 июня с. г. в селе Ягодняк (Югославия), угасла еще одна молодая казачья жизнь — Ефим Янанича Баева, вахмистра ст. Гиагинской, Майк. отд.

Три года тому назад он был первым джигитом в команде есаула Сиволобова, а спустя один год после этого он сам сумел организовать свою команду джигитов.

† Е. И. БАЕВ.

За эти два года он успел обехать всю Югославию, побывал в Греции, Албании и Болгарии. Там где он был, надолго осталась хорошая слава о кавказах джигитах. Он первым всегда открывал джигитовку; может быть это ему сократило век, так как джигит он был неустрашимый.

Умер он, вдали от широкого кубанского простора один, одинокий, без родных, здесь на далекой чужбине. Не орошен его свежий холмик горькой отцовской и материнской слезой. Быть может они о том и не знают, что сын навсегда их покинул.

... Одни лишь собратья отдали ему, как начальнику своему, последнее „НА КАРАУЛ“!!!

Спи-ж спокойно, верный казак, до конца. Пусть будет тебе духом легким чужая земля.

Мир праху Твоему, добрый товарищ!

Георгий Алферов.

Открытие „Просвіти“ в Скопле.

24 мая с. г. в гор. Скопле (Югославия) состоялось торжественное открытие Украинской Просвіти, на которое был приглашен и я. Украинцы приняли нас, казаков, очень радушно, по братски. Когда я вошел в зал, сразу же увидел и почувствовал сердечность и радушие хозяев, увидел с какой любовью хозяева украсили буквально каждый уголок зала жовто-блакитными цветами, портретами Тараса Шевченка, Петлюры, Мазепы и т. д. Все дышало торжеством, во все была вложена идея. На празднике присутствовало много гостей.

Праздник открыл голова Украинской Просвіти в Загребе доктор С. П. Сухорук. Представитель инициативной группы и главный организатор открытия „Просвіти“ в Скопле А. Петренко прочитал поздравления от многих украинских организаций из других мест Югославии и заграницы. Потом теплое и трогательное слово сказал доктор С. П. Сухорук и начался праздник. Пошли чередоваться пламенные, пропитанные национальным духом в идее речи и тосты, сменявшиеся украинскими и казачьими песнями и танцами. С большим успехом декламировали вірші Шевченка г. г. Сухорук и Перець.

Во всем чувствовалось, что собравшиеся на это торжество захвачены общим настроением — стремлением к национальной свободе.

Желаю братьям-украинцам энергии, сил и мудрости добиться национальной свободы, а молодой „Просвіті“ в Скопле окрепнуть и сеять доброе семя национальной культуры и просвещения среди собратьев, чем они и помогут идее освобождения Украины.

Атаман Скоплянской Общеказачьей Станицы

Як. Ковган.

Новый казак.

Станичный сбор Кубанской казачьей имени Кошевого Атамана Сидора Билого Станицы в Белграде принял в казаки станицы Д-ра Милоевича со всеми правами и обязанностями члена станицы, мотивируя свой прием „прихильністю г. Милоевича до Запорожскої козачої старовини та працею його по історії славного Війска Запорожського“.

Г. Милоевич по происхождению югославянин, гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов, много уделяет времени изучению и собиранию источников по истории Запорожского Войска.

Адрес А. М. Лысенко.

Ввиду частых запросов об условиях поселения на землю в Парагвае, сообщаем адрес А. М. Лысенко: А. М. Lissenko, Calle Asuncian, Casa doctor Timchenko Encarnacion Rep. del Paraguay.

Интересующиеся могут списаться непосредственно по этому адресу.

Письмо в редакцию.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Прошу Вас, поместите в Вашем журнале нижеследующее:

Не имея возможности отвечать каждому в отдельности, прошу все организации и отдельных лиц принять от меня сердечную благодарность за присланные мне поздравления и пожелания в день моего восьмидесятилетия.

Примите уверение в совершенном почтении преданного Вам П. И. Кокунько.

В Казаки.

Что делают оккупанты?

В коммунах и колхозах.

Чтобы казачья эмиграция имела некоторое представление о колхозах и коллективизации, приведем ниже вырезку из „К. З.“ от 21 июля с. г., характеризующую „работу“ оккупантов в ст. Ново-Титаровской и (косвенно) — отношение к этой работе нашего населения:

Ново-Титаровская — крупнейшая станица в Краснодарском районе. Географическое расположение, почвенные условия и близость железной дороги, поставили ее на одно из первых мест по производству зерна и различных технических культур.

Ново-Титаровская насчитывает 4.100 дворов и больше 20.000 населения и имеет громадный удельный вес в хозяйственной и политической жизни района.

Как же проходит в Ново-Титаровской работа по завершению сплошной коллективизации? Как проводится работа среди единоличников и как они вовлекаются в колхоз?

Мы уже сказали, что в станице имеется 4.100 хозяйств. Из них, по официальным данным, в колхозе состоят 1.000 бедняцко-средняцких хозяйств, но это только по „официальным данным“. На самом же деле, единоличников больше. Нужно только как следует учесть выбывших из колхоза, как цифра 1.000 значительно увеличится.

Больше тысячи хозяйств, больше четверти бедняцко-средняцких хозяйств ст. Ново-Титаровской находятся вне колхоза.

В чем же дело? Почему Ново-Титаровская отстала от других станиц?

Ответить на эти вопросы не трудно. Следует только присмотреться, изучить создавшуюся обстановку. Корень зла — в отсутствии массовой разъяснительной

работы среди единоличников, оппортунистическая недооценка этого дела со стороны руководящих организаций.

Ни правление колхоза „Большевик“, ни стансовет, ни партийная и комсомольская ячейки коллективизацией не занимаются. В результате — отсутствие роста колхоза, в результате за время сплошной кампании и косовицы не подано ни одного заявления.

В „Красном Знамени“ неоднократно писалось о недостатках в работе колхоза „Большевик“. Невыход на работу, слабое развертывание ударничества и соцсоревнования, плохая постановка учета, игнорирование индивидуальной сделки и т. п., все это заставляет единоличника сильнее колебаться, расшатывает сложившееся в пользу колхоза мнение.

В то время, как станичные организации „почили на лаврах“, успокоились на достижениях весенней посевной кампании, кулачество и его агентура развернули бешеную агитацию против колхоза.

Не так давно в станице был вывешен от имени районного прокурора подложный приказ, призывающий к выходу из колхозов. Правда, стансовет принял необходимые меры, виновники выявлены и привлекаются к ответственности, но все же большевических выводов из этого никто не сделал. Работа по вербовке в колхоз единоличников не сдвинулась с мертвой точки.

Наступила уборочная кампания, развертывается косовица, а единоличник все на отшибе, в стороне.

Косовица в единоличном секторе проходила самоотечком, руководства не было. Начало уборочной местных организации не использовали для работ по вербовке в колхоз.

— Кончится уборочная, единоличник и сам пойдет в колхоз, — заявляют руководители.

И ничего не делают!
Такое отношение к делу дезорганизует работу,
— б'ет по коллективизации.

Отрицательно отражается на коллективизации также и засоренность аппарата правления колхоза „Большевик“ чуждым элементом. Здесь особенно проявляет себя бухгалтер Савенко — бывший офицер, который грубит, обращается с крестьянами, как и „старое, доброе время“, Копылов — бывший помещик, белогвардеец, ныне председатель товарищеского суда, систематически издающийся над колхозниками, и др.

„Товарищ“ Калинин на Кубани.

В „Молоте“ от 17 июля находим „известие“, что „вчера колхоз „Октябрь“, Кореновского района, посетили председатель ЦИК СССР тов. Калинин и председатель крайисполкома тов. Пивоваров. Тов. Калинин подробно ознакомился с положением колхоза“.

Словом, представитель Московской оккупационной власти приезжал посмотреть, как устроились „на новых местах“, его „соотечественники“ из Тамбова — новые колонизаторы Казачьих Земель...

На хлебном фронте.

Июльские номера „Молота“ и „Кр. Знамени“ полны „хлебным вопросом“ в Казачьих Краях — уборкой урожая, молотью, „сдачей зерна“ и „снабжением им промышленных центров“. Как все это „идет“ там, можно видеть из помещаемых ниже вырезок.

В „К. З.“ от 11-VII узнаем, что

„Во всех колхозах Краснодарского района началась массовая уборка урожая. Первые сведения с мест, полученные от наших выездных редакций, говорят о целом ряде крупнейших недостатков, выявившихся на первых же порах уборки. Норма выработки не выполняется в большинстве колхозов“.

В тот же день Ростовский „М.“ кричит: „нужны срочные, решительные меры“, ибо „элеваторы и склады не готовы“ к приемке зерна:

„В первые же дни кампании обнаруживаются прорывы в приемке хлеба. Союзхлеб, имея в своем распоряжении много времени, не привел в боевую готовность элеваторы и все складское хозяйство“.

Как шла уборка урожая, узнаем из „М.“ 13 июля: „В Ново-Покровском районе началась массовая уборка озимых колосовых. Однако, начало уборочных работ показывает неподготовленность к ним ряда колхозов“.

Так, по колхозу им. Сталина, ст. Новолокинская, из валения на 11 дней 1.600 га за 7 дней работы выполнено только 300 га. Причины кроются в полной неспособности правления колхозов руководить уборочными работами. В первой бригаде, например, стоят без дела девять вполне годных косилок из-за отсутствия... построек.

В Ново-Покровском колхозе „12-я годовщина Октября“ не ведется борьбы с потерями зерна. 7-я бригада так расставила косилки, что скошенный сноп попадает под колесо трактора и зерно вдавливаются в землю...“

„7 июля совхоз имени Сталина Армавирского района, начал уборку урожая.“

Первые дни уборки показали большую неорганизованность. Участки совхоза оказались неподготовленными к уборке. Распределение с.-х. машин не проведено. На шестом участке, например, имеются сноповязалки, но их не к чему прицеплять — нет тракторов. На втором участке есть трактор, но нет сноповязалок.

На всех участках рабочие не знают плана уборки. „Порошинская МТС Тихорецкого района должна убрать урожай колосовых в колхозах района своей деятельностью с 21.062 га. Но МТС не подготовилась к уборке. В результате этого в самый разгар косовицы, в то время, как колхозники дружно выехали в поле еще 4 июля, МТС даже 8-VII не смогла отправить все тракторные бригады на участки из-за не законченного ремонта.“

Высланные ранее тракторные колонны в первый день своей работы имели простои тракторов из-за поломки (бригада № 3). Большие поломки косилок были также и в конных бригадах. В колхозе „Серп и Молот“ норма выработки в первые дни косовицы ни в конных, ни тракторных колоннах не выполнялась. План уборочной кампании МТС составлен с большим запазданием (27 июня) и то только по колосовым культурам.

Ничего не сделала дирекция МТС и в организации охраны урожая от пожара и хищения. Обозы для перевозки зерна до сих пор не организованы. Молотильный инвентарь полностью не отремонтирован.

Комсомольская организация, насчитывающая свыше 200 человек по одной Терновской станице, тоже не перестроила своей работы лицом к уборочной кампании...

Тем не менее, оккупанты „нажимают“, спеша выкачать весь хлеб у нашего населения. И эта „операция“ не идет так „гладко“. Напр., в „М.“ от 19 июля читаем:

„Зерносовхозы края, по данным Союзхлеба на 16 июля, сдали на элеваторы 35.701 тонну зерна, что составляет 15,5 проц. июльского плана. Более поздняя сводка краевой конторы зернотреста (17 июля) дает лишь незначительное увеличение — сдано 41.851 тонна.“

Вывоз зерна непосредственно из под комбайнов организован недостаточно. Часть хлеба складывается в бунты. К 17 июля по 5 зерносовхозам („Балтийский рабочий“, Донской, Ставропольский, Тагинский, Тихорецкий) оставалось в бунтах более 1.600 тонн хлеба. Теряются часы при разгрузке и выгрузке зерна. Авто-транспорт работает нечетко.

Совершенно неудовлетворительны результаты сдачи хлеба по решающим зерносовхозам — „Гиганту“, учебноопытному, Кубанскому, Приазовскому, „Балтийскому рабочему“, Чеченскому“.

В Кущевском районе подготовка к хлебозаготовительной кампании по-настоящему не развернута. Недостает мешков. К изготовлению ящиков для бестарной перевозки зерна приступлено не во всех колхозах. Сведений, сколько изготовлено ящиков, не имеется. По Алексеевскому сельсовету вовсе ничего не делается, чтобы перекрыть недостатки мешков.

В районе деятельности Кущевской МТС также неудовлетворительно готовятся к организации бестарных перевозок.

Совершенно не ведет подготовки семеноводческая кооперация. Колхозы не знают, куда и как сдавать сортовое зерно...

Курганенский район в июле должен заготовить 48 тысяч центнеров зерна. Однако, совершенно никакой работы по выполнению этого плана в районе не развернуто. Хлебозаготовки даже не начаты. Планы по сельсоветам спущены, но они лежат там без движения. Массовой работы вокруг выполнения хлебозаготовок в колхозах и сельсоветах не ведется.

Июльский план под угрозой срыва.

Новочеркасский район должен в июле заготовить 54 тысячи центнеров хлеба. Выполнение этого задания идет явно неудовлетворительными темпами. На 15 июля в районе было заготовлено только 115 тонн зерна, из них 100 тонн падают на Хуторской приемный пункт, остальные на Манычский и Богаевский пункты. Половину поступившего зерна (60 тонн) дал Бессергеевский колхоз. От единоличников еще не поступило ни одного килограмма.

Ст. Целина работа предстоит огромная, но подготовки к ней нет.

Еще в прошлом году обещали уложить вытяжной тупик и... до сих пор еще не начинали укладывать.

Часто из Целины из-за отсутствия воды гоняют паровозы на ст. Атаман. Между тем, под носом тут же у самой станции имеется артыманский колодезь, вода которого годна и для питья, и для питания паровозов.

Союзхлеб на первую декаду июля требовал 240 вагонов. Район дал ему 200, а Союзхлеб загрузил 63, 133 вагона стояли на путях, „наживая“ просветы, которые с трудом удалось устранить станции.

На станции Трубецкой такая же история. По зимним планам решено было к 1 июля уложить два

новых путях — первый и седьмой, но до 10 июля эти два пути и не думали начинать укладывать.

Преступно строится вокзал, а еще хуже пакгауз. Навезут материала, заложат фундамент и... — „Ломай! Разбей! — Не пакгауз, а вокзал здесь будем строить“. И пакгаузы не строят, а весь материал собрали погрузили в вагоны и увезли со станции, неизвестно куда.

Планы по развитию ст. Верблюды гласили так: к началу уборочной кампании надо было уложить 3 новых пути. Первый путь уложен, второй обещают сделать к 15 августа, а третий даже неизвестно — будут укладывать или нет. Печальная история вышла и с постройкой барakov для грузчиков, живущих сейчас под открытым небом. Предполагали построить к 1 июля, а теперь раньше 3-х месяцев барakov не видать.

Ст. Мечетинской, несомненно, надо было уложить два пути, чтобы увеличить ее пропускную способность. Но... этот вариант находится еще в проекте.

О „слабом ходе“ хлебозаготовок в Армавирском районе читаем в том же „М.“ на другой день (20 июля): „Темп уборочной кампании в Армавирском районе явно неудовлетворителен. На 15 июля скошено 14 тысяч га, т. е. немногим больше 13. проц. плана.“

Естественно, темпы уборки определяют темпы хлебозаготовок. Однако, в Армавирском районе между количеством убранного хлеба и сданного на элеваторы образовался огромный разрыв. Скошено 14 тыс. га — подготовлено 60 тонн, тогда как по самым скромным подсчетам мы должны были иметь тысячи тонн зерна... „Как „они“ хозяйничают“, можно вычитать, напр., в „К. З.“ 22-VII:

„20-го июля колхоз „Большевик“ ст. Ново-Титаровской должен был приступить к молотбе. Рассгавив 16 молотилок, ожидали начала работы.“

С раннего утра бригады вышли в поле, колхозники подготовились к молотбе, взяли грабли, вилы, но... пустили одну машину — не работает, вторую — тоже, третья дает перебой, и так, из 16 машин 20 июля работали только 7, да и эти допустили большие перестои.

В чем же дело?

Дирекция ново-титаровской МТС отнеслась к подготовке машин безответственно. Почти ни одна молотилка бесперебойно работать не может. У некоторых не пошли локомобили, у других поломан регулятор, у третьих — насос, у четвертых не отремонтированы распределители пара, у пятых нет корцов и т. д.

Почти ни одна молотилка не укомплектована полностью инструментом и вспомогательным материалом.

В первый же день позорно сбежали два машиниста, преступно сорвав работу. Безобразно отнеслось к делу правление колхоза „Большевик“, которое вспомнило о необходимости проверить готовность машин только 19 июля. По вине правления колхоза машины не укомплектованы вспомогательной рабочей силой. Это тоже отразилось на работе. Не хватает весов, плохо с тарой и, наконец, в последний момент выяснилось, что еще не имеется апробации. Без этого колхоз находится в тупике и не знает, можно ли отвести зерно к чистосортному или нет и куда сдавать хлеб...“

Не лучше обстоит дело и в северной части Дона. В „М.“ от 25 июля читаем:

„В Вешенском районе преступно затягивается уборка. Недопустимо медленно идет покос яровых. Скошено только 51 процент площади. Прошедшие дожди способствовали быстрому созреванию хлебов, зерно осыпается, налицо угроза больших потерь. Между тем правления колхозов и сельские ячейки не мобилизовали колхозную массу на быстрое окончание уборки и обмолота.“

Даже ничтожное количество убранного хлеба не обмолочено. Всего обмолочено только 624 тонны.

Секретарь ячейки, председатель колхоза и стансовета станицы Еланской даже не показываются в поле. Уполномоченный района по Терновскому совету Попов сознательно обманывает районные организации высокими показателями.

До сих пор во многих колхозах не подготовлены токи. Совершенно не удовлетворительно используется тяговая сила. В Верхне-Чирском колхозе до 100 волов не используются. В Крушинском колхозе простаивают тракторы.

В Вешенском районе большая угроза урожаю... „Из-за „слабой сдачи хлеба государству“ „нервничает“ и „К. З.“ 25 июля:

... Несмотря на развернувшуюся уборку, темпы обмолота и сдачи хлеба явно неудовлетворительны, сдача хлеба производится по существу только совхозами и выполнение июльского плана хлебозаготовок стоит под угрозой, что приведет к срыву обязательного задания по вывозу хлеба рабочим центрам.

В Краснодарском районе мы еще не можем констатировать июльского перелома в темпах хлебозаготовок. Колхозы, за редкими исключениями, к сдаче хлеба государству вообще еще не приступили. Между тем, обмолот хлеба начался почти во всех колхозах и, следовательно, уже есть полная возможность к тому, чтобы организовать массовый вывоз хлеба на государственные ссыпки...“

Несколько ниже газета уже „бьет тревогу“:

Первые дни хлебозаготовок заставляют бить тревогу. Элеватор ст. Ново-Титаровской задание не выполняет. За три дня (20-23 июля) должно было поступить по единоличному сектору 600 центнеров, а сдано только 62; по колхозному сектору должно поступить 6.285 центнеров, сдано — 1.961.

Кулацко-зажиточные хозяйства не сдали ничего.

Из колхозов хлеб сдает только „Большевик“.

А „К. З.“ 29 июля уже кричит:

„Июльский план хлебозаготовок — под непосредственной угрозой срыва.“

А из передовой и другого материала, посвященного хлебному вопросу, узнаем и некоторые „детали“: „До срока выполнения июльского плана хлебозаготовок осталось три дня. Однако, июльское задание в 3700 тонн хлеба выполнено всего лишь на 205 тонн или 6 проц. По колхозам, обслуживаемым МТС, задание 2700 тонн, сдано 110 тонн, или 4 проц., по колхозам не обслуживаемым МТС задание 250 тонн, сдано — 9 тонн, или 3,5 проц. По единоличному сектору, вместо 870 тонн сдано только 70 тонн, или 8 проц. Кулацко-зажиточными хозяйствами сдано только три тонны.“

Мы не раз сигнализировали, что подготовка к хлебозаготовкам и сами хлебозаготовки ведутся из рук вон плохо. Но ошибки первых дней хлебозаготовок не только не исправлены, но их продолжают углублять...“

Словом, там все — „на военном положении“: борьба продолжается...“

На „овощном фронте“.

Наряду с вопросом хлебным, не меньшее место в обеих сов. газетах уделяется овощам.

Оказывается, что наши Края должны снабжать овощами „промышленные центры“ центральной России. А т. к. по существу это все тот же грабёж, то „гладко“ идти он не может. Весь „овощной фронт“ характеризуется весьма короткой фразой: „Сами не доедай, а промышленные центры корми“. А как это делается, тоже можно вычитать, — иногда в строчках, иногда — между строк.

11 июля, напр., „К. З.“ признается, что „план декады сорван“:

„Первая декада июля кончилась. В эту декаду союзплодоовощь должен был дать 11.800 тонн овощей. Для того, чтобы справиться с этим заданием, союзплодоовощь должен был отгружать в день не меньше 1.100 тонн. Однако, самая большая цифра дневной отгрузки за 9 дней июля составила 208 тонн, а в среднем колебалась между 100-150 тоннами.“

Это привело к тому, что на 10 июля план первой декады выполнен на каких-нибудь 10-11 процентов“.

Из „М.“ от 12-VII узнаем, что в Краснодарском районе

„После прошедших дождей значительно увеличился выход товарной овощной продукции.“

Последние 3 дня дают некоторое увеличение отгрузки овощей в промышленные центры...“

В самом Ростове дело на этот счет слабее. По словам „М.“ (16-VII):

„Только 14 июля из Ростова, наконец, был отправлен овощной маршрут в 37 вагонов для рабочих Ивано-

во-Вовнесенска в Москвы. Понадобилось больше недели „Союзплодоовощ“ для того, чтобы организовать этот маршрут. Эти черепашьи темпы характеризуют работу краевой конторы“.

Вообще же — как „хозяйничают“ на этом фронте, можно составить себе представление по такой, напр., заметке в „К. З.“ от 20-VII:

„В высшей степени ненормальное явление — доставка овощей в перезрелом виде, а зачастую и в непригодном состоянии. Подобные факты имеют место в елизаветинском колхозе „Шабанохабль“ и в пашковском „Шлях Ильича“. Колхоз „Шлях Ильича“ доставляет капусту 1-го сорта 15 проц., 2-го сорта — 35 проц., 40 проц. на переработку и 10 гнилой. Причина этого — безответственное отношение к работе.

Происходят и такие штучки: колхозом дается заявка на подвозку овощей. На основании заявки зав. пунктом дает требование о подаче вагонов, но овощи не подвозятся, и приходится платить за простой вагонов. Эти недостатки влияют на ход заготовок, на качество овощей“...

21 июля „М.“ в передовой констатирует:

„Отгрузку овощей промышленным центрам край выполняет явно неудовлетворительно“.

На „финансовом фронте“.

Не лучше с финансами (заем третьего, решающего года пятилетки). Согласно передовой „К. З.“ от 15-VII: „Первая декада июля показала совершенно неудовлетворительные темпы работы по мобилизации средств населения. Июльское задание по Краснодару выполнено всего лишь на 18,3 проц. Еще хуже показатели по Краснодарскому району. Здесь месячный план за первую декаду выполнен только на 12,6 проц.“

Пессимистически настроен „М.“ 19 июля в нем читаем:

„На 15 июля в ходе реализации займа на селе перелома еще не достигнуто. На это число реализовано по краю всего лишь 20,3 проц. контрольного задания. Наряду с такими областями и районами края, как Адыгея, давшая на 15 июня 105 проц. реализации займа, Ейский район, приближающийся к выполнению контрольного задания по займу, имеется целый ряд районов, позорно плетущихся в хвосте. Благодарненский, Белоглинский, Каневской, Александровский, Гигантовский, Баталпашинский, Курсавский, Ново-Александровский и др. — все эти районы до сих пор не сумевшие добиться действительно большевистских темпов в реализации займа третьего решающего года пятилетки. В этих районах не сумели развернуть массовой работы, не привлекли внимания и актива колхозников, бедноты и середняков к вопросу практического участия в реализации займа“...

Письмо казака с Украины.

Здравствуй, дорогой брат!

Долго не решался тебе написать письмо и от тебя нет, то решил написать. Мы пока живы и здоровы, хотя здоровье в отношении политической устойчивости не очень твердое. Брата П. здесь, на Украине, нет, уехал на Северный Кавказ. Я с женою и А. пока проживаем тут. От стариков, папы и мамы, вот уже 7 месяцев нет писем, так что не знаю, живы ли они и как живут. Не знаю почему, но письма не идут. В хуторе людей остается, как от пожара травы, и с каждым днем все новые и новые жертвы несчастных хлеборобов терзает, как забитого, загнанного зайца. Народ гибнет на холодном Урале с холоду и голоду в глубоких лесах. Что творится и что оно дальше будет, неизвестно. А так, судя по жизни крестьянства, то кроме гибели ничего ждать нельзя.

Рабочему народу пока живется лучше. Ну, вообще цель власти — уничтожить хлебороба, как враждебный

класс для пролетарской диктатуры. Если бы ты знал и видел эту картину, какая жизнь в деревнях, то ужасно подумать. На высылку везут на далекий север, где лето бывает 2—3 месяца.

Ну, пока желаю тебе там спокойно пожить за нас, бродящих из угла в угол по России, как обезумевших. Брат писал, что он живет пока ничего, работает в конторе. К нему с неделю как уехала жена, повезла кое-что из одежды. Ну, до свиданий. Дай, Бог, чтобы увиделись, но что то не думается. Пиши, я все пойму. Ну, дай, Бог, скорее увидеться. Твой брат...

Письма с Дона.

Письма эти получены донским офицером в Париже от своей сестры и брата. Сестра пишет открытку, а брат — закрытое письмо. Эти письма являются отчаянным криком души казака, загнанного властью красной Москвы в безвыходное положение, обреченного на гибель.

I. Открытка.

... 12 июля... Здравствуй Н. Я жива и здорова. Сидим в И. (станция... Донского округа) — арестованы, будут грузить неизвестно когда, повезут в Казахстан. Нас туда выселяют. Имущество забрано все в колхоз, а мы в чем остались в том и едем. З. уже в Казахстане. Нас здесь масса с семьями... Прощай... Твоя сестра...

II. Закрытое.

Здорово брат! Пока живы здоровы, но держимся на нолоске. Вот уже 13-й год после революции идет какая-то неразбериха. Л., Г., К., С., всех и не перечислишь, вот уже месяц как выслали на Урал на местожительство, а семьи их в районе Л. на сборном пункте, скоро будут отправлены туда. Но там всех поразили порознь, а сюда прислали киргизов, туркменов — азиатов — все нагие. В нашем хуторе их 70 человек. Все раскулачены, ничего не поймешь: или кулаки или старцы, как это понять... Народ бежит за границу, более на Персию... Если понимать, что расселяют на свободные места, то сюда гонят больше.

Урожай в нашем месте нет, говорят, что на Кубани урожай... Всех гонят в колхоз, а кто не хочет — все забирают и живы тогда между небом и землей; все разумши и голодные, телешами... Только хорошо коммунистам: где что увидел — все его!... ибо он подпирал коммунистическую власть, чтобы она не упала.

У нас осталась корова и телушка, все забрали и перевели, да и у всех также все поперевели. По секрету нам сказали, что и нас выселяют, так как с Дона выселяют 60 тыс., а сюда присылают калмыков, киргизов. Ну просто цыганская жизнь: день под телегой, а ночь под повошкой. Из хат выгоняют и родные никто не смеет брать, приютить, а то и самих тоже выгонят из хаты... Вот подошло смутное время, народ как шальной: лезет, берет и ост... (не разборчиво). Закона никакого нет, кроме грабежа... Только в газетах пишут все есть и буржуев догнали и перегнали, а на деле опять ничего... Порядочные люди уже не читают газет, а получают и рвут, в них одна брехня. 13-й год обещают трактора... но тракторов нет, а быков поели; где-то есть трактора, но не пашут, какую-то тайну в тракторе не добьются... Письма пиши реже, так что... А. просил у тебя песню „мне все равно“, но ты не понимал, он писнул о нашей жизни.

Последнее. О доме нужно забыть, потому что зимою выгоняют из хат, а если жить на севере, где только белые медведи живут — то это не жизнь... М. опять убежал в Польшу...

Цены: 2½ фунта (кило) мяса — 4 руб.; пачка табаку — 1 рубль 25 коп.; 1 пуд ржаной муки — 37 руб., но ее не найдешь. День работают за 1 фунт хлеба, а работа безатланная: роют землю и опять туда бросают, дабы не было безработицы... Твой К...

Соловецкая каторга.

Недавно в Варшаве издана интересная брошюра „Соловецкая каторга“ под редакцией Л. Чикаленка. Брошюра заключает в себе собрание документов-писем украинцев — беглецов с советской соловецкой каторги, нашедших себе приют в Финляндии. Все эти письма людей, испытавших на себе всю тяжесть и ужас большевицкой политической каторги (Соловецкого концентрационного лагеря) полны непосредственных и ярких описаний коммунистического грубого произвола, дикого насилия каторжных надсмотрщиков и полного бесправия, страданий, лишений и терпений осужденных политических „каторжан“.

Для казаков описание ужасов соловецкой большевицкой каторги имеет то значение, что беглецы-корреспонденты все время подчеркивают национальный состав осужденных, упоминая, что каторга заполнена главным образом украинцами, донцами, кубанцами,

м.и. прочими казаками и кавказцами. Из этого можно судить, что соловецкая страшная каторга установлена большевиками с определенной целью изолировать и подвергать наказанию наиболее сознательный и влиятельный элемент на землях, противящихся советской власти и российскому господству. С другой стороны существование в „советском раю“ такой огромной каторги, которая в системе большевицкого террора наряду с выселением целых масс населения из непокорных земель, должна бы, по мнению большевиков, привести к искоренению „сепаратизма“ среди покоренных народов, ясно свидетельствует о том, что свободолюбивый Дух и Вера в борьбу за освобождение даже под тяжелым, несравнимым ни с чем, красным террором, живет в массах Казачества, Украины, Кавказа и всех тех народов, которые боролись, борются и будут бороться за свое освобождение.

На Дальнем Востоке.

I.

Редакция „В. К.“ получила с Д. В. следующее обращение Забайкальского Областного Совета РКК партии, характеризующее положение вещей на Дальнем Востоке. Вот его начало:

Братья казаки, крестьяне, рабочие, красноармейцы, комсомол, красные и белые командиры и эмигранты!!!

Настало время не только объединяться, а время борьбы за свое право на жизнь, право на существование и свою независимость!

Много ушло времени с момента, когда мы с оружием в руках дрались, убивая друг друга, одни защищали красных, другие белых. Эта борьба привела нас к таким лишениям, которых еще не видал мир.

Боровшиеся против красных — „белые“ были изгнаны из пределов своей Родины и, очутившись в эмиграции, несут страшные лишения. Боровшиеся против „белых“ — красные, своими головами и кровью дали победу коммунистам, очутились в рабстве красного самодержавия и несут неслыханное варварство ига коммунизма!

Эти лишения и страдания повелительно диктуют необходимость отбросить прежнюю злобу, забыть старые счеты и объединиться воедино, с единой целью, — борьбы с варварским самодержавием, за право и свободу народов!

Этим началам мешают так называемые „водители“ эмиграции с одной стороны и коммунисты-красные дворяне с другой, которые разжигают страсти ненависти и злобы, развешивая массы на белых и красных, на кулаков и неимущих, на божьих помазанников и послушных и непослушных варваров. (Разделяй и властвуй).

13 лет мучают и дурачат народ всевозможными вариациями „освобождения“, а другие „строительством“ и „достижениями“ пролетариата и т. д...

Многие „водители“ белого движения, в том числе так называемый ат. Семенов, ген. Бакшеев и другие, прихватили войсковые суммы, обзавелись имуществом-домами и живут в свое удовольствие, тогда как остальные эмигранты: казаки, солдаты и рядовое офицерство голодают и нищенствуют. Пора бы сказать: Долой казнокрадов! Долой авантюристов!

Начало и принцип объединения положены в программе РКК партии, которая стоит на платформе самоопределения народов и народоправства.

На принципе и платформе РКК партии организовался Забайкальский Областной Совет, который в свои руки берет всю полноту власти и бросает клич объединения! Заб. Обл. Совет надеется, что клич объединения будет услышан народами Забайкалья и что народы Забайкалья всемерно поддержат благие начинания Заб. Обл. Совета!

Забайкальский Обл. Совет обращается ко всем Казачьим Войскам, крестьянам и рабочим с предложением, организуйте Областные и Губернские Советы, согласно программы и устава РКК партии и самостоятельно работайте в подполье на территории СССР, подготовляя третью, противокommунистическую революцию в России. Помните, что только вы сами освободите себя от ига коммунизма!..

II.

В Манчжурии образовался „Совет Дальневосточной группы Сибиряков Областников“. В выпущенном воззвании к сибирякам Совет провозглашает: „Идея Свободной Сибири — жива! В изгнании, в широких просторах Сибири — она горит священным огнем в сердцах по природе свободных сибиряков.“

Сибиряки помнят свой лозунг „Свободная Сибирь“ — свое бело-зеленое знамя. Десятилетие тяжкого застоя и зарубежных лишений не изменили сибиряка. В необъятной Сибири и на далеких рубежах, сибиряки до сего дня, кладут камень за камнем на фундамент „Свободной Сибири“...

По мнению Совета: „Наступает решительный час, близок конец тирании насильников-коммунистов.“

Весь мир готовится к борьбе. Родина вас зовет, сибиряки, на последний решительный бой.

Вас много, вы везде от Урала до Тихого Океана, на всех далеких рубежах — ваша мать Сибирь.“

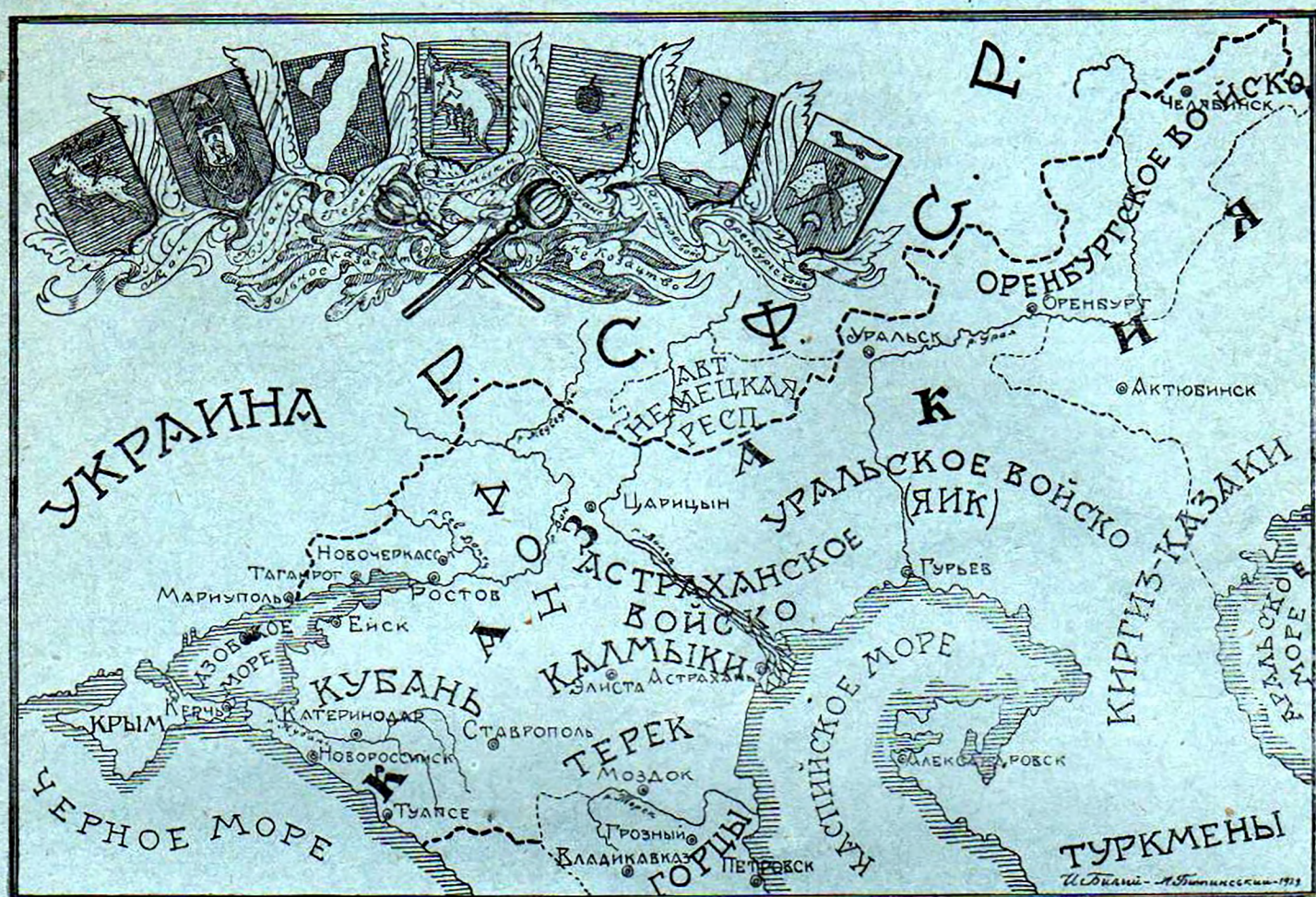
Розыски.

Розыскиваю своего брата Ивана Филип. ДУБРОВСКОГО и Александра Вас. ПАНОВА. Лич, знающих их место нахождения, прошу сообщить по адресу: Michal Dubrovski, Plzenská 34, Praha-Košíře, Tchécoslovaquie.

Студент Федор ДЕНИСОВ (Beograd, Tršćanska 5) розыскивает казака ст. Суворовской (дон.) Ивана Ем. ПЕРЕСЫПКИНА.

Редакция „В. К.“ просит сообщить адрес есаула СЕЛИНА для пересылки ему письма из Чили.

Калмык Чунусовской станицы Санчир АБУШИНОВ ищет своего дядю Пурве Даржиновича РОМАНОВА Эркетинской станицы. Адрес Абушинова: Abuszynow, ulica Zwyciezcow, № 20. Warszawa (4) Pologne.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казачи!

Подписывайтесь на свой журнал

„Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.